

Bodleian Libraries

UNIVERSITY OF OXFORD

This book is part of the collection held by the Bodleian Libraries and scanned by Google, Inc. for the Google Books Library Project.

For more information see:

<http://www.bodleian.ox.ac.uk/dbooks>

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 2.0 UK: England & Wales (CC BY-NC-SA 2.0) licence.

Slav. J.

7.

ЧЕТЫРЕ БЕСѢДЫ

ФОТІЯ

СВЯТѢЙШАГО АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО

И

РАЗСУЖДЕНІЕ О НИХЪ

АРХИМАНДРИТА ПОРФИРІЯ УСПЕНСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

1864.

Отъ Санктпетербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется. Сентября 24 дня, 1864 года.
Цензоръ, Архимандритъ *Серій*.

СВЯТЫЙШАГО ФОТІА АРХІЕПІСКОΠΑ ΚΟΝΣΤΑΝΤΙΝΟΠΟΛΕΩΣ

ΠΕΡВАЯ БЕСѢДА

ΠΟ ΣΛУЧАЮ НАΠΕΣΤВІА ΡΟССΟΒЪ.

Τί τοῦτο; Τίς ἡ χαλεπή αὐτή πληγή καὶ ὀργή; Πόθεν ἡμῖν ὁ ὑπερβέριος οὗτος καὶ φοβερός ἐπέσκηψε κεραυνός; Ποῖα νέφη παῶν πυκνωθέντα! Τίνων δε κριμάτων σφοδραὶ παρατρέψεις τὴν ἀνυπόστατον ταύτην καὶ ἡμᾶς ἐξεπυρίνησαν ἀστραπήν; Πόθεν ἡ βαρβαρική αὐτή καὶ πυκνή καὶ ἀσπρά κατερῆα γη θάλασσα; ὄκαλάμους σίτου κείρουσα καὶ τὸν στάχυν συμπατάττουσα, ὄκα κληματίδας ἀμπέλου μαστίζουσα καὶ τὸν καρπὸν ἄωρον τεμαχίζουσα, ὄκα φυτῶντα στελέχη τύπτουσα, καὶ τοὺς κλάδους διασχίζουσα, — ὄ πολλοῖς πολλὰκις μέτρον ἐπλήρωσεν ἐσχάτης κακώσεως, — ἀλλ'

I. Что это? Что за-пораженіе столь пагубное? Что за-гнѣвъ столь тяжкій? Откуда упалъ на насъ этотъ дальносѣверный и страшный перунъ? Какія сгущенныя тучи страданій! И какія судьбы крѣпкимъ треніемъ взаимнымъ воспламенили на насъ эту зіяющую молнію? Откуда нахлынуло это варварское, сгущенное и грозное море, не стебли пшеницы пожинающее и не колосья попирающее, не виноградныя лозы размножающее и не зародыши гроздовъ истребляющее, не молодыя лѣторасли побивающее и не вѣтви отторгающее, — что у многихъ часто бывало въ воздаяніе за крайнее зло, — но самихъ людей губящее жалостно, и весь родъ нашъ истребляющее горестно? Откуда, или какъ, излились на насъ, чтобъ не сказать бо-

ἀνδρώπων αὐτῶν δικτρώς τὰ σώματα συναλήθουσα, καὶ τὸ γένος ἅπαν πικρῶς ὀλοθρεύουσα; Πόθεν, ἢ πῶς τῶν τηλικούτων καὶ τοσούτων κακῶν ἡ τρυγία, ὅτι μὴ μείζον εἰπεῖν, ἐξέχυθη ἐφ' ἡμᾶς; Ἄρα διὰ τὰς ἀμαρτίας ἡμῶν ταῦτα πάντα ἦλθον ἐφ' ἡμᾶς; κ. τ. λ.

Ὅντως ἐλασσάνουσι φυλάς ἀμαρτίαι, καὶ ὡς ρομφαία διστομος πᾶσι τοῖς χρωμένοις αὐταῖς. Ἐβήσθημεν κακῶν, οἷς πολλάκις συνεσχέθημεν· δέον εὐχαριστεῖν, οὐκ ἐυγνωμονήσαμεν. Εσώθημεν, ἡμελήσαμεν· Ἐφρουρήθημεν, κατεφρονήσαμεν, ἐφ' οἷς δέος ἦν τιμωρίαν ὑποσχεῖν· Ὁ γνῶμης ὠμῆς καὶ ἀδιακρίτου! Καὶ τί γὰρ οὐχὶ τῶν δυσχερῶν καὶ δεινῶν πασχειν ἄξιον, ἐπεὶ περ τοὺς μικρὰ τινὰ καὶ τῶν ἐυτελεστάτων ὀφείλοντας ἀποτόμως εἰσεπραξάμεθα; Ἐτιμωρησάμεθα, οὐκ ἐμνήσθημεν τῆς εὐχαριστίας, παρελθούσης τῆς ἐυεργεσίας· οὐδ', ὅτι συγγνώμης ἐτύχωμεν, τοὺς πλησίον ὠκτετήσαμεν· ἀλλ' ἐν ᾧ τῶν ἐπικρεμασθέντων φόβον καὶ κινδύνων ἀπηλλάγημεν, ἀγριώτεροι τούτοις κατέστημεν, μήτε τὸ πλήθος καὶ μέγεθος τῶν οἰκείων ὀφλημάτων, καὶ τὴν ἐπὶ τούτοις τοῦ σωτῆρος συχώρησιν λογισάμενοι, μήτε τὴν τῶν ὀμωδούλων ἐφειλὴν βραχυ-

лѣе, подонки такихъ и столькихъ золъ? Не за грѣхи ли наши все это ниспослано на насъ? Не обличеніе ли это беззаконій нашихъ, и не общественный ли памятникъ имъ? Не доказываетъ ли настоящая кара, что будетъ судъ страшный и неумолимый? Не должно ли всѣмъ намъ ожидать, что никто не избѣжитъ будущей огненной мѣки, когда теперь наяву никто не оставляется въ живыхъ? — Истинно, грѣхи уменьшаютъ племена. Они мечъ съ двумя лезвиями для всякаго, кто преданъ имъ. Многократно мы были избавляемы отъ обдержавшихъ насъ бѣдъ: надлежало бы благодарить? не заблагодарасудили. Были спасаемы? облѣнились. хранимы? презирали тѣхъ, которые могли дать намъ острастку наказаніемъ. О нравъ жестокий и безразсудный! И какъ не терпѣть намъ страшныхъ бѣдъ, когда мы убійственно расчитались съ тѣми, которые должны были намъ что-то малое, ничтожное? Были мы наказываемы? забывали благодарить по минованіи сего благодѣянія. Получали прощеніе? не миловали ближнихъ: напротивъ, какъ только избавлялись отъ тяготѣвшихъ надъ нами утрашеній и опасностей, поступали съ ними гораздо суровѣе, не помышляя ни о множествѣ и тяжести собственныхъ долговъ, ни о прощеніи ихъ Спасителемъ, и не оставляя сорабамъ малѣйшаго долга, котораго и сравнить нельзя съ нашими долгами. Многие и великіе изъ насъ получали свободу (изъ плѣна) по чело-вѣколюбію: а мы не многихъ молотильщи-

τάτην οὖσαν καὶ μηδὲ ἐν σταθ-
μῇ λόγου ζυγοστατουμένην πρὸς
τάς ἡμετέρας αἰδεσάμενοι. Πολ-
λῶν καὶ μεγάλων φιλανθρώπως
ἐλευθεροθέντων, ὀλίγους ἄλλοις
ἀφιλανθρώπως ἐδουλώσαμεν.
Ἐυφράνημεν, ἐλυπήσαμεν.
Ἐδοξάσθημεν, ἠτιμώσαμεν.
Ἰσχύσαμεν, ἐνδυνήσαμεν· ἐξυ-
βρίσαμεν, ἠφρονευσάμεθα, ἐλι-
πάνθημεν, ἐπαχύνθημεν, ἐπ-
λατύνημεν, καὶ εἰ μὴ τὸν
θεόν, ὡς πάλαι Ἰακώβ, ἐγ-
κατελίπομεν, ἀλλ' ὡς ὁ ἡγα-
πημένος, πληθέντων ἀπελακ-
τίσαμεν, καὶ ὡς δάμαλις πα-
ροιστρέσα τῶν τοῦ Κυρίου προ-
σταγμάτων παροιστήσαμεν,
καὶ τῶν δικαιωμάτων αὐτοῦ κα-
τωλιγορήσαμεν. Διὰ τοῦτο φω-
νὴ πολέμου καὶ συντριβὴ πολέ-
μου ἐν τῇ γῇ ἡμῶν. Διὰ τοῦτο
ἤνοιξε Κύριος τὸν θησαυρὸν
αὐτοῦ, καὶ ἐξήνεγκε τὰ σκεύη
τῆς ὀργῆς αὐτοῦ κ. τ. λ.

ковъ безчеловѣчно сдѣлали своими рабами. Обрадованные всѣхъ огорчали, прославлен-
ные безчестили, сильные и всѣмъ довольные
обижали, безумствовали, утолстѣли, разжи-
рѣли, расширились, и ели, подобно древне-
му Іакову, не отпустили отъ себя Бога ¹⁾, то
подобно возлюбленному (Соломону) попрали
щедроты Его, и какъ прыгающая юница пе-
репрыгнули за предѣлы заповѣдей Господа,
и поглумились надъ законами Его. «За это
«крикъ бранный и разореніе ратное въ зем-
«лѣ нашей. За это отверзъ Господь сокровищ-
«ницу свою, и вынесъ эти сосуды гнѣва сво-
«его ²⁾. За это народъ сей двинулся съ сѣвера
«съ тѣмъ, чтобы дойти до втораго Іерусали-
«ма, и людъ сей устремился съ конца земли,
«неся съ собою стрѣлы и копыя. Онъ грозенъ
«и не милуетъ. Голосъ его какъ шумъ моря.
«Услышали мы шествіе его, увидѣли гроз-
«ный строй его: и руки наши разслабѣли;
«насъ объяли скорби и болѣзни, какъ ро-
«дильницу. Не выходите на поле, и не ѣзди-
«те по дорогамъ; ибо тамъ вездѣ кругомъ

«мечи враговъ ³⁾. — Что скажу о тебѣ? Или, чему уподоблю тебя градъ-
«царь? днесъ вопіеть со мною Іеремія. Кто спасетъ тебя и утѣшитъ тебя,
«когда переполнилась чаша погибели твоей? Кто исцѣлитъ тебя ⁴⁾?»

II. Вы теперь плачете. И меня объяло-было горе и прервало мою рѣчь.
Но почто вы вопіете ко мнѣ? Почто рыдаете? Послушайте меня: приоста-
новите на часъ ваши слезы, и дайте свободу словамъ моимъ.

Δακρύω μὲν γὰρ καὶ σὺν
ὑμῖν, ἀλλ' οὔτε τὴν ἐν χρόνῳ

И я плачу съ вами. Но малыя капли
не угашаютъ пламени разженнаго давно;

¹⁾ Быт. 32, 26. — ²⁾ Іерем. 27, 22. 23. — ³⁾ Іерем. 6, 22—23. — ⁴⁾ Плачъ Іерем. 2, 13.

ἀναρβριπισθεῖσαν φλόγα μικραὶ
ρανίδες σβεννύουσι, τί γὰρ δεῖ
λέγειν, ὡς πλέον ἀνάπτουσι,
οὔτε τὸν ἐκκαυθέντα ὑπὸ τῶν
ἡμετέρων ἀμαρτημάτων θυμὸν
τοῦ θεοῦ πρόσκαιρον δάκρυον
ἰσχύει ἐξηλεώσασθαι. Δακρύω
καὶ γὰρ σὺν ὑμῖν· ἀλλὰ πολλῶν
ταλαιπορευμένων παρίδομεν δά-
κρυα, παρατρέχω γὰρ, ὡς καὶ
ἐκνεώσαμεν. Δακρύω καὶ γὰρ σὺν
ὑμῖν, εἴπερ ἐστὶ δακρύων και-
ρὸς ὁ παρῶν καιρὸς, ἀλλὰ μὴ
πολλῶ μείζων τῆς δακρύων φο-
ρᾶς ἢ καταλαβοῦσα συμ-
φορᾶ· εἰσὶ γὰρ εἰσὶν ὄντως
μείζονες δακρύων πολλαὶ συμ-
φοραὶ, ἐν αἷς τῶν ἔνδον ὑπὸ
τοῦ στηριχθέντος διαφυλαχ-
θέντων, ἢ καὶ σφόδρα γε συ-
σταλέντων τε καὶ συμμεμυ-
κότων, οὐδὲ ἢ διὰ τῶν ὀμμά-
των προχερόμενη πολλακίς κα-
ταλείπεται νοτίς. Οὐχ ἔρω δὲ
νῦν οὐδὲ τῶν δακρυόντων τό κέρ-
δος. Ὅτε γὰρ πρὸ τῶν ἡμετέ-
ρων ὀμμάτων τὰ τῶν ἐχθρῶν ξι-
φη τοῖς τῶν ὀμοφύλων βαπτί-
ζεται ἅμασι, ἡμεῖς δὲ τοῦτο
καθαρῶντες, ἐπικουρεῖν δεόν,
τοῦτο μὲν ἀπορία τοῦ πράττειν
οὐκ ἀναδεχόμεθα, εἰς δάκρυα
δὲ καταφερόμεθα· ποταπὴ τοῖς
ἀτυχοῦσι παράκλησις ἐπιγίνε-
ται, μείζους ἢ ποταμούς τὰ

что я говорю? напротивъ еще болѣе раз-
жигаютъ его; да и сильна ли случайная
слеза умилюетъ воспламененный грѣ-
хами нашими гнѣвъ Божій? И я плачу съ
вами: а многихъ несчастныхъ слезы мы
презрѣли! и полно говорить ли, какъ осу-
шали! И я плачу съ вами, если только
время теперь плакать, и если постигшее
насъ горе не такъ горько, что еще можно
выронить слезу: ибо бывають, бывають мно-
гя несчастія безслезныя, во время которыхъ
у страдальца, сидящаго неподвижно, сжи-
мается и цѣпенѣтъ вся внутренность, и по-
тому не течетъ и та влага, которая въ дру-
гой разъ потокомъ льется изъ очей¹⁾. Да те-
перь я не вижу и пользы отъ слезъ. Ибо, ког-
да предъ нашими глазами мечи враговъ оба-
гряются кровію единоплеменниковъ нашихъ,
и когда мы, видя это, вмѣсто помощи имъ,
бездѣйствуемъ, потому что не знаемъ, что и
дѣлать, и только ударились все въ слезы,
какое было бы утѣшеніе несчастнымъ, если
бы изъ убиенныхъ тѣлъ вытекло больше по-
токовъ крови, чѣмъ слезъ изъ очей нашихъ?
Притомъ, когда скверна грѣховъ не омывает-
ся даже тѣми потоками крови, кои текутъ
тамъ²⁾ вмѣстѣ съ пылью, то могутъ ли смыть
ее ручьи слезъ нашихъ? — Не теперь бы на-
длежало плакать намъ, возлюбленные, а по-
ранше бы слѣдовало ненавидѣть грѣхи. Не

¹⁾ Этими словами Фотій намекнулъ Византійцамъ, что несчастіе ихъ такъ велико, что другіе
отъ него оцѣпенѣли бы, а они только плачуть немного. — ²⁾ Въ предметяхъ Константинополя.

ἀπό τῶν διαιρεθέντων σωμάτων ἐκίνησεν αἵματα, ἢ τὰ ἀπὸ τῶν ἡμετέρων βλεφάρων ἀναδιδόμενα δάκρυα; Ἄλλ' ὅτε ταῖς ἐκεῖθεν καταφερομέναις τῶν λύτρων βραῖς ὁ τῶν πλημμελημάτων οὐκ ἀποσμίχεται μολισμός, ἤπου γε τὰ τῶν ὀμμάτων βεῖδρα τοῦτον ἐκπλύναι δύνησεται; Οὐ νῦν ἔδει κλαίειν, ἀγαπητοί, ἀλλὰ τὴν ἀμαρτίαν μισεῖν ἀπ' ἀρχῆς. κ. τ. λ.

теперь бы горевать, а поранше бы убѣгать отъ тѣхъ наслажденій, кои породили настоящее горе. Мы похожи на властелина, обреченнаго горькому рабству. Какъ ему нелюбо терпѣть мученье отъ бичей: такъ и намъ, надѣлавшимъ столько худыхъ дѣлъ, нестерпимы наказанія, ниспосланныя правосуднымъ Богомъ. Не теперь бы надлежало оплакивать себя самихъ, а всегда бы жить поумнѣе. Не теперь бы раздавать богатство, когда и самъ ты не знаешь. будешь ли владѣть имъ, а поранше бы удерживаться отъ лихоимства, когда

еще не угрожала намъ настоящая гибель. Не теперь бы торговать милосердіемъ, когда торжище жизни, того и гляди, что разогнано будетъ нашедшими бѣдами, но когда мы свободно могли никого никогда не обижать неправдами. Не теперь бы править всею ночью и ходить на литіи, бить перси и стонать тяжело, поднимать руки и утруждать колѣна, плакать заунывно и смотрѣть угрюмо, не теперь бы, когда противъ насъ устремлены отточенные жала смерти. А прежде надлежало все это дѣлать, прежде упражняться въ дѣлахъ добрыхъ, прежде каяться въ дѣлахъ худыхъ. Ибо дѣлая это теперь предъ праведнымъ Судіею, который не очень-то склоненъ прощать, когда надо осуждать, мы, думаю, не къ милости преклоняемъ Бога, а только сами себя обвиняемъ въ воспрепятствованныхъ намъ грѣхахъ. Такъ, нѣкоторые люди, могущіе и умѣющіе жить цѣломудренно и боголюбезно, до наступленія несчастій ничего не сдѣлавъ для добродѣтели и спасенія, и даже безпечно и лѣниво предавшись всею душою влеченіямъ страстей, осуждаютъ сами себя.—Почему ты, плачущій теперь, не воздерживался прежде отъ непомѣрнаго смѣха, отъ блудныхъ пѣсней, и отъ музыкальныхъ разжизаній? Почему ты нахмурился теперь, свелъ брови, надулъ щеки и смотришь тиранномъ? Почему ты, ласковый теперь къ обиженнымъ тобою, и такой степенный и чувствительный, почему прежде внезапно нападалъ, на кого ни попало, какъ зараза какая? Однимъ словомъ: почему ты теперь только сталъ добръ для всѣхъ и во всемъ, а прежде никому ни въ

чемъ не снисходилъ, но величался какъ нечистый на-руки сановникъ, и когда не успѣвалъ мстить по одному подозрѣнію, то и жить не хотѣлъ, или, за ворота выталкивалъ голодныхъ, какъ стерво, тогда какъ весельчакъ питались твоею трапезою и богатствомъ, и расхваливали твое благоправіе? Почему ты острое копые друзей твоихъ презиралъ, какъ бы мало-крѣпкое, а на естественное сродство плевалъ, и вспомогательные союзы расторгалъ, какъ бѣшеный, какъ озорникъ и безчеловѣчный человѣкъ? Долго было бы исчислять воровства и расхищенія, блудодѣянія и прелюбодѣйства, и другія беззаконія, о которыхъ стыдно говорить, — всю эту большую и надолго достаточную подтопку возженного и устремленного на насъ огня; и я знаю, что и сами вы, перебравъ это въ умъ своемъ, горюете и плачете. Но время не терпитъ, Судія неумолимъ, угроза страшна, беззаконій много, одно покаяніе недостаточно.

III. Часто я увѣщавалъ васъ, и говорилъ вамъ даже грозно: но, какъ видно, слова мои падали въ тернія. Часто я вопіялъ, поражалъ васъ, припоминалъ вамъ пепель Содомскій и потопъ, котораго воды разжидили землю и истребили весь родъ человѣческій. Часто поставлялъ я въ примѣръ народъ Израильскій, благополучный, возлюбленный, царственно-священный: какъ онъ за ропоть, за противорѣчіе, за неблагодарность, за иное подобное прегрѣшеніе былъ наказываемъ¹⁾, смиряемъ побѣжденными врагами, умалюемъ тѣми, надъ кѣмъ торжествовалъ, и какъ онъ падалъ и погибалъ. Часто внушалъ я вамъ: берегитесь, исправьтесь, обратитесь, не попускайте отточиться Божію мечу и натянуться Его луку, не принимайте долготерпѣніе Божіе за поущеніе къ нерадѣнію, не лукавьте съ честными людьми. Какъ же теперь поскребети ваши сердца, уже пылающія²⁾, или, какъ еще сильнѣе поразить васъ, удрученныхъ горестію? Не отослать ли васъ туда³⁾, безъ епитиміи, для полученія казней, поставивъ обличителемъ вашимъ настоящую кару? Или, сжалитесь надъ злополучіемъ, а непокорность и грѣхъ оставитъ безъ обличенія? Ну что?—Вразумлялъ я васъ; угрожалъ я вамъ Божіимъ словомъ; «Богъ нашъ — ревнивъ, долготерпѣ-

¹⁾ Т. е. за небольшіе грѣхи. — ²⁾ Знать, сердца ихъ были такъ холодны и жестоки, что надлежало разжечь ихъ бѣдами, да и разжженные — то еще скребети скребкомъ, дабы смягчить ихъ. —

³⁾ Фотій разумѣлъ тѣ мѣста, гдѣ Россы губили Грековъ.

ливъ, но когда разгнѣвается, тогда кто постоитъ?» Вотъ что говорилъ я. Но, какъ видно, я бросался въ огонь; да и теперь не дай Богъ уподобиться мнѣ орѣховому маслу¹⁾. Ибо вы не обращались, не каались: напротивъ, отягчали уши ваши, чтобы не слушать слова Господня. За это излилась на насъ ярость Его, и сталъ онъ бодръ отъ грѣховъ нашихъ, и пристально посмотрѣлъ намъ въ лице.

IV. Οἶμοι, ὅτι ἐμακρύνθη ἡ παροιμία μου, καὶ μὴ μακρᾶς οὔσης, μετὰ ψαλμῶδοῦ βοήσομαι Δαβὶδ, ἐμακρύνθη, ὅτι οὐκ εἰσηκούσθη παρακαλῶν, ὅτι νέφος βαρβάρων, ὄρων τοῖς πταίσμασι καταξηρανθεῖσαν τὴν πόλιν ἡμῶν, τοῖς αἵμασιν ἐπικλύζει οἶμοι, ὅτι ἐπὶ τοῦτοις ἐφυλαττόμην τοῖς κακοῖς ἐγὼ, ὅτι ἐγενήθημεν ὄνειδος τοῖς γείτοσι ἡμῶν, μυκτηρισμὸς καὶ χλευασμὸς τοῖς κύκλω ἡμῶν, ὅτι βαρβάρων ἄπιστος δρόμος οὐκ ἔδωκε τῇ φήμῃ καιρὸν ἀγγελίας, ὡς ἂν τίς ἀσφάλεια περινοηθεῖη, ἀλλὰ σύνδρομον ἔσχεν ἡ θεὰ ἀκοήν, καί τι καὶ χώραις πόσαις, ἐξναρχίαις τε, καὶ ποταμοῖς ναυσιπόροις καὶ λιμενηροῖς πελάγεσι τῶν ἐπελασάντων διειργόμεθα. Οἶμοι, ὅτι ἔθνος ὠμόν καὶ ἀνήμερον ἐπ' ἀδείας ὄρω τῆς πόλεως περιεχόμενον, καὶ τὰ πρὸ τῆς πόλεως ληϊζόμενον, παντα φθεῖρον, πάντα λυμαινόμε-

IV. Горько мнѣ отъ того, что продолжена пресельническая жизнь моя²⁾, — вопію съ псалмопѣвцомъ Давидомъ, — и продолжена тогда, когда уже близокъ былъ конецъ мой, отъ того, что не услышанъ я молящійся, отъ того, что туча варваровъ, видя городъ нашъ засохшій отъ грѣховъ, увлажаетъ его кровями. Горько мнѣ отъ того, что я дожилъ до такихъ несчастій, отъ того, что мы сдѣлались поношеніемъ соудей нашихъ, подраженіемъ и поруганіемъ окружающихъ насъ³⁾, отъ того, что походъ этихъ варваровъ схитренъ былъ такъ, что и молва не успѣла оповѣстить насъ, дабы могъ кто либо подумать о безопасности, и мы слышали о нихъ уже тогда, когда увидѣли ихъ, хотя и отдѣляли насъ отъ нихъ столькія страны и народоначальства, судоходныя рѣки и пристаничныя моря. Горько мнѣ отъ того, что я вижу народъ жестокій и борзый, смѣло окружающій нашъ городъ и расхищающій предмѣстія его. Онъ раззоряетъ и губитъ все, нивы, жилища, пажити, стада, женщинъ, дѣтей, старцовъ,

¹⁾ Видно, что Византійцы не любили и порицали Фотія за его обличительныя наставленія. Не даромъ онъ въ Четвертой бесѣдѣ сказалъ про себя: «Я рѣчами своими не возбуждалъ театральныхъ рукоплесканій.» — ²⁾ Псал. 119, в. — ³⁾ Псал. 78, 4.

νον, ἀγροῦς, οἰκίας, βοσκήματα, ὑποζύγια, γυναῖκα, παιδάκια, πρεσβύτας, νεανίας, διὰ πάντων τὸ ξίφος ὠζοῦμενον, οὐδενὸς λαμβάνον οἶκτον, οὐδενὸς φειδόμενον. Παγγενῆς ἡ καταφθορά. Ὡς ἀκρίς ἐν ληϊῷ, καὶ ὡς ἐρυσίβη ἐν ἀμπελῶνι, μᾶλλον δὲ ὡς πρηστήρ, ἢ τυφὼν, ἢ χεῖμαρρος, ἢ οὐκ οἶδ' ὅ τι εἰπῶ, εἰς τὴν χώραν ἡμῶν εἰσπεσὼν αὐταῖς γενεαῖς τοὺς κατακόνοντας ἀνάλωσεν. Μακαρίζω... κ. τ. λ.

всегда страдают, какъ жизнь ихъ переполнена скорбями, какъ избѣжать ихъ не могутъ, и, когда ищутъ смерти, не находятъ ее. Ибо гораздо лучше умереть скоро, чѣмъ ежедневно ждать кончины, и непрерывно тужить о страданіи ближнихъ и мучить свою душу.

V. Ποῦ νῦν βασιλεὺς ὁ φιλόχριστος; Ποῦ τὰ στρατόπεδα; Ποῦ τὰ ὄπλα, τὰ μηχανήματα, αἱ στρατηγικαὶ βουλαὶ τε καὶ παρασκευαί; Οὐ βαρβάρων ἄλλων ἔφοδος ἐφ' ἑαυτὴν ταῦτα πάντα μετέστησε τε καὶ μετεκλύσατο; Καὶ βασιλεὺς μὲν ὑπερορίους πόνους καὶ μακροὺς ἀνατλά, συναπῆρε δὲ καὶ συνταλαιπωρεῖ τὸ στρατιωτικόν· ἡμᾶς δὲ ὁ κατ' ὀφθαλμὸς ὄλεθρος καὶ φόνος δαπανᾷ, τοῖς μὲν ἐπελθῶν, τοῖς δὲ ἤδη ἐπερχόμενος. Τὸ δὲ Σκυθικὸν τοῦτο καὶ ὡμὸν ἔθνος καὶ βάρβαρον ἐξ αὐτῶν τῶν τῆς πόλεως

юношей, всѣхъ сражая мечемъ, никого не милуя, ничего не щадя. Погибель всеобща. Онъ, какъ саранча на нивѣ, и какъ ржавчина на виноградѣ, или страшнѣе, какъ жгучій зной, тифонъ, наводненіе, или не знаю, что и сказать, явился въ странѣ нашей и стубилъ жителей ея. Ублажаю погибшихъ отъ вражіей варварской руки; ибо они, мертвые, не чувствуютъ бѣдствій, постигшихъ насъ неожиданно. Но если бы у нихъ было чувство; то и они вмѣстѣ со мною оплакали бы оставшихся въ живыхъ: какъ они

V. Гдѣ теперь царь Христолюбивый? Гдѣ военные станы? Гдѣ оружія, машины, военныя совѣты и приготовленія? Не другихъ ли варваровъ нашествіе передвинуло и привлекло къ себѣ все это? Государь давно трудится за границую, и съ нимъ бѣдствуетъ воинство его: а насъ губитъ явное истребленіе и убійство, однихъ уже постигшее, а другихъ постигающее. Этотъ Скиѣскій, жестокій и варварскій народъ, выскочивъ изъ-за самыхъ Пропплеевъ города ¹⁾, какъ дикій вепрь расположился около него. Кто же за насъ выдетъ на брань? Кто выстроится противъ враговъ, когда никого у насъ нѣтъ, и мы отсюда стѣснены? Какіе плачевныя причѣты вы-

¹⁾ Пропплеи — загородныя ворота въ видѣ нашихъ триумфальныхъ.

ἔξερψύσαν Προφυλαίων, μονιοῦ δίκην ἀγρίου τὰ περίξ αὐτῆς κατενεμήσατο. Τίς οὖν ἡμῶν προπολεμήσει; Τίς ἀντιπαρτάξεται τοῖς ἐχθροῖς; Πάντων ἡμεῖς ἔρημοι, πανταχόθεν ἐξηπορημένοι. Τίς ἐξισωθεῖη Ἰρηὸς ταῖς συμφοραῖς; Ποῖον ἐξισχύσει δάκρυον ἐπαρκέσαι πρὸς τὸ μέγεθος τῶν περιστοιχισαμένων ἡμᾶς δυσχερῶν; Δεῦρο μοι τῶν προφητῶν συμπαῖδέστατε· συνἸρηήησον τὴν Ἱερουσαλήμ, οὐ τὴν παλαιὰν ἐκείνην ἔθνους ἑνὸς, ἐκ μιᾶς ρίζης δώδεκα στελέχους βλαστήσαντος, τὴν μητρόπολιν, ἀλλὰ συμπάσης τῆς ἀκουμένης, ὅποσῃν ὁ χριστιανῶν λαμπρύνει θεσμός, τὴν χρόνῳ καὶ κάλλει καὶ μεγέθει καὶ λαμπρότητι, πολυπληθεῖα τε τῶν ἐνοικούντων καὶ πολυτελεῖα δεσπόζουσαν, συνἸρηήησόν μοι ταύτην τὴν Ἱερουσαλήμ, οὐχ ἀλοῦσαν ἤδη καὶ χαμαὶ πεσοῦσαν, ἀλλ' ἐγγὺς κειμένην τοῦ ἀλώματος, καὶ τοῖς ὄρυγμένοις κατασειομένην. ΣυνἸρηήησον τὴν βασιλίδα τῶν πόλεων, οὐκ αἰχμάλωτον ἀγομένην, ἀλλὰ τῆς σωτηρίας ἐλπίδα ἠχμαλωτισμένην. Ζήτησον.

разять наши несчастія? Гдѣ взять намъ столько слезъ, сколько ихъ требуетъ множество постигшихъ насъ бѣдъ? Приди ко мнѣ сострадательнѣйшій изъ пророковъ и оплачь со мною Іерусалимъ, не тотъ древній матероградъ одного народа, разросшагося отъ одного корня въ двѣнадцать племень, но градъ всей вселенной, какую только озаряетъ христіанская вѣра, градъ древній, прекрасный, обширный, блестящій, многонаселенный и роскошный; оплачь со мною этотъ Іерусалимъ, еще не взятый и не падшій въ прахъ, но уже близкій къ гибели и разпатываемый подкапывающими его. Оплачь со мною царицу городовъ, которая еще не отведена въ плѣнь, но у которой уже плѣнена надежда спасенія. Попищи воды для главы моей и слезныхъ источниковъ для очей моихъ, плачь со мною, и причитай надъ нею: «какъ на взрыдъ она рыдала «ночью, и слезы текли по ланитамъ ея, и «нѣтъ утѣшителя ей; какъ грѣхомъ согрѣшилъ Іерусалимъ, и за то поколебался, и «всѣ хвалившіе крѣпость его поглумились «надъ нимъ; какъ Господь огонь послалъ въ «кости его, и иго свое отягчилъ на выѣ на- «шей, и въ руки наши вложилъ болѣзни, ко- «торыхъ мы не можемъ стерпѣть. Плачь со «мною; ибо изсыхли слезы въ очахъ моихъ,

«потряслася вся внутренность моя, и поворотилось сердце мое отъ горькой «горести. Извнѣ обезчадилъ меня мечъ, и врагъ разинулъ на меня пасть «свою, закрежеталъ зубами и сказалъ: проглочу его¹».

¹) Плачь Іерем. 1, 2. 8. 13. 14. — 2, 11. 20. 16.

ὦ πόλις βασιλῆς! δῖον κακῶν περικέχυται ὄχλος· καὶ τὰ σὰ τῆς κοιλίας ἔγγονα, καὶ ἅ πρὸ τοῦ ἄστεως λαμπρῶς ἐπεπόλιστο, λαγόνας Σαλάσσης, καὶ πυρὸς καὶ μαχαίρας στόμα, βαρβαρικῆ νόμφ διακληρωσάμενα, κατεσείουσι. ὦ πολλῶν ἐλπίς ἀγαθή! Ὅση χαλεπῶν ἀπειλῆ καὶ δειμάτων πλήθος, περικλύσαν τὰ κύκλω, τὴν σὴν περιβόητον ἐταπέινωσεν δόξαν! ὦ πόλις βασιλεύουσα μικρῆ συμπάσης τῆς οἰκουμένης! Οἶος σε στρατὸς ἀστρατήγητος καὶ δούλοις ἐνεσκευασμένος, ὡς δούλην ἐκμυκτηρίζει! ὦ πόλις πολλῶν ἔθνων λαφύροις, ἐκλαμπρυνθεῖσα! Οἶον λαφυραγωγεῖν σὲ διενοήσατο ἔθνος! ὦ πολλὰ στησαμένη κατὰ τῶν πολεμίων Ἑυρωπῆς τε καὶ Ἀσίας καὶ Λιβύης τρόπαια! Ὅπως νῦν ἐπὶ σὲ βαρβαρικὴ καὶ ταπεινὴ χεὶρ ἐξέτεινε δόρυ, τὸ κατὰ σοῦ κράτος ἐπαρθεῖσα τροπαιοφορήσαι! Ἐπὶ τοσοῦτον γὰρ κακώσεως πάντα σοὶ ἦκει, ὥστε καὶ τὴν ἀπροσμάχητόν σου βῶμην εἰς τρύγα ἐλάσσαι βασιυάτης ἀβρωστίας, καὶ τὸ ἀβρωστῶν καὶ τεταπεινωμένων τῶν ἀντιπάλων, ἀφιλόνητον ὄμμα, χειρὸς ἰσχὺν ἐν σοὶ ἀποφαίνειν καὶ δόξης ὀνόματι πειρᾶσθαι διακοσμηθῆναι.

О градъ-царь! Какія бѣды столпились во-

округъ тебя! И твоихъ утробныхъ чадъ, и твои красивыя предмѣстїя до самой Крѣпости, и пристани моря, распредѣленные жребіемъ по обычаю варваровъ, посядаютъ мечъ и огонь. О благая Надежда многихъ! Какая опустошительная гроза, и какое множество ужасовъ собралось вокругъ тебя, и унизило твою громкую славу! О градъ, царь едва не всей вселенной! Какое воинство ругается надъ тобою, какъ надъ рабою!—необученное и набранное изъ рабовъ! О градъ, украшенный добычами многихъ народовъ! Что за-народъ вздумалъ взять тебя въ добычу? О градъ, воздвигшїи многіе побѣдные памятники послѣ пораженїя ратей Европы, Азии и Ливїи! Какъ это устремила на тебя копьѣ рука варварская и черная, и поднялась, чтобы поставить памятникъ побѣды надъ тобою? Ибо все идетъ у тебя такъ худо, что и необоримая сила твоя умалилась, какъ у больного отчаянно, и слабый и ничтожный непрїятель смотритъ на тебя сурово, пытается на тебѣ крѣпость руки своей, и хочетъ нажить себѣ славное имя. О царица городовъ царствующихъ! Многихъ союзниковъ ты избавляла отъ опасностей, и многихъ преклонявшихъ колѣна защищала оружіемъ: а теперь сама ты обречена на истребленіе, и лишена помощниковъ. О красота и велелѣшіе досточтимыхъ храмовъ, величіе, изящество, и художественное убранство! О оумїамъ, безкровная жертва и таин-

ственная трапеза! О жертвенникъ и алтарь неприступный и святыи! Какъ

это угрожаетъ тебѣ оскверненіе вражьими ногами? О святость и вѣра совершенная и служеніе чистое! Какъ это разширяются на васъ уста нечестивыхъ и гордыхъ? О сѣдина іереевъ и помазаніе и святительство! О храмъ мой, святилище Божіе, Святая Софія, недреманное око вселенной! Рыдайте дѣвы, дщери Іерусалима. Плачьте юноши города Іерусалима. Горюйте матери. Пропливайте слезы и дѣти, проливайте; ибо тяжкія страданія и въ васъ возбуждаютъ сочувствіе. Плачьте о томъ, что умножились наши несчастія, и нѣтъ избавителя, нѣтъ помощника.

VI. Ἀλλὰ μέχρι τίνος ὁ θρήνος, μέχρι τίνος τὸ πένθος, μέχρι τίνος ὁ ὀλοθυγμός; Τίς εἰσακούσεται, καὶ πῶς ἡ θραῦσις κοπάσει; Τίς ἐξιλάσεται; Τίς βοήσεται ὑπὲρ ἡμῶν; Εἰ τίς ἦν Μωυσῆς, εἶπεν ἄν πρὸς Κύριον «ἐὰν αὐτοῖς ἀφήσῃς, ἄφες, εἰ δὲ μὴ, ἐξάλειψον καὶ ἐκ τῆς βίβλου τῆς ζωῆς, ἧς ἐγραψας» καὶ πρὸς ἡμᾶς δὲ· «Κύριος πολεμήσει ὑπὲρ ἡμῶν, καὶ ἡμεῖς σιγήσωμεν». Ἄλλ' οὐκ ἔστιν, ὅτι ἐκλείπειν ὅσιος ἀπὸ τῆς γῆς. Οὐκ ἔστι Μωυσῆς. Οὐκ ἔστι Ἀβραάμ, ὥστε διαραῖ τὸ στόμα καὶ παῖρησιάζασθαι καὶ εἰπεῖν πρὸς τὸν Θεόν· «μὴ συναπολέσῃς δίκαιον μετ' ἀσεβοῦς, καὶ ἔσται ὁ δίκαιος, ὡς ἀσεβής». Οὐκ ἔστιν, ὅστις ἐπέλθοι τὰς φιλανθρώπους ἐκείνας καὶ θαυμασίους τῶν λόγων ἐπαγωγὰς, δι' ὧν ἐπὶ δέκα δικαίους τὴν μυριάνθρωπον πόλιν, ἕξω φύσεως φερομένην, ἐντὸς σωτηρίας ἤξιον γενέσθαι, καὶ πρὸς τούτων ὄλων ἀκῆσαι παρὰ Θεοῦ.

VI. Но доколѣ плачь? доколѣ рыданіе? доколѣ стоны? Кто услышитъ, и какъ прекратится пораженіе? Кто умилюститъ? Кто возопіетъ за насъ? Если бы нашелся Моисей; то онъ Господу сказалъ бы: «ежели прощаешь имъ, то прости, а не то, изгладь и меня изъ книги жизни, въ которую вписалъ ты меня»: а намъ примовилъ бы: «Господь ополчится за насъ, мы же умолчимъ». Но нѣтъ никого! Ибо не стало праведника на землѣ. Нѣтъ Моисея. Нѣтъ Авраама, который отверзъ бы уста, и съ дерзновеніемъ сказалъ бы Богу: «не погуби праведнаго съ нечестивымъ; иначе, праведный будетъ тоже, что и нечестивый». Нѣтъ никого, кому бы въ умъ пришли тѣ чловѣколюбивыя и удивительныя предложенія постепенныя, по которымъ тмочисленный городъ, нарушившій законы естества, сподобился бы спасенія ради десяти праведниковъ, и кто бы услышалъ отъ Бога: «ежели въ семь городѣ найдутся десять, то не погублю его ради десяти». Нѣтъ Моисея. Нѣтъ Авраама. Но если вы хотите,—скажу странное, но истинное,—можете приобрѣсть себѣ Моисея, можете найти Авраама.—

ὡς ἐὰν εὐρεῖσθῶσιν ἐν τῇ πόλει δέ-
κα, οὐ μὴ ἀπολέσω ἕνεκεν τῶν
δεκα. «Οὐκ ἔστιν οὖν Μωυσῆς,
οὐκ ἔστιν Ἀβραάμ. Ἀλλ' ἐὰν ὑμεῖς
βούλησθε, παράδοξον μὲν ἐρῶ,
ἀληθῆς δὲ ὅμως, δύνασθε ὑμῖν
ἐαυτοῖς Μωσέα παρασκευάσαι,
δύνασθε Ἀβραάμ δεῖξαι. —
Καὶ Μωυσῆς γὰρ ἀνεπιστρόφως
ἔχοντος τοῦ λαοῦ, — δεινὸν εἰπῶ,
δεινὸν, — εἰ πρεσβέυων παρη-
κούετο· ἀλλ' ἐκεῖνο λίαν φοβερόν,
ὡς πολλοὺς πολλὰκις, ὑπὲρ ὧν
ἔπραττεν, ὑποχείρια διεχρήσα-
το. Καὶ Ἀβραάμ δὲ περὶ ὧν ἐδυ-
σάπει καὶ ἰκέτευεν, τούτους
ἔώρα τὸν βίον εἰς πυρὸς δαπά-
νην καταστρέφοντας: ὅτι πα-
θῶν αὐτοῖς ἄκανσαι τὸ γεώρ-
γιον ἦν. — Δύνασθε, ἐὰν βού-
λησθε, ἵνα λέγῃ κακῆϊνος πρὸς
ὑμᾶς· «Κύριος πολεμήσει ὑπὲρ
ἡμῶν, καὶ ἡμεῖς σιγήσωμεν». —
Ποθεῖτε μαθεῖν, ὅπως δέδοικα
τὸν κλαυθμὸν ὑμῶν, ὅτι πρόσ-
καιρος· τὴν ἐλεημοσύνην ὑμῶν,
ὅτι πρὸς βραχὺ· τὴν σωφροσύ-
νην, ὅτι ἐφήμερος· τὴν φιλα-
δελφίαν, ὅτι μέχρις ἂν τὸ δυσ-
μενές τῶν κύκλω ἐχθρῶν, ἅτε
δὴ κοινὸν ὑπάρχον κακὸν εἰς
ὁμόνοιαν ὑμᾶς συνωθεῖ· τὸ τα-
πεινὸν καὶ μέτριον τῶν ἡθῶν,
ὅτι μέχρις ἂν ἡ ἀιχμαλωσία ἐμ-
πρόσθιος· τὸν τύπον πατούμε-
νον καὶ τὸν θυμὸν χαλινούμε-
νον, καὶ τὴν γλώτταν πνευμα-
τικῶν ἀσμάτων, ἀλλὰ μὴ αἰσ-

Однако и Моисей, когда народъ не обращал-
ся къ Богу, — страшное скажу, страшное, —
и Моисей не былъ услышанъ, хотя и молил-
ся: а гораздо страшнѣе то, что онъ не рѣдко
смертію казнилъ многихъ, за которыхъ пред-
стательствовалъ. Да и Авраамъ, за кого про-
силъ и умолялъ, тѣхъ увидѣлъ въ огнѣ, гдѣ
догорѣла ихъ жизнь. Ибо сѣяли они страсти
и пожали тернія. — Можете, если хотите, что-
бы и вамъ сказалъ Моисей: «Господь опол-
чится за насъ, мы же умолчимъ». — Однако
пожалуйте — узнайте, что я сильно боюсь;
чего же? того, что слезы у васъ случайны,
милостыня временна, цѣломудріе только до
завтра; того, что вы братолюбивы, пока сдру-
жаетъ васъ страхъ отъ окружившихъ вра-
говъ и общая бѣда, смиренны и благонаправны,
пока плѣнь впереди; того, что вы сдерживае-
те ярость, обуздываете гнѣвъ и поете духов-
ныя пѣсни вмѣсто срамныхъ разговоръ,
пока въ ушахъ у васъ отзываются крики су-
постатовъ, правите литіи и всенощныя бдѣ-
нія, поститесь, въздыхаете, пока грозить
вамъ смерть отъ меча. Вотъ что смущаетъ
меня и тревожитъ болѣе, чѣмъ оружіе варва-
ровъ! Вотъ чего я боюсь! Я вижу, что всѣмъ
теперь легко дѣлать то, чего прежде не дѣла-
ли и нѣкоторые, хотя бы кое-какъ. Меня
страшитъ и печалитъ то, что когда бываетъ
пораженіе, тогда и мы остепеняемся, когда
приходится намъ туго, тогда и мы прини-
маемся за добрыхъ дѣла. Посему нѣтъ теперь
и Моисея, нѣтъ и Авраама. Но если бы вы,

χρῶν ρημάτων, δεικνυμένην ὄργανον, ὅτι μέχρις ἂν τῶν πολεμίων οἱ ἀλλαγμοὶ τοῖς ὡσὶν ὑμῶν προσαράσσουσι· τὰς λιτὰς καὶ τὰς παννυχεῖς στάσεις καὶ τὴν νηστείαν, καὶ τοὺς στεναγμούς, ὅτι μέχρις ἂν ὁ διὰ ξίφους θάνατος. Ταῦτα μὲ ταράττει καὶ θορυβεῖ πολὺ τῶν ὀπλων πλέον τῶν βαρβαρικῶν. Ταῦτα δέδοικα! Ραδίως νυνὶ καὶ παρὰ πάντων ἅμα ὄρω σιντελούμενα, ὃ τι πρότερον οὐδ' ἐνίοις τισὶν, οὐδὲ χωρὶς καὶ μόλις ἐπράττετο. κ. τ. λ.

по минованіи обдержавшаго насъ бѣдствія, сохранили настоящее благонравіе, порядокъ и степенность; то нашли бы многихъ Моисеевъ и Авраамовъ, которые ополчились бы за васъ, и ходатайствовали бы предъ Богомъ; и что я говорю, — Моисеевъ и Авраамовъ? вы имѣли бы своимъ поборникомъ и защитникомъ самого, общаго имъ и намъ, владыку, наводящаго враговъ за грѣхи наши и поражающаго силу ихъ, наказывающаго и милующаго, гнѣвающагося и умилоствляющагося. Ибо велика милость Господа Бога нашего ко всѣмъ обращающимся къ нему праведно. Итакъ, — говорю устами Іереміи, — исправь-

те пути ваши и дѣла ваши, и послушайте гласа Господня: и прекратитъ Господь зло, которое приговорилъ вамъ¹⁾. Но вы не хотите...

VII. Не вопійте и не шумите. Гораздо лучше молиться спокойно, чѣмъ вопіять, не страдавши, или бояться страданій, кои неизбежны для всѣхъ, живущихъ незаконно, послѣ того какъ обильными потоками текли къ намъ житейскія блага, или пытаться бѣжать отъ множества бѣдъ, когда отъ нихъ уже нельзя нигдѣ укрыться.

Но остановите ваши слезы. Перестаньте плакать. Будьте мужественны. Съ дерзновеніемъ говорю я, споручникъ вашего спасенія, полагаясь на ваше честное слово, а не на дѣла мои, на ваши обѣщанія, а не на слова мои, говорю: поручимся другъ другу, я за ваше спасеніе, а вы за то, что нѣтъ опасенія касательно договоровъ нашихъ, я за отвращеніе бѣдствій, а вы за обращеніе къ Богу, я за удаленіе враговъ, а вы за отдаленіе отъ страстей. Но не только за это ручаюсь я, но и за себя и за васъ. А если вы безъ всякихъ извиненій исполните сіи договоры наши; то васъ самихъ представляю споручниками, васъ самихъ объявляю ходатаями. Господь же человѣколюбивый и перестающій думать о злости чело-

¹⁾ Іерем. 33, 13.

вѣковъ скажетъ вамъ: «вотъ я изглаждаю, какъ облако, беззаконія твои, и какъ мглу, грѣхи твои. Обратись ко мнѣ, и избавлю тебя»¹⁾. Еще: «обратитесь ко мнѣ, и я обращусь къ вамъ». Еще: «скажу народу и царству конецъ изытія и погубленія его». Еще: «если отвратится народъ сей отъ грѣховъ своихъ, то и я перестану думать о всякомъ злѣ, какое помышлялъ сдѣлать имъ»²⁾).

VIII. Наконецъ, возлюбленные, настало время прибѣгнуть къ Матери Слова, къ ней — единой надеждѣ нашей и прибѣжищу. Къ ней возопіемъ: Досточтимая, спаси градъ твой, какъ вѣдаешь, Госпоже! Ее поставимъ ходатаицею предъ Сыномъ и Богомъ нашимъ. Ее сдѣлаемъ свидѣтельницею и споручницею обѣтовъ нашихъ. Пусть она возноситъ прошенія наши, и одождитъ на насъ человеколюбіе Рожденнаго изъ нея, и разженетъ тучу враговъ, и прольетъ намъ лучи спасенія. Ея молитвами да избавимся отъ настоящаго гнѣва, и отъ будущаго нескончаемаго осужденія, во Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, которому подобаешь слава и благодареніе и поклоненіе со Отцемъ и святымъ Духомъ, нынѣ, всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ТОГО ЖЕ СВЯТѢЙШАГО ФОТІА АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНА ГРАДА, НОВАГО
РИМА,

ВТОРАЯ БЕСѢДА

ПО СЛУЧАЮ НАШЕСТВІЯ РОССОВЪ.

Ι. Οἶδα μὲν, ὡς ἅπαντες
συνεπίστασθε, ὅσοι τε δεινοὶ
συνιδεῖν, ἀποστροφὴν πρὸς ἀν-
θρώπους Θεοῦ, ὅσοι τε ἀμαθέ-

Ι. Знаю, какъ всѣ вы понимаете угрозу Бо-
га человѣкамъ, и тѣ, которые слишкомъ умни-
чаете, и тѣ, которые какъ-то невѣжественно
полагаетесь на судьбы Господни, и однако

¹⁾ Исаи 44, 22. — ²⁾ Иерем. 18, 7.

στερον πῶς περὶ τὰ τοῦ Κυρίου διακείσθε κρίματα· πάντας δ' οὖν ὅμως συνέναι καὶ κατανοῆσαι λογίζομαι τὴν ἐπενεχθεῖσαν ἡμῖν ἀπειλὴν καὶ τὴν τοῦ ἔθνους ἀτρόαν ἐπιδρομὴν οὐκ ἄλλοθεν ποθεῖν, ἢ ἐξ ὀργῆς καὶ θυμοῦ παντοκράτορος κυρίου ἡμῶν ἐπιπολάσαι. Ἀγαθὸν μὲν γὰρ τὸ θεῖον καὶ θυμοῦ κρείττον καὶ παντός πάθους, ἅτε δὴ πάσης ὑλαίας διαδέσεως ἀνυπερβλήτω λόγῳ τὴν ὑπόβασιν κληρωσαμένης τὴν φύσιν ἔχον ὑπεράνω κειμένην· ὀργίζεσθαι δὲ καὶ θυμοῦσθαι λέγοιτ' ἂν εἰκότως, ἐπειδὴν τί τῶν πεπραγμένων, θυμοῦ καὶ ὀργῆς κριθῆναι ἄξιον, τὴν προσήκουσαν ἐκεῖθεν δίκην τοῖς δεδρακόσι ἐπισπάσθηται. Καθ' ὃν τρόπον καὶ νῦν ἡμῖν ἐπισφρήσασα κατεβράβη συμφορὰ, κατὰ πρόσωπον ἡμῶν παριστώσα τῶν ἡμαρτημένων τὸν ἐλεγχον. Οὐδὲ γὰρ οὐδὲ ταῖς ἄλλαις τῶν βαρβάρων καταδρομαῖς προσέεικεν, ἀλλὰ τὸ τῆς ἐφόδου παράλογον καὶ τοῦ τάχους τὸ παράδοξον, τοῦ τε βαρβαρίου φύλου τὸ ἀπάνθρωπον, καὶ τῶν τρόπων τὸ ἀπότομον, καὶ τῆς γνώμης τὸ ἀνήμερον, οὐρανόθεν τὴν πληγὴν ὡς σκηπτὸν μηνύει ἐπαφεσθῆναι. Οὐχ ὅτι δὲ πάντες τοῦτο συνεπίσθασθε, καὶ ταῖς ὑμῶν καρδίαις ἢ τε τοῦ πάθους ὀξύ-

думаю, что всё вы поняли и почувствовали, что отяготѣвшая надъ нами гроза и страшное нашествіе онаго народа были послѣдствія гнѣва и ярости Господа вседержителя. Конечно, Богъ благъ, безгнѣвенъ и безстрастенъ, потому что въ существѣ Его нѣтъ никакого движенія вещества, получившаго бытіе непостижимымъ образомъ: но гнѣвъ и ярость приписывается ему примѣрно, когда какія либо дѣла, достойныя гнѣва и угрозы, сами повлекли за собою наказаніе приличное совершителямъ ихъ. Такъ точно и теперь разразилась у насъ внезапная бѣда, какъ явное обличеніе насъ въ грѣхахъ нашихъ. Она совершенно не похожа на другія нападенія варваровъ: напротивъ, и нечаянность нашествия и чрезвычайная быстрота его, и безчеловѣчность варварскаго народа и жестокость его дѣйствій, и свирѣпость нрава, доказываютъ, что пораженіе, какъ громовая стрѣла, было ниспослано съ неба. Итакъ не молчать ли мнѣ потому только, что всё вы сознаете это, и потому что острая боль въ сердцахъ вашихъ, въ жаркое время, дала вамъ почувствовать всю виновность вашу въ злополучіи? Напротивъ, поелику и вы сами вмѣстѣ со мною признаете оное наказаніе, поэтому я буду говорить и обличать васъ гораздо сильнѣе и справедливѣе, представляя и изображая вамъ тѣ бѣдствія, изъ коихъ мы сами грѣхами своими сдѣлали себѣ сцену и составили Драму, жизнію своею под-

της και η του καιρου ακμη των συνενεχθέντων το αιτιον ενεχάραξε, δια τουτο σηγήσομαι, αλλ οτι και υμας των ειρημένων λωβων έχω συνίστορας, δια τουτο μάλλον σύν ελέγχω δικάιω τους λόγους ποιήσομαι, εκείνα υμιν εκτραγωδων και υποκρινόμενος, αν αυτοι την σκηνην τοις οικείοις επηξάμενα παραπτώμασι, και το δραμα συνεπεσκευασάμενα, πασων πολυμόρφων θεατρον την ημων πολιτειαν στησάμενοι.

II. Οργη γαρ θεου δια τας ημων αμαρτίας επέρχεται, και της απειλης ύλη των αμαρτανόντων αι πράξεις τυγχάνουσι, και της τιμωρίας η εἰσπραξις των ελισθημάτων τό ανεπίστροφον. Οσω δε ξένη και δεινη και ατοπος του καταρξαγέντος εδνους η εφοδος, τοσουτω των πλημεληθέντων η υπερβολη διελέγχεται. οσον δε παλιν αφανές, ασημον, και μηδὲ μέχρι της κας ημας επελεύσεως γνωσκόμενον, τοσουτον ημιν ο της αισχύνης ογκος επιγράφεται, και του ονειδισμού ε τριμβρος αἱρεται, και μικροτέρα αι μάστιγες την οδύνην εναποτίθενται. Η γαρ τοι των ασθενεστερων τε και παρεωραμένων κατὰ των επιφανεία λαμπруνομένων και ισχύν αμάχων επικράτεια ανυπερβλητον παριστησι την πληγην, απαραμύνητον εισάγει την συμφοραν, ανε-

готовивъ зрѣлище многообразныхъ страданій.

II. По истинѣ, гнѣвъ Божій бываетъ за грѣхи наши; гроза скопляется изъ дѣлъ грѣшниковъ; безъ наказанія не обходится нераскаянность въ преступленіяхъ. А чѣмъ страннѣе, ужаснѣе и безпримѣрнѣе наше ствiе нахлынувшего народа: тѣмъ болѣе обличается чрезмѣрность грѣховъ. Съ другой стороны, чѣмъ не именитѣе и незначительнѣе народъ, который до нападенія на насъ ничѣмъ не далъ себя знать; тѣмъ большій стыдъ намъ приписывается, и выше ставится памятникъ безславія, и пуще чувствуется боль отъ бичей. Ибо когда слабѣйшіе и презираемые одолеваятъ блестящихъ по виду и необоримыхъ по силѣ, тогда пораженіе бываетъ нестерпимо, несчастіе безъутѣшно, память о бѣдствіяхъ остается неизгладима. Такъ, мы побиты нашими беззаконіями, изнурены страстями, унижены грѣхами, сгублены злыми дѣлами, и стали поношеніемъ и поруганіемъ сосѣдей нашихъ. Ибо тѣ, которыхъ усмирала самая

ξάλειπτον συνέχει τῶν δυστυχιμάτων τὴν μνήμην. Οὕτως αἰσάνομαι εἰς τὴν ἀνομίαν ἡμῶν ἐμαστίχθημεν, καὶ τοῖς παραπτώμασιν ἐταπεινώθημεν, καὶ τοῖς κακοῖς ἐκαρώθημεν, μυκτηρισμὸς καὶ χλευασμὸς τῶν κύκλῳ γενομένοι. Οἷς γὰρ οὐδὲ Ῥωμαίων φήμη μόνη φορητὴ ποτε καταφαίνεται, οὗτοι κατ' αὐτῆς αὐτῶν τῆς ἐξουσίας ὄπλα ἤροντο, καὶ τὰς χεῖρας ἀνεκρότησαν ἐν ἐλπίδι τοῦ λαβεῖν τὴν βασιλίδαν πόλιν, ὡς νοσοῦσαν, φρουράμενοι. Τὰ τε γὰρ περίε αὐτῆς ἐλήθησαν, καὶ τὰ πρὸ τοῦ Ἄστεως ἐλυμήναντο, καὶ τοὺς συλληφθέντας ὁμῶς ἀπεχρήσαντο, καὶ σὺν ἀδείᾳ πάσῃ ταύτην περιεχύθησαν· ἐπὶ τοσοῦτον ὑπὸ τῆς ἡμετέρας δυσπραγίας ἐπαρθέντες καὶ ὑψωθέντες, ὥστε μηδ' ὀρθοῦς εἰς αὐτοὺς καὶ ἀπτοήτους ἐνατενίζεῖν τὸς ὀφθαλμοὺς τοὺς ἐνοικοῦντας δύνασθαι· ἀλλ' ἐξ ὧν εἰκὸς ἦν μᾶλλον αὐτοὺς ἀνδρικώτερον τῶν πολεμίων συμπλέεσθαι, τοῦτοις ἐξενευροῦντο καὶ κατέπιπτον. Τὴν γὰρ εἰς τοὺς ὁμοφύλους τῶν βαρβάρων μαιφονίαν δέον δικαίαν ποιῆσαι ὀργὴν, καὶ μετ' ἐυλόγων ἐλπίδων τὴν ἴσην τιμωρίαν ἐπάγειν ἀπαιτεῖν. Οἱ δὲ κατεπτηχότες καὶ ἐκπε-

молва о Ромеяхъ ¹⁾, тѣ подняли оружіе противъ державы ихъ, и ударили въ ладоши, борзаясь и надѣясь взять Царьградъ, какъ птичье гнѣздо, раззорили окрестности его, истребили все до самой Крѣпости его, жестоко умертвили всѣхъ захваченныхъ, и смѣло окружили городъ, сдѣлавшись отважными по причинѣ нашего бездѣйствія, такъ что мы не смѣли и посмотрѣть на нихъ прямо и неробко, напротивъ разслабѣли и упали духомъ отъ того самаго, отъ чего имъ по-вадно было воевать мужественно. Ибо эти варвары справедливо разсвирѣпѣли за умервщленіе соплеменниковъ ихъ, и благословно требовали и ожидали кары равной злодѣянію. А наши отъ страха, отъ пораженія, разслабѣли такъ, что страданія захваченныхъ начали ставить въ зачетъ собственнаго плѣна, и воображеніемъ придумывать: кто бы долженъ отмстить за несчастныхъ. Ибо когда нечаянный ужасъ внезапно проникъ въ изгибы сердца и произвелъ въ немъ жестокую боль; тогда изъ предсердія, какъ изъ источника, трусость дрожью пробѣжала по всему тѣлу, и обезсилила даже и тѣхъ, которымъ предоставлено судить о войнѣ. Такимъ образомъ мы стали игралищемъ варварскаго народа, и угрозу его сдѣлали неотвратимою, совѣтъ непостыднымъ, нападеніе не отразимымъ. Ибо гдѣ гнѣвъ Бога, тамъ и пожива; и когда онъ отвращается, тогда переворотъ бываетъ и отъ малости: а

¹⁾ Жителяхъ Константинополя, который назывался ΝΕΑ ΡΩΜΗ, новый Римъ.

πληγμένοι παρελέλυτο, τὰ πά-
 ζη τῶν ἐαλοκότων δικεῖαν ἄλω-
 σιν οἱ σεσωσμένοι, καὶ παρ' ὧν
 ἐκδίκησις τοῖς ἡτυχηκόσι ὠφέ-
 λετο, φανταζόμενοι. Ἐφάπαξ
 γὰρ τοῦ αἰφνιδίου δειμάτος τοῖς
 τῆς καρδίας κόλποις ἐναποσ-
 κήψαντος, καὶ εἰς τραῦμα τὸ
 πάθος κοιλάναντος, ὡσπερ ἀπὸ
 πηγῆς τινός καὶ ἀρχῆς τοῦ πε-
 ρικαρδίου μώλωπος τὸ τῆς δει-
 λίας ρεῦμα καὶ εἰς ὄλον τὸ σώ-
 μα μετοχετεύετο, καὶ παρεί-
 μενα πάντα φέροντας τὰ μέ-
 λη τοὺς, ἐφ' οἷς ἡ τοῦ πολέμου
 κρίσις ἀνέκειτο, διεδείκνυεν.
 Οὕτω δὴ τοῦ βαρβαρίου φύλου
 γεγενήμεθα παίγνιον, καὶ τὴν
 ἀπειλὴν αὐτοῦ ἀνυπόστατον
 ἠγησάμεθα, καὶ τὴν βουλήν
 ἀκαταίσχυντον καὶ τὴν προσ-
 βολὴν ἀπροσμάχητον. Ἐνθα
 γὰρ ὀργὴ Θεοῦ, ἐκεῖ καὶ τὸ τυ-
 χὸν· καὶ ἡνίκα αὐτὸς ἀποστρέ-
 φεται, ἐκ τοῦ ράστω καὶ τὸ
 καταστραφῆναι παραιοδύεται,
 καὶ οὐς αὐτὸς μαστίξουσιν
 παραδίωσι, τὸ λαφυραγωγεῖν
 κατὰ χεῖρας τοῖς ἐπιχειροῦσι
 παραγίνεται. «Καὶ εἰ μὴ Κύ-
 ριος φυλάσσει πόλιν, εἰς μάτην
 ἀγρυπνοῦσι οἱ φυλάσσοντες».

III. Ἐθνος ἀφανές, ἔθνος
 ἀναρίθμιον, ἔθνος ἐν ἀνδραπό-
 δοις ταττόμενον, ἄγνωστον μὲν,
 ἀλλ' ἀπὸ τῆς κατ' ἡμᾶς στρα-
 τεῖᾶς ὄνομα λαβὼν, καὶ ἄσημον
 μὲν, ἀλλ' ἐπίσημον γεγονός,

КОГО КОМУ ОНЪ ОТДАЕТЪ ДЛЯ НАКАЗАНІЯ, ТОМУ
 ОТЪ ТОГО БЫВАЕТЪ И ДОБЫЧА ВЪ РУКИ. «Если
 не Господь сохранитъ городъ, то напрасно
 трудятся стерегущіе его. (Псал. 126, 1).

III. Народъ ничѣмъ не заявившій себя,
 народъ непочетный, народъ считаемый на-
 равнѣ съ рабами, не именитый, но приоб-
 рѣтшій славу со времени похода къ намъ,
 незначительный, но получившій значеніе,

ταπεινὸν καὶ ἠπορημένον, ἀλλ' εἰς ὑψομα λαμπρὸν καὶ πλοῦτον ἀπλητον ἀναβεβηκός, ἔσνος πόρρω που τῆς ἡμῶν ἀποκισμένον, βαρβαρικόν, νομαδικόν, τὸ ἄρας εἶχον εἰς ὄπλα, ἀφύλακτον, ἀνεξέλεγκτον, ἀστρατήγητον, οὕτως ἀσφάτως, οὕτως ἐν ῥοπῇ ὀφθαλμοῦ, ὡς κύμα θαλάσσης, ἐξεχύθη τοῖς ὄροις ἡμῶν, καὶ ὡς μονιὸς ἄγριος χόρτον, ἢ κάλαμον, ἢ λήϊον, κατενεμήσατο τοὺς ἐνοικοῦντας ἐν τῇ γῆ, — ὃ τῆς συμπεσοῦσης ἡμῖν Ξηλάτου ποινῆς! — μὴ φειδόμενον ἀπ' ἀνθρώπου ἕως κτήνους, οὐ Ξηλεως ἀσθένειαν ἐυλαβοῦμενον, οὐ νηπίων ἀπαλότητα δυσωπούμενον, οὐ πρεσβυτέρων πολιὰν καταιδόμενον, ὑπ' οὐδενός, τῶν ὄσων δυσωπεῖν εἶωθεν ἀνθρώπους, καὶ εἰς Ξηρίων ἐκδράμοι φύσιν, μαλασσόμενον, ἀλλ' ἰδίᾳ πάσαν ἠλικίαν καὶ φύσιν τὸ ξίφος ὠσεῖν Ξρασυνόμενον. Ἦν ἰδεῖν παρ' αὐτῶν νηπία μαστῶν καὶ γάλακτος ἅμα καὶ ζωῆς αὐτῆς ἀποσπώμενα, καὶ τάφον αὐτοῖς ἀντοσχεδίων, ὅμοι, τὰς πέτρας, αἷς προσηράσσοντο, μητέρας οἰκτρῶς, ἐλολυζούσας καὶ ἐπισφαττομένας ἔτι, σπαρασσομένας τε καὶ ψυχρῶ-ραγούσας ἐπὶ τοῖς βρέφεσι. Ἄκωσμα ἐλεεινὸν, καὶ Ξέαμα ἐλεεινότερον, καὶ πολὺ κρεῖττον σιγᾶσαι, ἢ λέγειν, καὶ

смиранный и бѣдный, но достигшій высоты блистательной и нажившій богатство неметное, народъ гдѣ-то далеко отъ насъ живущій, варварскій, кочевый, гордый оружіемъ, не имѣющій стражи (внутренней), неукоризненный, безъ военнаго искусства, такъ грозно, такъ мгновенно, какъ морская волна, нахлынулъ на предѣлы наши, и какъ дикій вепрь истребилъ живущихъ здѣсь, словно траву, или тростникъ, или посѣвъ, — и какое наказаніе свыше! — не щадя ни человѣка, ни скота, не жалѣя женскаго безсилія, не милуя нѣжныхъ младенцовъ, не уважая сѣдины старцовъ, не смягчаясь воплями, кои укрошаютъ и звѣрей, но буйно сражая мечемъ всякій возрастъ и полъ раздѣльно. Чего не видѣли мы? Младенцы лишились сосцовъ, молока и самой жизни, и нерукотворенными гробами имъ служили, увы! тѣ камни, о которые они были разможжаемы. А матери ихъ жалостно рыдали, и зарѣзываемыя, или разрываемыя, въ истомѣ умирали подлѣ малютокъ своихъ. Жалко слушать это, болѣе жалко видѣть. О такомъ зрѣлищѣ лучше молчать, нежели говорить. Не знаешь, на кого тутъ смотрѣть, на губителей, или на страдальцовъ. Лютость губила не однихъ людей, но и безсловесныхъ животныхъ, воловъ, коней, курицъ, и другихъ, какіе только попадались варварамъ. Лежалъ мертвый волъ и подлѣ него муштина. У коня и юноши одно было мертвенное ложе. Кровь женщинъ сливалась съ

τῶν δεδρακότων μᾶλλον, ἢ τῶν πεπονθέντων ἄξιον. Οὐδὲ γὰρ οὐδεμέχρι τῆς ἀνθρώπινης φύσεως ἢ ἀγριότης προσέβαιεν, ἀλλὰ διὰ πάντων ἀλόγων ζώων, βοῶν καὶ ἵππων καὶ ὄρνιθων, καὶ τῶν ἄλλων, εἰς ἀνέπιπτον, ἢ ὁμότης διήλαυνεν. Ἐκειτο βοῦς καὶ παρ' αὐτῷ ἄνθρωπος, καὶ παῖς καὶ ἵππος τάφον εἶχον ὁμόσκηρον, καὶ γυναῖκες καὶ ὄρνιθες τοῖς ἀλλήλων συνεφύροντο αἵμασι. Μετὰ δὲ νεκρῶν σωμάτων ἐτύγγανεν ἅπαντα. Ποταμοῖς τό ρεῖθρον εἰς αἶμα μετεσκευάζετο. Κρήνας καὶ δεξαμενάς, τὰς μὲν οὐκ ἦν ἐτι διακρίνειν, ἐξομαλισθέντων τῶν κοιλωμάτων τοῖς πτώμασι, ταῖς δὲ παντελῶς ἀμυδρὰ τοῦ πρώτου σχήματος ἵχνη ἐφαίνετο, τῶν παρακειμένων αὐτοῖς ἀναπληρούντων τὰ λείποντα. Τὰς ἀρούρας νεκρὰ κατέσηπε σώματα, τὰς ὁδοὺς ἐστενοχώρει. Τὰ ἄλση τούτοις μᾶλλον, ἢ τοῖς ἰάμοις καὶ ταῖς ἐρημίαις ἐξηριουτο καὶ ἐξηγρίωτο. Τὰ σπήλαια ἐπεπλήρωτο. Ὅρη καὶ λόφοι καὶ χαράδραι καὶ φάραγες οὐδὲν ἐν ταῖς πόλεσι πολυανδρίων διέφερον. Οὕτω τοῦ πάσους ἢ ἑραῦσις ἐξήπλωτο, καὶ ὁ τοῦ πολέμου λοιμός, τοῖς τῶν ἀμαρτημάτων πτεροῖς ἐποχούμενος, πανταχοῦ περιίπτατο, τὸ προστυχὸν λυμαινόμενος.

IV. Οὐδεὶς ἂν δύναίτο τὴν

κροβίῳ куриць. А что дѣлалось надъ мертвыми тѣлами? и то, и то! Рѣчныя струи превращались въ кровь. Нѣкоторыхъ колодезей и водоемовъ нельзя было распознать, потому что они черезъ верхъ наполнены были тѣлами, а другіе едва замѣтны были, и то потому, что трупы бросаемы были въ ближайшія къ нимъ водохранилища. Мертвыя тѣла загноили нивы и завалили дороги. Рощи сдѣлались непроходимы болѣе отъ труповъ, чѣмъ отъ поростковъ и чащи. Пещеры наполнены были мертвецами. Горы и холмы, лоцины и долины ничѣмъ не отличались отъ городскихъ кладбищъ. Такъ велико было пораженіе! Въ добавокъ губительная язва отъ войны, носимая на крыльяхъ грѣховъ нашихъ, перелетала съ мѣста на мѣсто, заражая, что падется.

IV. Никто не могъ бы тогдашняго злопо-

ἐπιστάσαν ἡμῖν τότε τῶν κακῶν Ἰλιάδα ἐφικέσθαι τῷ λόγῳ. Καὶ τίς ταῦτα συνορῶν, οὐ τὴν τρυγίαν τοῦ ποτηρίου, ἣν ὁ θυμὸς ἐκέρασε Κυρίου ταῖς ὑμῶν ὑπερφυέσι πλημμελήμασι, οὐκ ἐφ' ἡμᾶς ἐκχυῖται ἀνομολογήσεις; Τίς ταῦτα μελετῶν καὶ συλλογίζόμενος, οὐ πενθῶν καὶ σκυθρωπάζων ὅλου τοῦ βίου καὶ πρὸς δυσμᾶς αὐτὰς ἀφικόμενος πορεύοιτο; Ὡπως ἅπαντα τότε συνεκέχυτο, καὶ πῶς ἡ πόλις μικροῦ δέον φάναι δορυάλωτος ἐγεγένητο! Ἐν ᾧ γὰρ ῥάδιον μὲν τὸ ἀλῶναι, ἀπορον δὲ τοῖς ἐνοικοῦσι τὸ ὑπερασπίσαι, ἐν ἔξουσία δηλονότι τῶν ἀντιπάλων τὸ παθεῖν ταύτην, ἢ μὴ παθεῖν ἔκειτο. Ἐν ᾧ δὲ ἡ τῆς πόλεως σωτηρία τοῖς τῶν πολεμίων ἤρτητο δακτύλοις, καὶ τῇ τούτων εὐμενείᾳ ἢ ταύτης διεμετρεῖτο στάσις, παραβραχὺ, φημί, διαφέρειν, μᾶλλον δὲ πολὺ χαλεπώτερον εἶναι τὸ μῆπω πεσεῖν τὴν πόλιν τοῦ πάλαι πεσεῖν. Τὸ μὲν γὰρ ἴσως τῷ τάχει τοῦ πάθους ἄδηλον ἂν παρεῖχε τῆς μὴ παραυτίκα ἀλώσεως τὴν αἰτίαν· τὸ δὲ τῷ μήκει τοῦ χρόνου, καὶ τὴν τῶν ἀντιπάλων ἐπαίρειν ἀφιλανθρωπίαν, ὡς τῆς ἐκείνων οὐπω συγκατενεχθείσης εὐσπλαγχνίας, καὶ τὸ πάθει συνάπτον τὴν ἀπὸ τῆς συμπαθείας ἀδο-

лучія нашего описать стихами Илиады. И кто, видя все это, не сознался бы, что на насъ изъ чаши вылились самые подонки, приготовленные гнѣвомъ Господнимъ для нашихъ грѣховъ неестественныхъ? Кто, припоминая и обсуживая все это, не скорбѣлъ и не горевалъ бы во всю жизнь, приближаясь даже къ могилѣ? Какъ все тогда смѣшалось, и какъ городъ едва не былъ поднятъ на копьѣ! Когда легко было взять его, а трудно защитить, тогда по крайнѣй мѣрѣ отъ воли непріятелей зависѣло, — пострадать ему, или не пострадать: когда же спасеніе его зависѣло уже отъ расчетовъ ихъ по пальцамъ и сохраненіе его — отъ ихъ великодушія, тогда не много было разницы, лучше сказать, было гораздо лучше сдаться городу скорѣе, чѣмъ не сдаваться долго. Ибо въ первомъ случаѣ могло быть непродолжительно страданіе; да и неизвѣстно, случилось ли бы то, что бываетъ послѣ долгой осады; во второмъ случаѣ, при продолжительности ея, съ одной стороны раздраженіе жестокости непріятелей, еще не почувствовавшихъ жалости, съ другой, присоединеніе къ страданіямъ безславія отъ состраданія ихъ, слишкомъ усиливають болѣзненное чувство плѣна.

ξίαν, ἀλγεινοτέραν ποιεῖται τὴν συναίσθησιν τῆς ἀιχμαλωσίας.

V. Ἄρα μέμνησθε τοῦ κλόνου, καὶ τῶν δακρύων καὶ τῶν ὀλολυγμῶν, εἰς ἃ τότε ἡ πόλις πᾶσα σὺν ἀπογνώσει τελευταία κατεφέρετο; Ἰστε τὴν νύκτα ἐκεῖνην τὴν ζωφόδην καὶ φοβεράν, ὅτε συμπάντων ἡμῶν ὁ τοῦ βίου κύκλος τῷ τοῦ ἡλίου κύκλῳ συγκατεδύετο, καὶ τὸ τῆς ζωῆς ἡμῶν φέγγος εἰς τὸ βαθὺ τοῦ θανάτου σκοτός ἐβυζίζετο; Ἰστε τὴν ὥραν ἐκεῖνην τὴν ἀφόρητον καὶ πικράν, ὅτε κατέπλεον ὑμῖν αἱ βαρβαρικάι νῆες, ὡμόν τι καὶ ἄγριον καὶ φονικὸν ἀποπνεύσαι; ὅτε ἡ θάλασσα γαληνῶσα καὶ ἀτρεμίζουσα τὰ νῶτα ἐξήπλωτο, αὐτοῖς μὲν τὸ πλοῦν ἡδὺ καὶ καταδύμιον παρεχόμενῃ, τὰ δὲ τοῦ πολέμου κύματα κατ' ἡμῶν ἐπεκύμαιεν ἀγριαίνουσα; ὅτε τὴν πόλιν παρεπορεύοντο, καὶ ἀνατένοντες τὰ ξίφη ἠπέιλουν κατὰ τῆς πόλεως; ὅτε πᾶσα μὲν ἐλπίς ἀνθρώπινη ἐξ ἀνθρώπων ἐββύει, τῇ δὲ πρὸς τὸ θεῖον μόνῃ καταφυγῇ ἡ πόλις ἠσάλευεν; ὅτε σεισμὸς καὶ γνόφος κατεῖχε τοὺς λογισμοὺς, καὶ τὰ ὧτα πρὸς οὐδὲν ἠνέφεκτο ἕτερον, ἢ ὡς οἱ βάρβαροι τειχῶν εἰσήλασαν ἐντὸς, καὶ τοῖς ἐχθροῖς ἡ πόλις κεχείρωται; Τὸ γὰρ τοῦ συνενεχθέντος

V. Помните тотъ трепеть, тѣ слезы и рыданія, кои тогда были во всемъ городѣ, внавшемъ въ крайнее отчаяніе? Помните ту мрачную и страшную ночь, когда жизнь наша догараала съ послѣдними лучами солнца, и заря бытія нашего поглощалась глубокимъ мракомъ смерти? Помните тотъ часъ несносный и горькій, когда въ виду нашемъ плыли варварскіе корабли, навѣвавшіе что-то свирѣпое и дикое и убійственное? когда это море, утихнувъ, трепетно разстило хребеть свой, содѣлывая плаваніе ихъ пріятнымъ и тихимъ, а на насъ воздымало шумящія волны брани? когда они проходили предъ городомъ, и угрожали ему, простерши свои мечи? когда вся человѣческая надежда убыла изъ человѣковъ, и единственное убѣжище оставалось только у Бога? Когда мракъ объялъ трепетные умы и слухъ отверзался лишь для одной вѣсти: «варвары уже перелѣзли черезъ стѣны; городъ уже взять непріятелями». Ибо неожиданность бѣдствія и нечаянность нашествія заставила всѣхъ воображать и слышать только это одно. Такая слабость, обыкновенно, появляется въ людяхъ и въ другихъ случаяхъ. Ибо чего они слишкомъ боятся по мнительности своей, то почитаютъ дѣйствительнымъ, хотя того и нѣтъ: а чего даже и не подозрѣвали, то хотя и виситъ надъ головами, но имъ ка-

ἀπροσδόκητον, καὶ τῆς ἐφόδου
τὸ ἀνελπιστον τοιαῦτα φαντά-
ζεσθαι καὶ ἀκούειν ἀνέπειθεν
ἅπαντας· εἰδὼς μάλιστα τὸ
πάθημα τοῦτο τοῖς ἀνθρώποις
καὶ ἄλλως ἐπιφοιτᾶν· ὃ μὲν
γὰρ ἐκτόπως δεδίασιν ἀκρίτω
δόξῃ, καὶ μὴ παρὸν, ἐστάναι
νομίζουσι· οὐ δ' ὑπόνοιαν οὐ
προελαβόν, αὐτεξουσίῳ γνώμῃ,
καὶ φθάσαντος, πύρρῳ πέμ-
πουσι. Ἦν ὄντως τότε πένθος
καὶ θρήνος καὶ οὐαί. Τότε κ.
τ. λ.

Ἰοῖδε γὰρ οἶδε κοινὴ συμφο-
ρὰ καὶ προσδοκωμένη μετάνά-
στασις ἐπιγνώμονας τῶν ἐλατ-
τωμάτων ποιεῖν, καὶ ἑαυτῶν
γίνεσθαι, καὶ βελτίους ταῖς
πράξεσι ἀπεργάζεσθαι.

жется, что до того еще далеко. Поистинѣ, тогда былъ плачь и вопль и увы! Тогда каждый дѣлался неумолимымъ судіею грѣховъ своихъ, не упрекая обвинителей въ напраслинѣ, дабы отклонить обвиненіе, не требуя постороннихъ уликъ и не извертываясь приглашеніемъ свидѣтелей для своего оправданія; тогда каждый, видя гнѣвъ Господа, сознавалъ свою виновность, и за безумное житіе не по заповѣдямъ считалъ себя достойнымъ наказанія, а вразумленный скорбнымъ опытомъ ближнихъ уклонялся отъ чувственныхъ наслажденій, перемѣнялся, уцѣломудривался, исповѣдовался Господу воздыханіями и слезами и возносилъ къ нему мольбы и прошенія свои. Ибо умѣло общее несчастіе и ожидаемое переселеніе, умѣло оно заставить насъ раскаяться въ грѣхахъ,

образумиться, и приняться за добрыя дѣла.

VI. Когда же мы перемѣнились, когда совѣтъ свою поставили неподкупнымъ судіею грѣховъ своихъ и, ослабленную, признали ее побѣдительницею, совершивъ отступленіе внутрь себя самихъ, когда умоляли Бога литіями и пѣснопѣніями, когда съ сокрушеніемъ сердца приносили покаяніе, когда во всю ночь, поднимавъ руки къ Богу, просили у него помилованія, возложивъ на него все надежды свои; тогда избавились отъ несчастія, тогда сподобились отмыты постигшихъ насъ золь, тогда узрѣли разсѣяніе грозы и уклоненіе отъ насъ гнѣва Господня, увидѣвъ удаленіе враговъ нашихъ и освобожденіе города, которому угрожало расхищеніе и разрушеніе, тогда... Когда это? когда мы, лишенные всякой помощи и не имѣющіе никакой подмоги отъ людей, воодушевлялись надеждами на одну Матерь Слова и Бога нашего, Ее просили умолить Сына и умилоствовать за грѣхи наши, Ея дерзновеніе призывали во спасеніе, Ее умоляли покрыть насъ покровомъ своимъ, какъ стѣною нерушимою, и сдержатъ

дерзость варваровъ, смирить ихъ гордость, защитить отчаянный народъ и поборать за собственную паству ея, когда Ея ризу носили все до одного вмѣстѣ со мною для отраженія осаждающихъ и защиты осажденныхъ, и усердно совершали прилежныя моленія и литіи: тогда по неизреченному человеколюбію, при Матернемъ дерзновенномъ ходатайствѣ, и божество преклонилось, и гнѣвъ Его утихъ, и помиловаль Господь достояніе свое.

Ὅντως μητρὸς θεοῦ περιβολῇ ἢ πάνσεπτος αὐτῆ στολῇ. Ἄυτη περιεκύκλου τὰ τεῖχη, καὶ τὰ τῶν πολεμίων ἀρξήτω λόγῳ ἐδείκνυτο νότα. Ἡ πόλις ταύτην περιεβάλλετο, καὶ τὸ χαρακῶμα τῶν πολεμίων ὡς ἐκ συνῆματος διελύετο. Ἄυτη ταύτην ἐστολιζέτο, καὶ τῆς ἐλπίδος αὐτῶν, ἐφ' ἧς ἐπαρχοῦντο, ἐγυμνοῦτο τὸ πολέμιον. Ἄμα γὰρ τὸ τεῖχος ἢ παρθενικῆ στολῇ περιελήλυθε, καὶ τῆς πολιορκείας οἱ βάρβαροι ἀπειπόντες ἀνεσκευάσαντο, καὶ τῆς προσδοκωμένης ἀλώσεως ἐλυτρώθημεν, καὶ τῆς ἀδοκῆτου σωτηρίας ἠξιώμεθα. Οὐ γὰρ ἐπέβλεψε Κύριος ἐπὶ τὰς ἀμαρτίας ἡμῶν, ἀλλ' ἐπὶ τὴν μετάνοιαν, οὐδὲ ἐμνήσθη τῶν ἀνομιῶν ἡμῶν, ἀλλ' ἐπὶ τὸν συντριμμὸν ἐπειδεν τῶν καρδιῶν ἡμῶν, καὶ ἐκλινε τὸ οὖς αὐτοῦ τῇ ἐξομολογήσει τῶν χείλεων ἡμῶν. Ἀπροσδόκητος ἐπέστη ἢ ἔφοδος τῶν ἐχθρῶν ἀνέλπιστος ἐδείχθη ἢ ἀναχώρησις αὐτῶν· ἐξαίσιος ἢ ἀγανάκτησις, ἀλλ' ὑπὲρ λόγον τὸ ἔλεος· ἄφατος ἦν αὐτῶν ὁ φό-

свое. По истинѣ, эта досточтимая одежда есть риза Богоматери. Носилась она вокругъ этихъ стѣнъ: и непріятели, не постижимо, какъ, обращали тылъ свой. Покрывала она городъ: и насыпь ихъ разсыпалась, какъ по данному знаку. Приосѣняла она осажденныхъ: и осада непріятелей не удавалась сверхъ чаянія, которымъ они окрылялись. Ибо, какъ только дѣвственная риза эта обнесена была по оной стѣнѣ, и — варвары сняли осаду города, и — мы избавились отъ ожидаемаго плѣна, и сподобились нечаяннаго спасенія. Тогда Господь воззрѣлъ не на грѣхи наши, а на покаяніе, не вспомнилъ беззаконій нашихъ, но посмотрѣлъ на сокрушеніе сердець нашихъ, и склонилъ слухъ свой къ мольбамъ устенъ нашихъ. Неожиданно было нашествіе враговъ, но нечаянно и удаленіе ихъ; чрезмѣрно негодование, но неизреченна и милость; невыразимо утрашеніе ихъ, но посрамительно и бѣгство. Ихъ привелъ къ намъ гнѣвъ ихъ: но за ними, какъ мы видѣли, слѣдовала Божія милость и отвратила ихъ на бѣгъ. Итакъ не обратимъ человеколюбіе Его въ поводъ къ нерадѣнію, и милосердіе Его не примемъ за поощреніе къ лѣности, и тамъ, гдѣ началось наше спасеніе, не поста-

βος, ἐκαταφρόνητοι γεγόνασι τῇ φυγῇ. Ὁργὴν εἶχον εἰς τὴν καθ' ἡμᾶς ἐπιδρομὴν· συνελάυνουσαν αὐτοὺς φιλανθρωπίαν ἔυρομεν θεοῦ, τούτων ἀναστελλουσαν τὴν ὀρμὴν. Μὴ οὖν τὴν φιλανθρωπίαν ἀφορμὴν ἀλιγορίας ποιησώμεθα...
κ. τ. λ.

вимъ воротъ, ведущихъ къ гибели, не разслабнемъ во время милости Его¹⁾, да не будетъ послѣднее горше перваго, и да не навлечемъ на себя проклятія, изреченнаго Іудеямъ устами Исаи: «увы, народъ грѣшный, людъ исполненный грѣховъ! За чѣмъ уязвляетесь еще, прибавляя беззаконіе, такъ что уже негдѣ приложить ни пластыря, ни елея, ни перевязокъ» (Гл. 1. 4. 5. 6.).

VII. Такъ, возлюбленные, не будемъ виновниками столькихъ несчастій, и не забудемъ тѣхъ обѣтовъ, которые дали мы Богу, когда видѣли ту страшную тучу, что висѣла въ виду нашемъ. Ибо вы знаете, всѣ знаете, бывъ научены совѣстію своею: какъ въ то время иной, сдѣлавшій что либо несправедливое, общался предъ Богомъ не дѣлать того впредъ, другой, растлившій тѣло блудомъ, возненавидѣлъ любострастіе и добровольно далъ обѣтъ цѣломудрія, а преданный пьянству протрезвился и общался не пить во всю жизнь, жестокосердый и безчеловѣчный сталъ милостивъ, прося у Бога помилованія подъ залогъ милосердія къ ближнимъ, досадитель друзьямъ и губитель согражданъ, палачъ рабовъ и тиранъ свободныхъ людей, смягченный слезами и стопами, укрощалъ свирѣпый нравъ свой и дѣлался смиренъ. Было что посмотреть тогда! Гордые смирились; сластолюбцы постились; у весельчаковъ и игроковъ слезы ручьями текли по щекамъ; ростовщики, копившіе деньги, раздавали ихъ бѣднымъ, оплевавъ недугъ сребролюбія; и вообще сказать: всѣ сознавая слабости свои, съ великимъ усердіемъ разрушали все старое и созидали все вновь, и каждый, кто жилъ худо и безпечно, руками и ногами и всѣми силами давалъ знать, что онъ будетъ служить образцомъ добродѣтели, и рѣшался и общался впредъ исполнять всѣ обѣты чистосердечно и неуклонно. Пусть же помнить это всякій. Пусть никто не забывается, и обѣщаній своихъ не сбываетъ какъ нибудъ; ибо забвеніе ихъ умѣло воспламенить гнѣвъ Божій. Да при томъ и Матерь Слова и Бога нашего мы представили Ему порукою своихъ обѣтовъ: и ихъ-то челоуѣколюбіе посѣтило насъ и избавило отъ плѣна. Все

¹⁾ Μηδὲ καταμαλακισθῶμεν ἐν τῷ ἐλέει αὐτοῦ.

это перечистивъ и посѣявъ въ сердцахъ своихъ, мы пожали плоды покаянія, и улучшивъ нравы, освободились отъ бѣдъ. А положивъ такое основаніе новаго житія, не будемъ скоплять хворость, или сѣно, или тростникъ, то есть, удобовозгараемый матеріалъ грѣховъ, испепеляющій всѣхъ, кто только навьюченъ имъ: напротивъ, будемъ строить зданіе изъ золота и серебра — изъ добросовѣстныхъ и чистыхъ дѣлъ, въ которыхъ нѣтъ яда лукавства, да послужить оно намъ нерушимымъ кровомъ и священнымъ убѣжищемъ во время напастей. Не станемъ обращаться вепять, да не будемъ осуждены за то, что оказались неготовы въ царство небесное. Не будемъ дѣлать худыхъ дѣлъ, дабы вслѣдъ за ними не воротились минувшія бѣды, и не остались у насъ навсегда. Да обратится каждый отъ злыхъ дѣлъ своихъ всѣмъ сердцемъ своимъ, взвѣсивая и испытывая себя самого: «какими поступками своими съумѣлъ оскорбить Бога такъ, что подвергся такому гнѣву Его; за какіе чрезвычайные пороки даны такіе страшные уроки; какія дѣла воспламенили на насъ ярость его, и какія способствовали къ тому, что насъ пріосѣнило облако челоуѣколюбія Его; чѣмъ заслужена кара, и какъ отклонено пораженіе; за что мы изъязвлены, и какъ исцѣлѣли отъ ранъ». «Ибо если мы все это пересмотримъ, если испытаемъ себя такимъ образомъ, и затвердимъ этотъ урокъ; то я увѣренъ, что Господь впредь ущедритъ намъ милость свою. «Ибо онъ близокъ ко всѣмъ, призывающимъ «Его истинно, и волю боящихся Его исполнить, и молитву ихъ услышитъ, «и спасетъ ихъ, потому что онъ есть защита всѣхъ уповающихъ на него»¹⁾. А если мы будемъ грѣшить по прежнему, — но дай Богъ, чтобы у васъ не оказался ни одинъ такой безчувственный и неисправимый, которому ни почемъ толкое и такое богоправедное наказаніе, — если осквернимся тѣми же страстями, и загрязнимся тою же тиною сластей, если не очистимся прилежнымъ покаяніемъ, и если минувшія печали не научатъ насъ береечь себя для вѣчной жизни: то, увы, какую снова приготавимъ себѣ гибель! какую ископаемъ глубъ несчастій! сколько наживемъ себѣ зимнихъ бѣдъ, взбѣсившись на себя самихъ! Ибо Писаніе говоритъ: «ежели вы не обратитесь, (къ Богу) то Онъ отточитъ свой мечъ». Еще: «Онъ натянулъ свой лукъ и приготавилъ Его». Еще: «одождитъ на грѣшниковъ сѣти, огонь

¹⁾ Псал. 144, 18.

и сѣру: и духъ бурный часть чаши ихъ¹⁾). Еще: «огонь и градъ, голодъ и смерть, мечъ и бичъ, все это создано для грѣшниковъ²⁾». — Нѣтъ намъ надобности въ чужихъ примѣрахъ для собственнаго вразумленія: своего опыта достаточно для нашего исправленія и умудренія, своихъ страданій — для нашего исцѣлѣнія, своихъ минувшихъ бѣдъ — для предупрежденія золь будущихъ. Ибо когда мы жили роскошно, безпутно и сладострастно, о прочемъ и не говорю уже; тогда увидѣли, что гнѣвъ Господа стремится на насъ, какъ туча града на плоды. Но пораженіе остановлено поканіемъ:

Ἔσθη ἡ θραύσις τῆ μετανοία, μὴ κινήσωμεν αὐτὴν τῆ ἀμελεία. Κατεπραυνῆθη ὁ θυμὸς αὐτοῦ τοῖς τῶν δακρῦν ἡμῶν ὄχετοῖς, μὴ ἀνάψωμεν πάλιν αὐτὸν βρασμῶ γέλωτος ἀκρατοῦς, καὶ θυμελικῶν ἀθυρημάτων ἐνδελεχισμοῖς. Ἡ κατ' ἡμῶν ἡκονιμένη συνεστάλη ῥομφαία λιταῖς καὶ δεήσεσι ὑποχώρησασα, μὴ στίλβώσωμεν πάλιν αὐτὴν δείπνοις καὶ μέθαις καὶ θεραπείᾳ τοῦ ἀκολάστου σχολάζοντες γαστρός. Τοῦ στεναγμοῦ τῆς καρδίας ἡμῶν καὶ τῆς βοῆς ἐκείνης ἤκουσεν ὁ θεὸς καὶ οὐχ ὑπερεΐδε, μὴ παυσώμεθα τοῦτο ποιεῖν, ἵνα διὰ παντὸς ἡμῖν ἡ θεὸς ἐν φιλανθρωπία ἐπικουρή. Κακὸν ἡ μέθη. Κακὸν ἡ πορνεία. Κακὸν τὸ ἀδικεῖν. Κακὸν ἡ μισαδελφία, ἡ κατὰ τοῦ πλησίον ὀργή, ἡ ὑπεροψία, ὁ φόνος, ὁ φθόνος. Κακὸν ἡ ραθυμία καὶ ἡ ἀμέλεια. Φύγωμεν ταῦτα

не привлечемъ же его нерадѣніемъ. Гнѣвъ его погашенъ потоками нашихъ слезъ: не воспламенимъ же его снова кипучимъ и несдержимымъ смѣхомъ и непрерывными музыкальными потѣхами. Отточенный на насъ мечъ удержанъ литіями и моленіями: не остроимъ же еко паки вечеринками и попойками и угожденіемъ ненасытному чреву. Услышала Богъ стenanіе сердца нашего и не презрѣла воплей нашихъ: не прекратимъ же ихъ, да всегда помогаетъ намъ челоуѣколюбіе Божіе. Худое дѣло пьянство. Худое дѣло блудъ. Худое дѣло неправда. Худое дѣло ненависть къ братьямъ, гнѣвъ на ближняго, гордость, убійство, зависть. Худое дѣло лѣньность и безпечность. Будемъ же избѣгать сего, возлюбленные, сколько можемъ. Общи страсти у бояръ, богачей, бѣдняковъ, мужицъ и женщинъ: да будетъ же и исправленіе общее. Все это воспламеняетъ гнѣвъ Божій. Все это скопляетъ грозу, отвращаетъ челоуѣколюбіе, готовитъ намъ униженіе предъ врагами, и возвышаетъ ихъ бранную силу.

¹⁾ Псал. 10, в. То есть, въ чашѣ у нихъ, вмѣсто вина, бурный вѣтеръ. Они, глотаютъ его. — ²⁾ Сирах. 39.

πάση δυνάμει, ἀγαπητοί. Κοι-
νά τὰ πάση ἀρχόντων, πλουσί-
ων, πενήτων, ἀνδρῶν, γυναι-
κῶν· κοινὰ γενέσθω καὶ τὰ κα-
τορθώματα. Ταῦτα τὴν ἐργίην
ἐκκαίει τοῦ Θεοῦ. Ταῦτα τὴν
ἀπειλήν αὐξάνει, τὴν φιλαν-
θρωπίαν ἀναστέλλει, καὶ τα-
πεινοῦς μὲν παρασκευάζει ἡμᾶς
τοῖς ἐχθροῖς, ὑπερυψοῖ δὲ τὸ
πολέμιον κατ' ἡμῶν. Ταῦτα
βδελυξώμεθα καὶ ἀποστραφῶ-
μεν ἐκ ψυχῆς, ἵνα μὴ τὴν ἀπὸ
Θεοῦ καταδικασθῶμεν ἀποστ-
ροφήν.

Отвратимся же отъ этихъ мерзостей всею ду-
шею, да не будемъ наказаны отвращеніемъ
отъ насъ Бога. Ибо и древній Израиль, когда
овладѣвали имъ страсти, погибалъ подъ лез-
веемъ меча. Тотъ Израиль, который слылъ не
побочнымъ племенемъ и не презрѣннымъ на-
родомъ, но славился какъ отмѣренный удѣлъ,
и ублажаемъ былъ какъ народъ благополуч-
ный, и онъ, при такихъ преимуществахъ,
когда грѣшилъ, бичуемъ былъ врагами, а
когда исправлялся, одолѣвалъ ихъ и овладѣ-
валъ ими; и онъ, когда соблюдалъ заповѣди,
тогда оружіемъ добывалъ чужую землю и ве-
село жилъ чужими трудами: когда же прене-

брегалъ закономъ, тогда, отходя въ плѣнь, видѣлъ, какъ враги селятся на
родной землѣ его, поя побѣдныя пѣсни и приплясывая съ подскокомъ. И
это премудро и справедливо. Ибо народу возлюбленному и богоизбранному
не должно надѣяться на крѣпость рукъ своихъ, величаться силою мышцъ
своихъ, опираться на запасныя оружія, а надобно овладѣвать супостатами
и господствовать надъ ними съ помощію Всевышняго, помощь же Его умѣть
снискивать наилучшими дѣлами и множествомъ доблестей. Если же кто
утратилъ добродѣтель и чистоту нравовъ, тотъ неизбежно лишается и Бо-
жіей помощи: а кто украсилъ жизнь свою добрыми дѣлами, какъ броней,
тотъ добродѣтель дѣлаетъ неборимую союзницею и помощницею противъ
враговъ. Но если народъ Божій силенъ и побѣдоносенъ съ помощію Бога; то
прочіе народы, у которыхъ понятіе о божествѣ погрѣшительно, не своими
благодѣланіями, а нашими худыми дѣлами увеличиваютъ свою силу, и такъ
державятъ и величуются надъ нами. Ибо они берегаются для насъ, какъ
бичи, и бичуютъ наши грѣхи. Однако господство надъ нами предоставляется
имъ на столько времени, на сколько ополчаются на насъ страсти, и на
сколько мы склоняемся и стремимся къ злу, и оставляемъ тотъ порядокъ,
въ который поставилъ насъ спасительный и божественный законъ. Итакъ,
когда мы, исправляясь, приближаемся къ Богу, тогда удастся намъ и дер-

жавить надъ врагами при сдержаніи страстей: а грѣша мы навлекаемъ на себя гнѣвъ Божій, и впадаемъ въ руки враговъ. Какъ же не убѣгать намъ отъ беззаконій, какъ не гнушаться ими, и какъ не преуспѣвать въ добродѣтеляхъ, какъ не украшаться ими, и не совершенствоваться въ теченіи всей жизни? Какъ отважился бы кто одолѣть враговъ; когда у себя

Πῶς δ' ἂν τις καὶ κατισχύσαι παρρησίῃ ἐχθρῶν, ὅτε τοὺς ἐν αὐτῷ πολεμίους καὶ τὰς στάσεις ἐνδον θάλλει πορνεύοντας αὐτὸν, ὅτε θυμὸς ἄλογος τοῦ αυτοκράτορος λογισμοῦ κρατεῖ, καὶ κατὰ τοῦ πλησίον, μηδὲν ἴσως ἠδικηκότος, ἀναπειθεῖ νόμον; Πῶς σοὶ πολεμίους περιεῖναι τὸ νικᾶν ζητεῖς, ὅτε τὸ λίχνον τῆς ἐπιθυμίας ὑποχείριον λαβὼν τὸν αὐτοδέσποτον λογισμὸν ἔλκει τε καὶ μετεκλίει περιάγον καὶ δουλαγωγοῦν, ἐνθα ἂν ἐπιτάττη τὸ πάθος; κ. τ. λ.

питаеть разрушительные раздоры и вражды, когда неразумная ярость овладѣваетъ самодержавнымъ умомъ и склоняеть убить ближняго, который, быть можетъ, не сдѣлалъ никакой неправды? Какъ тебѣ побѣдить непріятелей, когда чувствєнные похотѣнія подчиняють себѣ самодержавный умъ твой, и водятъ и переводятъ его, какъ раба, куда велить страсть? Какъ достался бы вѣнецъ побѣды надъ супостатами такимъ изнуреннымъ рабамъ? Невозможно, совершенно не возможно одолѣть враговъ внѣшнихъ тому, кто, какъ плѣнникъ, связанъ врагами домашними, и преданъ страстямъ. Итакъ если мы желаемъ низложить враговъ первыхъ, то напередъ

постараемся покорить враговъ вторыхъ, и прекратимъ ихъ распри и раздоры. Пусть страстями править умъ: тогда мы одолѣемъ и тѣхъ внѣшнихъ непріятелей, которымъ попущено воевать и уязвлять насъ. Ибо если ты свой умъ, который далъ тебѣ Богъ, какъ самодержца, подчинилъ чувственнымъ удовольствіямъ, какъ раба; то какъ желаешь сдѣлаться властелиномъ надъ врагами, посланными противъ тебя извнѣ? Какъ тебѣ совладѣть съ бѣдами, когда умъ твой ежедневно бываетъ добычею внутреннихъ несогласій и навѣтовъ? Напередъ удалимъ отъ себя мятежные умы, и потомъ легко обезсилимъ силу иноплеменниковъ. Не извѣстно ли, что когда Израиль сдерживалъ свои страсти, тогда одолѣвалъ и враговъ, потому что соратовалъ съ нимъ Богъ, когда же порабощался грѣхамъ, тогда предаваемъ былъ непріятелямъ, потому что его оставляла соратующая сила Божія? Этотъ народъ, благоугождая Богу, посредствомъ Моисея избѣгъ страш-

наго и тяжкаго рабства у Египтянъ. Да и не это одно удалось ему, а и бурное море чудно сдѣлалось удобопроходимою стезею для него, гонящимъ же его Египтянамъ — вѣчною могилою, въ которой страшно погибли и кони и колесницы ихъ и самъ Фараонъ, тогда какъ возлюбленный Богомъ народъ радовался и веселился, и въ восторгѣ плѣль исходную плѣнь вождю и побѣдителю Богу. Но онъ же, въ другое время, когда возронталъ и началъ войну безъ повелѣнія Божія, и надѣяніе на самодѣльный уставъ свой предпочелъ Божіей волѣ, тогда былъ разбитъ наголову, побѣжденъ, и своимъ прегрѣшеніемъ усилилъ державу непріятелей, и возвысилъ ихъ славу. Опять, онъ же, когда ополчался по волѣ Божіей и повиновался приказаніямъ Моисея, тогда опустошалъ многіе города непріятелей, пріобрѣталъ множество рабовъ, получалъ большую добычу, радовался и ликовалъ. И его радость и веселіе о побѣдѣ не прекращались бы, если бѣ неблагодарность не ополчила противъ него змѣй, тогда какъ не было народа, который мечемъ доказалъ бы, какъ справедливо гнѣвается Богъ за неблагодарность его. Такъ карается народъ грѣшный. То, мечи враговъ пожинаютъ его, то, зубы зверей пожираютъ его, то землетрясеніе, или нестерпимый зной караетъ его, то небесныя молніи испепеляютъ его, то безплодіе угнетаетъ его, то порча воздуха портитъ его. Нѣтъ недостатка въ наказаніяхъ, соотвѣтствующихъ искусству грѣшнѣ. Избѣгаетъ ли кто одного изъ нихъ, постигается другимъ, уклоняется ли и отъ этого какимъ либо образомъ, карается иначе. Вообще, жизнь беззаконная и повинная осужденію не обходится безъ наказанія. Нужно ли перечислять всѣ прочія обстоятельства Израиля, побѣды его надъ врагами, когда онъ былъ благоразуменъ, нанесенныя ему пораженія нечаянныя, когда онъ безумствовалъ, его плѣнъ и возвращеніе изъ плѣна, возстаніе и потомъ благостояніе, разрушеніе Іерусалима и построеніе его вновь? Достаточно сказать, что за добрыя дѣла ему было воздаяніе благое, а за худыя — страшное. Итакъ, возлюбленные, имѣя въ виду свои собственныя несчастія и примѣры древняго Израиля, показанныя для нашего исправленія, возненавидимъ грѣхи и возлюбимъ добродѣтели, и удалимся отъ круговыхъ и душевредныхъ беззаконій, отъ пьянства, блуда, зависти, злорѣчія, любостязанія, неправды, превозношенія, ненависти къ братьямъ, и всѣхъ

исчадій ихъ, да получимъ даръ побѣды на браняхъ, и да не лишимся и небеснаго наслѣдія.

VIII. Но такъ какъ мы уже избавились отъ грозы, избѣжали меча, и губитель миновалъ насъ, покрытыхъ ризою Матери Слова — этимъ достоинствомъ нашимъ; то всѣ вмѣстѣ съ нею воспоемъ благодарственныя пѣсни рожденному изъ нея Христу Богу нашему, всякій домъ избѣжавшій меча, всякій возрастъ, жены, дѣти, юноши и старцы. Ибо кому угрожала общая погибель, тѣ должны всѣ съобща воспѣть Бога и Матерь Его голосами преподобными. Мы сподобились общей свободы: принесемъ же и благодареніе общее. Скажемъ Матери Слова съ искренностію чистой души: «мы вѣруемъ въ тебя несомнѣнно и любимъ тебя крѣпко. Сама ты спасай градъ твой, какъ знаешь, и какъ хочешь. Тебя мы предпоставляемъ, какъ оружіе и стѣну, какъ щитъ и воеводу. Сама ты ратуй за людей твоихъ. А мы потщимся представить тебѣ чистыя сердца свои, напряженно исторгнувъ себя изъ тины страстей. Сама разори совѣты гордыхъ враговъ нашихъ. А если мы и не исполнимъ чего либо заповѣданнаго намъ, твое дѣло исправить насъ, твое дѣло подать руку преклонившимъ колѣна, и поднять ихъ изъ праха». Скажемъ это Дѣвѣ, но не солжемъ, да не оболжется благая надежда наша, да не обманется чаяніе наше, да не погибнемъ въ житейскихъ тревоженіяхъ и въ пучинахъ бѣдъ, и да войдемъ въ пристань нашего спасенія, и сподобимся славы небесной благодатію и человѣколюбіемъ Христа истиннаго Бога нашего, которому подобаешь всякая слава, честь и поклоненіе, какъ и Отцу и Духу святому, Троицѣ единосущной и живоначальной, нынѣ, всегда и во вѣки. Аминь.

ЕГО ЖЕ БЕСѢДА,

ГОВОРЕННАЯ СЪ АМВОНА ВЕЛИКОЙ ЦЕРКВИ, ВЪ ВЕЛИКУЮ СУББОТУ, ВЪ ПРИСУТСТВИИ ХРИСТОЛЮБИВАГО ЦАРЯ, КОГДА ОТКРЫТЬ БЫЛЪ ЖИВОПИСНЫЙ ОБРАЗЪ БОГОМАТЕРИ.

I. Если бы кто учился молчать во всю жизнь, то въ настоящій день заговорилъ бы по вѣсѣмъ правиламъ витійственнаго искусства...

(Такъ начинается эта Бесѣда, и спустя немного продолжается).

... Такимъ угощеніемъ увеселяетъ насъ написанный образъ Дѣвы, упоевая не чашами вина, а прекраснымъ видомъ, такъ что умъ нашей души, насытившись имъ при посредствѣ тѣлеснаго зрѣнія, и по любви къ божественному напечатлѣвши въ себѣ это произведеніе Православія, живѣе представляетъ себѣ истину и плодотворность ея. Такимъ образомъ благодать Дѣвы радуется, воодушевляетъ и укрѣпляетъ насъ и посредствомъ

Πάρθενος-Μήτηρ ἀγναῖς ἀκαλάις τὸν κοινὸν φέρουσα πλάστην, εἰς κοινήν τοῦ γένους σωτηρίαν ὡς βρέφος ἀνακλινόμενον· τὸ μέγα τοῦτο καὶ ἄφραστον τῆς οἰκονομίας μυστήριον· Πάρθενος-Μήτηρ, παρθένον ἅμα καὶ μητρικὸν ὄρωσα, καὶ πρὸς ἄμφω τὰς σχέσεις ἐν ἀμερίστῳ σχήματι μεριζομένη τὸ βέλημα, καὶ μηδ' ἕτερον μέρος τῷ ἀτελεῖ ἐξυβρίζουσα· — ὑπόκρισις ἄρα τῆς ἄνωθεν ἐπιπνοίας ἢ ζωγράφου τέχνη· οὕτως ἀκριβῶς εἰς φύσιν τὴν μήμησιν ἔστηκε!

иконъ. — Се, Дѣва-Матерь въ чистыхъ объятіяхъ своихъ носить, какъ младенца, общаго Создателя, склонившагося спасти весь родъ нашъ. Велика и неизреченна сія тайна смотрѣнія Божія! Се, Дѣва-Матерь смотритъ дѣвственно и вмѣстѣ матерински, и по этой обоюдности въ одинъ и тотъ же лицѣ своемъ обнаруживаетъ два дѣйствія воли своей, вполне выражая въ немъ не одну дѣвственность, но и материнство: — знать, живописецъ вдохновленъ былъ свыше: такъ вѣрно подражалъ онъ природѣ!! — ибо она съ внутреннимъ восторгомъ сострастно ¹⁾ смотритъ на Рожденнаго, склонивъ къ Нему лице

¹⁾ Нѣжно.

— Καὶ γὰρ οἶονεὶ τῇ μὲν στοργῇ τῶν σπλάγγων τὴν ὄψιν πρὸς τὸ τεχθεὲν συμπαθεῖς ἐπιστρέφουσα, οἷα δὲ τῷ ἀπαθεῖ καὶ ὑπερφυεῖ τοῦ τόκου εἰς ἀσχετον ἅμα καὶ ἀτάραχον ἀρμολομένη κατὰστημα διαθεσεως, παραπλησίον φέρει τὸ ὄμμα σχηματιζόμενον. Εἰποις ἂν αὐτὴν, μηδ' εἴτις ἐπερωτῆ, πῶς δὲ παρθεύεις καὶ τέτοκας, μηδ' ἂν τὸ φθέγγασθαι παραιτήσασθαι. Οὕτω διασαρκώθη τὰ χεῖλη τοῖς χρώμασι, ὥστε καὶ συνεπτύχθαι μόνον καὶ ἡρεμεῖν, ὡς ἐν μυστηρίῳ, ἀλλ' οὐκ ἔχειν δι' ὅλου τὴν ἡσυχίαν ἀκίνητον, οὐδὲ μιμήσει τὴν μορφὴν ἐνωραῖζεσθαι, ἀλλ' αὐτόχρομα τυγχάνει ἀρχέτυπον. Ὁρᾶς, οἷου κάλλους τὸ τῆς ἐκκλησίας ἐχῆρσε πρόσωπον; ὄσης δὲ λαμπρότητος ἀπεστέρητο; ἡλικίων δὲ χαρίτων σκυθρωπὸς ἐκράτει κατῆφεια;

свое, а по причинѣ безстрастнаго и сверхъестественнаго рождества удерживаетъ невозмутимое и спокойное состояніе души, отчасти выражая оное и во взорѣ своемъ. Смотри на нее, ты сказалъ бы, что она и безъ чьего либо вопроса, — какъ же ты дѣвствуешь, когда родила? — не отказывается говорить. Такъ живо красками написаны уста ея! Они сжаты и умолкли отъ какой-то тайны, однако нѣтъ въ нихъ и неподвижнаго спокойствія. Во всемъ лицѣ не видно никакой искусственной прикрасы: напротивъ онѣ какъ бы живыи первообразъ. Смотри, какого украшенія лишена была церковь! Какой славы недоставало ей! И какую красоту замѣняла угрюмость!

II. Иконоборство есть озорничество ничѣмъ не меньшее дерзости Иудеевъ. А почитаніе иконъ есть блистательное проявленіе ума боговдохновеннаго и той любви къ Господу, которая усовершенала тайноводственный ликъ апостоловъ, окрыляла страстотерпцовъ во время ихъ шествія къ побѣднымъ вѣнцамъ, а пророкамъ, этимъ языкамъ Бога, которые знали и вѣрно прорицали людямъ будущее, доставляла неуязвимую славу. Всѣ эти подвиги и дарованія, по истинѣ, были плодъ этой искреннѣйшей и божественной любви. Она же установила и почитаніе честныхъ иконъ, какъ ярая и скверная ненависть причинила истребленіе ихъ.

III. Иконоборцы, лишивъ невѣсту Христову — Церковь собственнаго

украшения ея, и нанесши ей такія глубокия раны, какими изрыто было все лице ея, съ бѣшенствомъ усиливались погубить ее въ пучинѣ забвенія, обнаженную, лишенную образовъ¹⁾ и покрытую многими язвами, подражая тѣмъ Иудейскому безумію. Но теперь она, хотя еще и носитъ на тѣлѣ своемъ слѣды этихъ язвъ въ обличеніе Христоборнаго мудрованія Исавра, но загладивъ ихъ и облекшись въ велелѣніе славы своей, преобразуется и воспріемлетъ прежнюю сановитость свою, посярамля многихъ, гордыхъ, ругателей своихъ, и сожальѣя о безуміи ихъ, по истинѣ, безпримѣрномъ. — На-

Τάυτην τὴν ἡμέραν εἶ τις ὀρθοδοξίας ἀρχὴν καὶ ἡμέραν, ἵνα μὴδὲν ὑπέρογκον εἰπῶ, καλέσειεν, οὐκ ἂν ἀμάρτοι τοῦ δέοντος. Καὶ γὰρ εἰ καὶ οὐ βραχὺς ὁ χρόνος, ἐξ οὗ τῆς εἰκονομαχικῆς αἰρέσεως ἀπηρῆσθη τὸ φρόνημα, καὶ τὰ τῶν ὀρθῶν δογμάτων εἰς πάντα τῆς οἰκουμένης περιηργάσθη τὰ πέρατα, βασιλικῶ καὶ θεῶ προστάγματι φρικτοροῦμενα: — ἐμὸν καὶ τοῦτο καλλώπισμα: τῆς γὰρ αὐτῆς θεοφιλοῦς βασιλείας ἀγώνισμα: — ἀλλ' οὖν ἐπεὶ περὶ ὁ τῆς οἰκουμένης ὀφθαλμὸς, ὁ περιώνυμος οὗτος καὶ θεῶς ναὸς, οἴσκει τὰ τῆς ὀράσεως ἐκκεκολλημένους μυστήρια, ἐσκυρῶπαζε: τῆς γὰρ εἰκονομαχικῆς ἀναστηλώσεως οὕτω ἀπειλήσει τὸ δικαίωμα: ἀμυδρὰς τοῖς προσιοῦσι τὰς ἀκτῖνας ἠφείει τῆς ὄψεως, καὶ στυγνὸν ἐπὶ τοῦτοις τὸ τῆς ὀρθοδοξίας ἐδείκνυτο πρόσωπον. Νῦν δὲ καὶ ταύτην ἀπο-

стоящій день если бы кто назвалъ началомъ и днемъ Православія, дабы не сказать полновѣнѣе, тотъ не погрѣшилъ бы въ должномъ. Ибо хотя и не короткое время прошло съ той поры, когда померкло мудрованіе иконоборной ереси, и когда во всехъ концахъ вселенной возсіяли правые догматы, возженные по царскому, священному повелѣнію: — мое и это украшеніе, а подвигъ боголюбивой Державы! — но это око вселенной, этотъ знаменитый и божественный храмъ, въ которомъ изглажены были священные изображенія, еще угрюмъ былъ, потому что еще не получилъ права возстановленія иконъ, и входящихъ въ него поражалъ блѣдною пустотою облицовки, а отъ этого и Православіе казалось угрюмымъ. А теперь невѣста Христова, не имѣя этой угрюмости, и благопрістойно украсившись всеми убранствами своими, и нося все богатое приданое свое, радостная, веселая, весело слышитъ громкій голосъ жениха своего, говорящаго: «вся хороша ближняя моя, и недостатка нѣтъ въ ней²⁾». Хороша ближняя моя! Она жи-

¹⁾ ἄμορφον = безобразную. — ²⁾ Πῆνυ πῆσней, 4, 7.

τιθέμενη τὴν σκυζωπότητα, καὶ τοῖς οἰκείοις πᾶσι ἐνωραίζομένη καὶ διαπρέπουσα ἀγλαΐσμασι, καὶ τὸν πλῆσιον αὐτῆς προῖκα φέρουσα, καὶ χαίρουσα, φαιδρὰ φαιδρῶς ὑπακούει τῆς τοῦ νυμφίου φωνῆς, διακεκραγῶτος καὶ λέγοντος: «ὄλη καλὴ ἡ πλησίον μου, καὶ μῶμος οὐκ ἔστιν ἐν αὐτῇ». Καλὴ ἡ πλησίον μου. Τῇ γὰρ τῶν δογμάτων ὀρθότητι τὰ τῶν χρωμάτων ἄνῳη κεράσασα, καὶ ἄλλος ἱερὸν ἱεροπρεπῶς αὐτῇ δι' ἀμφοῖν ἐμμορφώσασα, καὶ οἶνει ὄλην δι' ὄλου καὶ παντέλειον ἀγαλματοφοροῦσα τὴν εὐσέβειαν, οὐ παρὰ τοὺς υἱοὺς τῶν ἀνθρώπων ὠραία κάλλει γνωρίζεται, ἀλλὰ καὶ παρ' οὓς τινὰς οὖν ἐτέρους εἰς ἄφραστον εὐπρεπειᾶς ἐξήρτυται ὠραιότητα. «Ὁλη καλὴ ἡ πλησίον μου:» τὰς πληγὰς διαπρέφουγε, τῶν τραυμάτων ἐλευθέρωται, τοὺς σπύλους ἀπερῆύψατο, τοὺς ὑβριστὰς ἐταρτάρωσε, τοὺς ὑμνητὰς ὑπερύψωσε. «Καὶ μῶμος οὐκ ἔστιν ἐν αὐτῇ:» τῶν στιγμάτων κρείσσων γέγονεν, οἷς ἀλλόφυλος καὶ μειαρὰ χεῖρ ὄλον ἀμιζομένη τὸ σῶμα κατέστιξε. Τούτων ἀπάντων τὰς κηλίδας ἀπεσμῆξατο, τὸν νυμφικὸν καὶ ἀρχαῖον ἐπανηρημένη κόσμον περιέστето. κ. τ. λ.

вописью расцвѣтила истины правой вѣры, и такимъ образомъ священноприлично придала себѣ священное благолѣпіе, и какъ бы изваяла все сполна вѣроученіе свое совершенное, и потому не одними сынами челоувѣческими признается прекрасною, но и боговдохновенными мужами предвосхвалена, какъ красота неизреченная. Вся хороша ближняя моя. Отъ поражений укрылась, отъ язвъ нецѣлилась, прахъ отрясла, ругателей низринула въ тартаръ, пѣвцовъ превознесла до неба. Недостатка нѣтъ въ ней. Она лучше стала послѣ того, какъ иноплеменная и скверная рука изъязвила все тѣло ея. Раны ея зажили; старинное убранство ея все на ней, какъ на невѣстѣ. «Увидѣли ее дѣвы и ублажаютъ ее царицы и восхваляютъ: кто она, проникающая какъ утро? прекрасная, какъ луна, и превосходная, какъ солнце¹⁾»? Это благолѣпіе ея, это царственное убранство ея описалъ свыше вдохновенный Давидъ, когда владыкѣ и царю всѣхъ пѣлъ пѣснь: «предстала царица съ правой стороны твоей, облеченная въ одежду позлащенную и испещренную²⁾. Стопы ея украшены³⁾». Это благолѣпіе ея провидѣлъ и Исаія, когда вѣщалъ: «стань Сіонъ, какъ въ началѣ дня, какъ новое поколѣніе вѣка; ибо на головѣ твоей веселіе и хвала: и обыметъ тебя радость. Это я, это я утѣшаю тебя, говорить Господь⁴⁾. Вотъ я на ругахъ моихъ живописалъ стѣны твои, и ты предо мною

¹⁾ Пѣснь пѣсен. 6, 8. 9. — ²⁾ Псал. 44, 10. — ³⁾ Пѣснь пѣсен. 7, 2. — ⁴⁾ Исаіа 54, 9. 11. 12.

всегда ¹⁾). Это же провидѣла и сама она, и устами Исаіи возгласила, говоря: «да возрадуется душа моя о Господѣ; ибо онъ одѣлъ меня въ ризу спасенія и въ одежду веселія: возложилъ на меня, какъ на жениха, вѣнецъ, и какъ невѣсту, украсилъ меня красотою ²⁾: и я буду уже, не какъ покинутый городъ, а какъ вождѣнный, и какъ прекрасный вѣнецъ въ рукѣ Господней и царская діадима въ рукѣ Божіей ³⁾». При этомъ торжествѣ и мы, въ веселіи и радости душевной, составивъ ликъ и празднуя обновленіе почитанія иконъ, сего дня вѣщаемъ устами пророковъ: «Вельми радуйся дщерь Сіона. Проповѣдуй дщерь Іерусалима. Отъялъ Господь обиды твои. Избавилъ тебя отъ руки враговъ твоихъ ⁴⁾. Возведи окрестъ очи твои, и посмотри на собранныхъ чадъ твоихъ. Вотъ всѣ сыны твои и дочери твои пришли къ тебѣ издалека и принесли тебѣ ⁵⁾, не золото, не ливанъ, не дорогіе камни, не эти произведенія земли, обогащающія святилище по человѣческому закону, но чистѣйшую паче всякаго золота и драгоцѣннѣйшую паче всѣхъ камней, отеческую, неповрежденную вѣру. Радуйся и веселись отъ всего сердца твоего. Ибо вотъ идетъ Господь, и водворится у тебя ⁶⁾.

IV. Что лучше настоящаго дня? Что воодушевительнѣе и радостнѣе нынѣшняго празднества? Сего дня иное жало вонзено въ самое сердце смерти, не положеніемъ Спасителя въ мертвенный гробъ для общаго воскресенія рода нашего, а возстаніемъ иконы Матери Его изъ самыхъ глубинъ забвенія, и сопоставленіемъ подлѣ нея прочихъ святыхъ образовъ.

V. Христосъ пришелъ во плоти, и былъ носимъ въ объятіяхъ Родившей Его. Это видится и на иконахъ, и ими подтверждается и возвѣщается, такъ что сіе ученіе, уясненное такимъ нагляднымъ образомъ, принимается зрителями съ увлеченіемъ неудержимымъ. — (Если же кому нелюбо такое наставленіе посредствомъ иконъ; то почему онъ прежде не возненавидѣлъ евангельскаго слова о томъ?) — Ибо какъ слово посредствомъ слуха, такъ икона посредствомъ зрѣнія напечатлѣвается въ душахъ, и внушаетъ согласное съ Вѣрою наставленіе тѣмъ, которые не заражены ложными догматами. Мученики страдали за то, что любили Господа, и любовь свою къ нему запечатлѣли кровію своею. Воспоминаніе о нихъ содержится въ кни-

¹⁾ Исаіи 49, 16. — ²⁾ Исаіи 61, 10. — ³⁾ Исаіи 62, 12. 3. — ⁴⁾ Софон. 3, 14. 15. —

⁵⁾ Исаіи 60, 4. — ⁶⁾ Софон. 3, 15.

гахъ; но они же, страждущіе, видятся и на иконахъ: только живопись гораздо впечатлительнѣе представляетъ подвиги этихъ блаженныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ, живые, принесены были въ жертву всесожженія послѣ того, какъ молитва, постъ и другіе подвиги украсили и освятили сѣи жертвы. Это кромѣ книгъ изображаютъ и иконы, располагая къ подражанію большее число зрителей въ сравненіи съ слушателями. Дѣва на рукахъ своихъ носить Творца, какъ младенца. Кто, видя очами это великое таинство, не изумился бы болѣе, чѣмъ тотъ, кто только слышалъ о немъ? И кто не сталъ бы воспѣвать неизрѣченное снисхожденіе, превышающее всякое ви-

Ἐι γὰρ καὶ δι' ἀλλήλων ἐκά-
τερον συνηγάγεται, ἀλλὰ πολὺ
προέχει, ἐπὶ τῶν ἔργων αὐτῶν
ἐπιδείκνυται, τῆς κατὰ τὴν ἀ-
κοὴν εἰσδυομένης μαθήσεως ἢ
διὰ τῆς ὄψεως ἐγγινομένη κα-
τάληψις. Ἐκλινέν τις τὸ οὖς
εἰς διήγημα, εἴλκυσε φαντα-
ζομένη τὸ ἀκουσθὲν ἢ διάνοια,
νηφούση μελέτη τὸ κριθὲν τῆ
μνήμῃ ἐναπέθετο. Οὐδὲν του-
των ἔλαττον, εἰ μὴ καὶ πολὺ
μᾶλλον κρατεῖ τὰ τῆς ὄψεως.
Καὶ γὰρ καὶ αὐτὴ γε δήπου τῆ
προχύσει καὶ ἀπορροῇ τῶν ὀπ-
τικῶν ἀκτίνων τὸ ὄρατὸν οἶονεἶ
πῶς ἐπαφομένη καὶ περιέπου-
σα, τὸ εἶδος τοῦ ὄραθέντος
τῷ ἡγεμονικῷ παραπέμπεται·
ἐκεῖθεν διαπορῶμευσθῆναι δίδου-
σα τῆ μνήμῃ πρὸς ἐπιστήμην
ἀπλανεστάτην συναΐροισαι.
Εἶδεν ὁ νοῦς, ἀντελάβετο, ἐφαν-
τάσθη τοὺς τύπους, ἀκόπως
ἐν τῆ μνήμῃ παρεπέμφατο.

тійство? — Конечно, и слухъ такъ же, какъ и зрѣніе, служить проводникомъ понятій; но пониманіе посредствомъ зрѣнія бываетъ гораздо живѣе того познанія, которое получается посредствомъ слуха, какъ это доказываетъ и опытъ. Склонилъ ли кто слухъ свой къ рѣчамъ: воображеніе его схватываетъ слышанное, а здравый смыслъ обсу-живаетъ и передаетъ памяти. Не менѣе се-го, ежели не сильнѣе, дѣйствуетъ и зрѣніе. Ибо и оно посредствомъ тока глазныхъ лучей какъ бы уловляя и схватывая видимый предметъ, представляетъ его уму, а онъ передаетъ памяти для приобщенія къ точнымъ свѣдѣніямъ. Увидѣлъ умъ, воспринялъ, вообразилъ впечатлѣнія, безъ труда передалъ ихъ памяти.

VI. Кто отвергаетъ ученіе о Господѣ, о Матери его и о святыхъ, и судить не лучше тѣхъ, которые гоняются за всякою ложью, тотъ послѣдова-

тельно отвергаетъ и почитаніе честныхъ иконъ. А кто чтитъ и восхваляетъ ихъ съ подобающимъ благоговѣніемъ, тотъ принимаетъ и это ученіе. Ибо неизбѣжно воздать честь иконѣ, коль скоро почитается изображенный на ней, или не признавать изображенныхъ, коль скоро попираются самыя иконы, развѣ кто отъ нечестія пересталъ бы и мыслить здраво, и оставаясь нечестивцемъ, противорѣчилъ бы самъ себѣ. Итакъ всѣ презрители святыхъ иконъ уличаются въ томъ, что они не хранятъ и правыхъ догматовъ, но проклиная одно, клянутъ и другое, только не имѣютъ смѣлости открыто проповѣдовать ученіе свое, остерегаясь не нечестивать, а казаться нечестивыми, и избѣгаютъ прозвища, за которымъ на самомъ дѣлѣ гоняются усердно, — отвратительные по пронырству, отвратительнѣйшіе по нечестію, у которыхъ всѣ вѣтви и всѣ корни испорчены наростами. Къ нимъ относятся слова боговдохновеннаго Давида: «память нечестивыхъ съ шумомъ гибнетъ». Ихъ справедливо осудилъ и наказалъ Тотъ, Котораго они уничтожили презрѣніемъ иконы Его. А съ нами навсегда осталась сія Дѣва, носящая въ объятіяхъ своихъ Творца, какъ младенца, сія ходатаица о нашемъ спасеніи, наставница въ благочестіи, радость очей, веселіе душъ, осталась не только въ книгахъ и умозрѣніи, но и въ живописи, съ помощію которой наша любовь къ божественному возносится къ умопредставляемой красотѣ истины. Но зачѣмъ я усиливаюсь говорить, когда пора уже молчать? ¹⁾.....

VII. О Женише, Слове и Мудрости (Соφία) Отца впостасная, которой тезоименитъ сей священный и честный храмъ, даруй намъ прощеніе за скудость слова, такъ какъ ты любишь взирать не на дѣло, а на намѣреніе, и съ нимъ соразмѣряешь даръ твой. Сподоби же и получившихъ отъ тебя царство на землѣ украшать прочія части сего храма святыми образами ²⁾. Аминь.

¹⁾ Далѣе въ подлинникѣ читается нѣсколько словъ; но я не списалъ ихъ. — ²⁾ Δίδου δὲ καὶ τοὺς διὰ σοῦ λαχόντας τὸ ἐπὶ γῆς βασιλεύειν καὶ τὰ ὑπόλοιπα τοῦ νεῶ τῶν ἱεροῦ μορφώμασι καθιερωσαί.

ЕГО ЖЕ БЕСѢДА,

ГОВОРЕННАЯ СЪ АМВОНА СВЯТОЙ СОФІИ, КОГДА ПРАВОСЛАВНЫМЪ И ВЕЛИКИМЪ ЦАРЯМЪ НАШИМЪ МИХАИЛУ И ВАСИЛІУ ВОЗДВИГНУТЬ БЫЛЪ СТОЛПЪ СЪ НАДИСБЮ ВЪ ПАМЯТЬ ТОРЖЕСТВА НАДЪ ВСѢМИ ЕРЕСЯМИ.

1. Ἦν ἄρα ἐκ πολλοῦ γεγενη-
ρακῶς ὁ χρόνος, καὶ νέαν οὐκ
ἔχων ὠδίνα, κατ' ἣν ἀκμάζων
ἐπαρῆσει σεμνήνεσθαι, μόναις δὲ
ταῖς παλαιαῖς ἐγκεκυφῶς ἐκεί-
ναις, καὶ λαμπρὸν οὐδέν οὐδὲ
γενναῖον εἰς τόκον ἔχων νεανιεύ-
σασθαι, τὰ αὐτὰ φέρων κύκλω
περιστροφόμενος, ἐκείνων μόνῃ
τῇ φορᾷ φιλοτιμούμενος, ὧν...
ἐμέτρει τὴν γένεσιν, καὶ ἅ τὴν
χάριν ἀντεῖν οὐκ ἐδίδου νεα-
ζουσαν. Νῦν δὲ δι' ἐνὸς ἀνδρὸς
εὐσεβῶν καὶ καινῶν καὶ γενναῖ-
ων ἔργων ἀπλητοῦ, καὶ νεαζού-
σαις ὠδίσι ἐγκαλλωπίζεται, καὶ
τὸ γῆρας σὺν αὐτοῖς ἐνείδεσι
ἀποδύεται· οἷα περ τόκον εὐγε-
νῆ τε καὶ κράτιστον, καὶ τῶν
ἄλλων καλῶν ἀντιοῦντα τὰς χά-
ριτας ὑπὸ φωτὶ τῆς ἀληθείας
πᾶσι εὐτηχῆσι ἐπιδείξασθαι.
Εἰ δὲ καὶ ρητόρων ἦνεγκε φο-
ρᾶν, μετρεῖν εἰδόντων τοῖς λό-
γοις τὰ πράγματα, καὶ τῷ με-
γέθει τῶν ἔργων συμπαρατεί-
νειν τῆς γλώσσης τὴν δύναμιν,

1. Заматорѣвшее время уже давно не му-
чилось новыми родами, какими величалось,
когда процвѣтало, и только лелѣяло преж-
нія порожденія свои, будучи не въ силахъ
помолодѣть и произвести что-либо славное
и богатырское, кругомъ вращая одно и то-
же, и хвалясь тѣмъ, что не разъ было пе-
ресчитано, и что потеряло свою цвѣтушую
юность и прелесть. Но теперь у него есть
мужъ, могучій производитель событій бого-
любозныхъ, новыхъ и великихъ; и вотъ
опять оно красуется родами, какъ молоди-
ца, и стряхнувъ заматорѣлость съ самыми
поношеніями ея, даетъ плодъ благородный,
царственный, вседобротный, котораго кра-
сота роскошно цвѣтетъ подъ освѣщеніемъ
Истины. Если бы приглашены были витіи,
умѣющіе соразмѣрять свои глаголы съ пред-
метами, и сильнымъ краснорѣчіемъ выра-
жать величіе событій; то пылъ и свѣжесть
настоящаго времени все таки остались бы
при немъ. Но теперь и безъ витій всѣмъ
современникамъ и очевидцамъ видно совер-
шенство его цвѣтушее и не имѣющее ни

εἰς ὀλόκληρον ἂν αὐτῷ τὰ τῆς ἀκμῆς καὶ τὰ τῆς ἀνανεώσεως ἐκρατύνετο. Νῦν δὲ οὐ βραχυτάτω μέρει ζημιούμενος, τοῖς μὲν παροῦσι καὶ τσαταῖς, καὶ μηδεὶς ἐφέστηκε τοῖς ὀρωμένοις ῥήτωρ, οὐδὲν ἤττον ταῖς γοναῖς ἐνακμάζων δεικνύει τὸ τέλειον· ὅσοι δὲ τοῦ βίου γενεαῖς ὑστέραις προκύψουσι, τούτοις δ' ἄρα τὴν ἐν τοῖς λόγοις μνήμην οὐκ ἔχων δωρήσασθαι, εἰς γῆρας πάλιν, οἶμαι, ἢ νόσον ἢ τὰ τοιαῦτα διαβληθήσεται. Πράξεων μὲν γὰρ μετριαζούση σεμνότητι λόγοι φιλοῦσι παρρησιάζεσθαι, δειλία δὲ καὶ συστολή καταδύονται, ὄγκον αὐτοῖς πραγμάτων ὀρώντες ἐπιφερόμενον καὶ κατορθωμάτων μεγέθη προκείμενα. Ἐντεῦθεν καὶ γὰρ σιγᾶν ἐβουλόμην, καὶ τῶν ὑπὲρ λόγον ἔργων τὸ μέγεθος τῆς ἀτομίας μὴ καθυβριῶσαι τοῦ λέγοντος, τὸν τοῦ ἠττηθῆναι φόβον πρὸ τοῦ παθεῖν τὴν ἤτταν αὐτῷ προβαλλόμενος εἰς ἀσφάλειαν. Ἄλλ' ἐπηδείπερ αὐταὶ παρεστήκασιν αἱ πράξεις, καὶ τὸ λαμπρὸν τῶν ἔργων κατ' ὀφθαλμοῦς ἔστηκεν ἀπάντων, οὐκ ἐν μεγάλῳ τὰ τῆς ζημίας οἶμαι πεσεῖσθαι τὸ ἔλαττον ἀποφερομένης τῆς διηγήσεως. Τὰ γὰρ ὀρώμενα τὸ λειπὸν ἀναπληρώσει, καὶ τὸ ἔνδεον τοῦ λόγου τὴν ὑπεροχὴν σαλπίζει τῆς πράξεως.

малѣйшаго недостатка: что же касается до поколѣній будущихъ, то, быть можетъ, оно не оставитъ имъ памяти въ рѣчахъ, и опять, думаю, заматорѣеть, или будетъ больное, или потерпитъ что нибудь подобное. Витѣйство любить выказываться тогда, когда дѣянiя были скромны и посредственны; но оно бываетъ боязливо и сдержано, когда совершены дѣла огромныя и явлены доблести великiя. Посему и я желалъ бы молчать, и не унижать неизреченнаго величiя дѣлъ слабымъ словомъ монмъ, страшась быть побѣжденнымъ прежде ратованiя, и этотъ страхъ почитая своею побѣдою, и тѣмъ успокоиваясь. Впрочемъ, когда присущи событiя, и всѣ сами понимаютъ благознаменитость дѣянiй, тогда, думаю, не великъ будетъ ущербъ, ежели слово окажется ниже своихъ предметовъ. Ибо видимое величiе ихъ восполнить недостатокъ его, а скудость слова огласить превосходство дѣла.

II. Славны подвиги царя нашего на браняхъ, его побѣды и трофеи, безъ которыхъ ни одинъ годъ не прошелъ послѣ того, какъ онъ присмотрѣлся къ своему царству. Но исчислять ихъ я не намѣренъ, и потому не говорю ни о разсудительности, ни о сильной волѣ его, кои многократно обнаруживалъ онъ во многихъ обстоятельствахъ, особенно въ дѣлахъ запутанныхъ. Не говорю ни о порабоженіи и перемѣщеніи городовъ непріятельскихъ, ни объ устройствѣ и населеніи городовъ у друзей (союзниковъ), ни о томъ, какъ онъ привѣтливъ ко всѣмъ, и со всякимъ говоритъ улыбаясь, и какъ вмѣсто тиранскаго страха во всѣхъ поселилъ свободную любовь и отнялъ угрюмость у каждого лица, поставляя любочестіе свое въ томъ, чтобы его называли лучше отцемъ отечества, нежели повелителемъ, — безъ подражанія древнимъ, Киру и Августу, изъ которыхъ первый начальствовалъ надъ Персами, а второй надъ Римлянами, и оба славились въ народѣ кротостію и человѣколюбіемъ, — не принимая титуловъ прежде совершенія дѣлъ, но украшаясь дѣяніями прежде проименованій, какъ это велитъ разумъ, заповѣдующій приличіе. Не упоминаю о томъ, что онъ болѣе другихъ сыпалъ золото щедрою рукою, и такимъ образомъ изгналъ бѣдность изъ государства, потому что Царьградъ, и по богатству царь, посредствомъ царственной десницы доставилъ довольство всѣмъ подданнымъ. Не придумываю и не хочу перечислять ничего подобнаго, хотя и есть очевидный свидѣтель всему, сама истина; ибо я не глашатай — какой, искусно занимающей слушателей отборными и веселыми рѣчами, смотря по предмету ихъ, — о чемъ и говорить нечего, — да и въ похвалахъ я не упражнялъ языка своего, и красными словами не возбуждалъ театральныхъ рукоплесканій, потому что и образъ жизни и санъ священный не позволяютъ мнѣ заниматься этимъ. Не говорю и о томъ, что священной заботливостію его о семь храмѣ и о священныхъ зданіяхъ совершенно неожиданное дѣло, и явлена красота неизгладимая. Ибо о нѣкоторыхъ доблестяхъ прилично говорить другимъ, а о нѣкоторыхъ пристойно говорить иначе, въ иной торжественный день. Но я, оставивъ все прочее, предложу слово лишь о томъ, въ чемъ выразилось чистое благочестіе и вмѣстѣ дивно-великая ревность.

III. Но откуда начну? Что первое скажу? Что изъ двухъ повѣдаю? —

радость ли Церкви и настоящее торжество надъ ересями, или твердость воли и подвиги Вѣры того, кто былъ виновникомъ сего торжества и воздвигнулъ блистательный памятникъ? То и другое представляется уму съ равнымъ правомъ на первенство, и понуждаетъ меня колебаться при выборѣ начала бесѣды. Какъ на хорошемъ многоцвѣтномъ лугу каждый прекрасный цвѣтокъ и плодъ, маня и привлекая къ себѣ зрителей, приводитъ ихъ въ недоумѣніе, — которому изъ нихъ надобно отдать преимущество: такъ и эти полезныя и прекрасныя явленія ¹⁾, оба равно осіявающія зрителей свѣтомъ благочестія, затрудняютъ мой выборъ между ними. Впрочемъ, поелику теперь, къ великой радости Церкви, преданы общественному позору богоненавистныя ереси, и сіяютъ подвиги Побѣдоносца; то отсюда начавъ свое слово, я съ пророкомъ возглаголю невѣстѣ Христовой, Церкви, обрадованія.

IV. «Вельми радуйся дщерь Сіона. Проповѣдуй дщерь Іерусалима. «Отъялъ Господь обиды твои, избавилъ тебя отъ руки враговъ твоихъ ²⁾». Ты видишь возлюбленнаго сына своего, котораго еще въ пеленахъ ты усыновила себѣ и воцарила, и вскормивъ благовѣріемъ и обративъ къ благочестію, возрастила въ настоящую мѣру возраста Христова. Ты видишь: какія новыя, хорошія и блестящія златицы съ большою лихвою далъ онъ тебѣ, какъ кормилицѣ, и сколькими и какими добычами наполнилъ сей храмъ священный и честный. Не Арія узника онъ привелъ къ тебѣ, не схваченнаго Македонія, не плѣнненнаго Несторія, и не чадь Діоскора, огрубившаго вселенную тмочисленными, странными, насажденіями, не такого, или такого врага Церкви и супостата, и не начальника одной, или многихъ ересей, но все полчища враждебныя съ ихъ вождями и ухищреніями и совѣтами представилъ тебѣ, какъ добычу, поразивъ ихъ однимъ ударомъ царственной десницы. Возведи окрестъ очи твои и посмотри на собранныхъ чадъ твоихъ, которыхъ разсѣяли по горамъ и стремнинамъ погибели Вакханки и г'Арпій ересей и расколовъ, унеши ихъ туда послѣ обаянія разными Кориванщинами. Веселись и радуйся всемъ сердцемъ твоимъ. —

¹⁾ То есть, радость Церкви, торжествующей надъ ересями и подвиги царя. — ²⁾ Софон. 3, 14. 15.

Ἰὸς πατρὶ κηρύσσεται ὁμο-
ούσιος. Τὸ πνεῦμα τοῦτοις εἰς
μίαν συναριθμεῖται θεότητα.
Ὁ Λόγος ἐκ παρθένου σάρκα
λαβὼν εἰς κοινὴν τοῦ γένους
σωτηρίαν καὶ ἀνάπλασιν, οὐ
μερίζεται τῆς ἀνθρωπότητος.
Αἱ φύσεις ἐπ' αὐτοῦ φυλάττε-
σι τὸ ἀσύγχυτον, καὶ τῇ οἱ
κεῖα φύσει συναναφαίνεται
ἐνεργούμενον. Πᾶσα πλάνη καὶ
λῆρος μακρὰν ἀπελήλαται, καὶ
ψυχῶν οὐδεὶς μετοικισμὸς ἀνα-
πλάττεται, οὐδὲ δαιμόνων ὄχ-
λος, ἧς ἐξελοκακοῦντες αὐτοὶ
κατέπεσον λήξεως, εἰς τάντην
ἀναπήδωσιν τοῖς μύθοις ὀχού-
μενοι οὐμενοῦν οὐδὲ Χριστὸς
αὐτὸς ἐν ἐυφημίας προσχήμα-
τι πικρῶς ὑβρίζεται χλευαζό-
μενος.

Сынъ проповѣдуется единосущный Отцу.
Духъ совчисляется съ ними въ едино бже-
ство. Слово пріявшее плоть отъ Дѣвы для
общаго спасенія и возсозданія чловѣческаго
рода, не отдѣляется отъ чловѣческаго су-
щества. Два естества въ немъ сохраняютъ
неслитность, и то и другое обнаруживается
свойственнымъ каждому дѣйствованіемъ. Вся-
кое заблужденіе и мечтаніе прогнано далеко.
Переселеніе душъ уже не проповѣдуется.
Басни не помогаютъ бѣсамъ вспрыгнуть на
ту высоту, съ которой упали они по злой
волѣ своей. И самъ Христосъ уже не осмѣи-
вается и не порицается жестоко поддѣльны-
ми хвалами. То былъ новый и странный спо-
собъ униженія, выдуманный лукавымъ: —
злиться на икону, а изображеннаго на ней
дивословить ¹⁾, ее разбивать, а его почитать,
и бѣситься бѣшенствомъ двойнымъ. Итакъ

ни одно нечестивое ученіе уже не появится дерзновенно. Ибо побѣдоносный
Перворатоборець нашъ письменнымъ Вѣроисповѣданіемъ своимъ, какъ бо-
гокованнымъ копьемъ, пронзилъ самую внутренности ересей; и теперь вся-
кое лжеученіе повержено въ прахъ, лишено послѣднихъ надеждъ своихъ,
и даже во снѣ не видитъ возрожденія своего. Изъ всѣхъ памятниковъ, какіе
насчитывало продолжительное время, и какіе воздвигнуты были чистыми
руками благочестивыхъ царей, нынѣшній памятникъ есть самый блиста-
тельный и самый высокій. Ибо что другіе едва одолѣвали отчасти и только
на свое время, то все вмѣстѣ однимъ ударомъ сразилъ нашъ вѣрный и ве-
ликій царь, не смотря на то, что оно было грозно. Эта побѣда его, доказы-
вающая меткость соображеній, совѣтовъ и исполненій, во всякомъ, кто
воинствуетъ во имя Божіе, эта побѣда всю вселенную, какую только увѣн-
чиваетъ законъ христіанскій, освобождаетъ отъ раздраженія, предупреж-

¹⁾ Τερατολογεῖν· прославлять странными, словами неправославно.

даеть многія бѣдствія, и всѣмъ струить обильные потоки радости и веселія. Ибо вездѣ видится одно согласіе, одно исповѣданіе вѣры, и одна каѳолическая Церковь, распространяющаяся во всѣ концы земли.

V. Горы да каплють сладость и холмы веселіе! Ибо человѣколюбивыи очами призрѣлъ Господь на народъ свой и на достойніе свое, воздвигнувъ и возвысивъ Василія, дѣйствительную силу Державы, Василія возлюбленнаго сына своего; да и онъ, — съ восторгомъ говорю, — все то, чему надлежало быть по волѣ Отца небеснаго, понялъ и принялъ, какъ свой жребій. Соборы, которые въ свое время очищали вселенную отъ плевелъ, сзывала благодать всесвятаго Духа: но и они пользовались прежними преданіями и ученіями. Первый изъ нихъ подражалъ дѣяніямъ многихъ предшествовавшихъ Соборовъ; Второй въ первомъ видѣлъ образецъ себѣ и уставъ; Третьему примѣромъ служилъ второй вмѣстѣ съ первымъ; Четвертый богатъ былъ опытами третьяго; а остальные учились у всѣхъ прочихъ. Ты же, защитникъ благочестія, чей примѣръ имѣлъ въ виду, когда совершалъ это новое, священное дѣло? какого нашель ты учителя? къ какому обращался наставнику? какимъ руководился вождемъ? Явно, что тайнымъ наставникомъ твоимъ въ совершеніи сей службы былъ общій всѣмъ владыка и создатель, который въ священномъ евангеліи велегласно сказалъ: «всякаго, кто исповѣдаетъ меня предъ человѣками, и я исповѣдую предъ Отцемъ моимъ небеснымъ». Да! не при однихъ людяхъ, и не при однихъ ангелахъ, но и при возрѣніи самого Богочеловѣка, присутствоваващаго при настоящей побѣдѣ, воздвигнуть памятникъ торжества надъ всѣми ересями свободною волею и рукою съ искреннею надписью на немъ, и исповѣдана, утвержденная не какъ прежде, тайна благочестія. Да и совѣтникомъ тебѣ

καὶ δὴ καὶ σύμβουλος ἐκεί-
νος ἦν σοι, ὁ τῶν οὐρανίων κλει-
δοῦχος πυλῶν καὶ τῆς πίστεως
πέτρα καὶ ἱεμελίον ὑπὸ τῆς
Ἀληθείας ἀναβήτης, Πέτρος
ἐκεῖνος ὁ κορυφαῖος τῶν μαθη-
τῶν, ὡς πῶς τῆς σῆς καρδίας

былъ тотъ, кого сама Истина назвала ключаремъ небесныхъ вратъ, и камнемъ и основаніемъ Вѣры, Петръ верховный ученикъ ея. Онъ внушилъ сердцу твоему, «быть готовымъ дать отвѣтъ всякому, требующему отчета въ чистотѣ неподдѣльности вѣры твоей»¹⁾.

¹⁾ 1 Петр. 3, 15.

ἐνηχῶν τοῖς ὡσὶν· ἔτοιμον εἶναι πρὸς ἀπολογίαὺν ἱερολογεῖν παντὶ τῷ αἰτοῦντι λόγον περὶ τῆς ἐν σοὶ καθαρωτάτης καὶ ἀκιβδήλου πίστεως. Ἐλαβες τὴν συμβουλὴν ἐν ψυχῇ ὠδινήσας τὴν μελέτην· οὐκ ἀνέμεινας τὸν ἐπερωτῶντα, ἀλλ' ἅμα τελεσφορησθεῖσαν ἔγνωσ, καὶ εἰς φῶς προήγαγες τὴν ἐργασίαν αὐτήν, τὴν ὡς ἀληθῶς θεοφιλή, ἄξιον τῶν σπερμάτων πᾶσι ἐπιδειξας τὸν καρπὸν, πίστιν κηρύσσων καὶ γράφων ἑρῶς, καὶ τὰς αἰρέσεις πᾶσας εἰς ἄδου πέταυρον κατασπῶν. Τοῦτο τῶν, ὅποσα γῆς καὶ θαλάσσης εἰς ἡμέρον διαμονὴν καὶ βίον ἀκύμονα βασιλικαὶ φροντίδες τῇ πολιτείᾳ χρηματίζουσι, ὅσω ψυχῇ σώματος, καὶ σελήνης ἥλιος, καὶ τῶν κατὰ τὴν αἴσθησιν ἀντιλήψεων ἢ κατὰ νοῦν θεωρία προανέστηκεν, ἐπὶ τοσοῦτω μέτρῳ τούτων ἀπάντων φέρει τὰ νικητήρια. Οὕτω λαμπροτάταις καὶ καινοπρεπέσι τῆς εὐσεβείας ἐπιβολαῖς εἰς ὁμοίαν πράξεις τὸ βούλημα ἤνεγκας· καὶ γλώσσα νῦν πᾶσα μελέτην ἔχει τὰ σὰ διηγήματα.

А ты принялъ совѣтъ его всею душою и все́мъ разумѣніемъ, не потерпѣлъ ничьихъ возраженій, но какъ только дозналъ успѣшность предпріятія, тотчасъ осуществилъ оное, какъ истинно-боголюбезное, все́мъ показавъ достойный плодъ сѣмянъ, написавъ и провозгласивъ правое Вѣроисповѣданіе, и все́ ереси шугнувъ на насѣть ада. Это дѣяніе твое настолько превосходитъ все́ прочія царскія заботы, конъ съ суши и моря доставляютъ гражданамъ все́ удобства безмятежной жизни, насколько душа превосходитъ тѣло, солнце луну, умозрѣніе чувствѣнныхъ понятій. Такимъ образомъ воля твоя, просвѣщенная яркимъ и новоблаготѣпнымъ свѣтомъ благочестія, перешла въ дѣло; и теперь всякому языку есть что говорить о твоей доблести. Тотъ великій Моисей, тотъ рабъ Божій, который многими язвами поразилъ Египеть, превращая все́ стихіи въ бичи, который пѣшествовалъ по морю, и молитвою и словомъ пахалъ облака, какъ поля, и оттуда подавалъ обильную пищу бѣдствующимъ въ пустынѣ, этотъ Моисей, видя народъ свой, который онъ воспитывалъ какъ дитя, и въ пользу котораго все дѣлалъ, видя, какъ онъ впалъ въ идолопоклонство, не перенесъ кротко этого случая, но тотчасъ возсталъ, и желая остановить потокъ зла, обагрилъ

мечъ свой кровію не малою части народа, и уменьшивъ число его, спасъ остальныхъ отъ заблужденія; и было совершено имъ спасеніе остатка обреченіемъ одноплеменниковъ на смерть: закланіе же ихъ произвело переворотъ. Но ученикъ Христовъ, не погубленіемъ одноплеменниковъ, и не ка-

кую нибудь часть ихъ избавилъ отъ пагубы, а употребленіемъ самаго нечестія всецѣло спасъ всѣхъ подданныхъ: нечестію нанесъ онъ пораженіе перомъ, а подданныхъ сдѣлалъ незаразимыми. — Тотъ Финеесъ, который умертвилъ Израильянина вмѣстѣ съ Мадіамлянкою, остановилъ язву, истреблявшую весь народъ: но и онъ не былъ чистъ отъ единоплеменной крови, и ежели спасъ тѣхъ, за которыхъ поборалъ, то спасъ отъ погибели тѣлесной. А нашъ Финеесъ, не попустивъ злу утвердиться, не обагривъ рукъ въ одноплеменной крови, мужественно истребилъ заразу не тѣль, а душъ, и царски избавилъ весь людъ отъ всякаго заблужденія и погибели.— Давидъ, какъ царь, лучше идетъ въ примѣръ. Онъ убіеніемъ одного иноплеменника спасъ весь единоплеменный народъ свой отъ плѣна, ранъ и меча враговъ: но и здѣсь видна помощь тѣлу; притомъ онъ, убивъ одного и оставивъ многихъ иноплеменниковъ, у которыхъ была непримиримая вражда съ Израилемъ, навелъ тѣнь на блестящую побѣду свою, предоставивъ врагамъ надежду выиграть когда нибудь сраженіе: отъ того и побѣдоносное воинство не столько радовалось послѣдствіямъ побѣды его, сколько боялось и трепетало за будущность. А нашъ царь не противъ одной странной ереси взялъ въ десницу крестный мечъ, и не малую доставилъ радость о побѣдѣ, не оставивъ врагамъ и тѣни надежды вновь начать борьбу, но сразивъ всѣ полчища ихъ, какъ мужественный воинъ, даровалъ всей полнотѣ Церкви глубокой и нерушимый миръ, а всему царству единомудріе и единомысліе.

VI. Счастливъ Царь градъ, воздвигшій принопамятный всѣмъ поколѣніямъ столпъ въ память православія благочестивѣйшихъ и побѣдоносныхъ парей нашихъ, Михаила и Василія! Блаженны и треблаженны и вы,

Ἐυδαίμονες δὲ ἄρα καὶ τρισμάχαρες καὶ ὑμεῖς, ὁ τῶν Πατρικίων χορὸς, ἡ τιμία πολιὰ καὶ αἰδέσιμος, σὺν τηλικούτοις στρατηγοῖς καὶ ταξιάρχοις, καὶ κατὰ τηλικούτων καὶ τοσοῦτων αἰρέσεων συνεστρατηγηκότες καὶ συνταξιαρχῆσαι λογάδες γινόμενοι, καὶ τοὺς ἱεροὺς τοῦτους

Патриція, украшенные почтенными и достоуважаемыми сѣдинами, и вы полководцы и военачальники, вмѣстѣ ополчавшіеся и ратовавшіе противъ такихъ и столькихъ ересей, и совершившіе священные и богоугодные подвиги! А вы, священный ликъ іереевъ и архіереевъ, почто такъ, молча, стали (здѣсь), и какъ бы перелитые чрезвы-

καὶ θεοὶς ἄλλοις συνδιενέγκαντες! Ὑμεῖς δὲ, ὧ ἱερέων καὶ ἀρχιερέων ἱερόν ἄχροισμα, τί οὕτω σιγῶντες ἐστήκατε, καὶ ὡσπερ ὑπὸ τῆς ἀγαν ἠδονῆς καὶ χαρᾶς διαχυθέντες, τοῖς ἐκπεπληγμένοις καὶ ἐξεστηκόσι εἰσέκατε, πρὸς οὐδὲν ἕτερον, ἀλλ' ἢ πρὸς αὐτὴν τῶν ἔργων φαιδρότητα ὄμμα τε καὶ αὐτὴν ἐναπερείσαντες τὴν διάνοιαν. Ἐν ἰσῶ μὲν γὰρ πέφυκε λύπης μέγεθος καὶ χαρᾶς, καὶ ἐκ διαμέτρου ἐστήκασι, οἷς ἂν ἐπιστῶσι τὴν αὐτὴν διάθεσιν ἀπεργάζεσθαι. Ἀλλὰ ρηξάτε φωνὴν ἀξίαν τῆς πανηγύρεως, καὶ τὸν δεσπᾶτορα Δαβὶδ τοῦ ἡμετέρου χοροῦ προστησάμενοι, τορόν τι καὶ διαπρύσιον ἐκβοήσατε. «Ἐντεινε καὶ κατευοδοῦ καὶ βασίλευε δυὰς ἀξιέραστε, ἐν ἣ τῆς Τριάδος ἡ χάρις ἐγκατοιμίζεται, ἐντεινε καὶ κατευοδοῦ καὶ βασίλευε ἕνεκεν ἀληθείας καὶ πραΐτητος καὶ δικαιοσύνης». Ἀμήν.

чайною радостію и усладою, уподобились пораженнымъ и изумленнымъ, вперивъ взоры и мысли ваши въ самый блескъ дѣяній? Вѣдь тѣ, которые умѣютъ владѣть собою, умѣютъ и уравновѣситъ великую печаль и великую радость, хотя оба эти чувства совершенно противоположны. Проговорите же достойно торжества и съ Богоотцемъ Давидомъ, какъ съ предстоятелемъ нашего лика, скажите слово громовое и молніеносное: «напрягись и успѣвай и царствуй достолюбимая двоица царей, въ которой обитаетъ благодать Троицы, напрягись и успѣвай, и царствуй ради истины кротко и правосудно». (Псал. 44, 5.) Аминь.

РАЗСУЖДЕНИЕ

0

ЧЕТЫРЕХЪ БЕСѢДАХЪ ФОТІЯ,

СВЯТѢЙШАГО АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО.

7

Фотій, сынъ патриція Сергія и супруги его Ирины, родственникъ царицы Теодоры, матери Михаила III, исповѣдникъ Православія, ученѣйшій мужъ своего времени, которому Богъ далъ самый свѣтлый умъ, богатый, знаменитый, неженатый, набожный и благонравный, въ домѣ любитель наукъ и преподаватель ихъ роднымъ и чужимъ, и душа собиравшагося у него отборнаго общества, въ государствѣ сперва посланникъ къ Багдатскому Халифу Мотазэму, потомъ первый меченосецъ и государственный секретарь при царѣ Теофилѣ (до 840 года), а по смерти его, во время малолѣтства наследника престола Михаила III, предсѣдатель государственнаго Совѣта, Фотій, которому свыше суждено было совершить дѣла міровья въ санѣ духовномъ и не знать покоя до конца продолжительной жизни, избранъ былъ волею государя, сената и духовенства, на патриаршество въ Константинополь, и возведенъ на кафедру вселенскихъ учителей, Григорія Богослова и Иоанна Златоустаго, въ 857 году отъ рождества Христова, и святительствовалъ до 869 года. Въ теченіи сего времени онъ, какъ ревностный пастырь Церкви, содѣйствовалъ двумъ Государямъ, Михаилу и Василию, въ возстановленіи иконопочитанія, пріостановленнаго многочисленными иконоборцами потаенными, и въ возсоединеніи всѣхъ въ государствѣ еретиковъ съ православно-каѳолическою Церковію, и въ храмѣ св. Софіи часто говорилъ бесѣды христоименитому народу, иногда въ присутствіи царей.

Изъ числа бесѣдъ сего краснорѣчиваго витія уцѣлѣли только шестнадцать, да и тѣ извѣстны однимъ ученымъ мужамъ лишь по оглавленіямъ ихъ, потому что онѣ никогда не были напечатаны всѣ сполна, кромѣ двухъ помѣщенныхъ въ новѣйшемъ изданіи всѣхъ твореній Фотія, которое сдѣлалъ аббатъ Минь¹⁾ и потому что никто не переводилъ ихъ ни на какой языкъ. Я нашелъ ихъ въ богатой рукописями библіотекѣ Авоноверскаго монастыря, и весьма обрадовался этой находкѣ. Это было въ 28 день декабря мѣсяца 1858 года. Тамъ онѣ помѣщены въ особой книгѣ, написанной на бумагѣ, въ листъ, 26-го іюля мѣсяца 1628 года въ день субботній: а книга эта, принадлежавшая Константинопольскому патриарху Діонисію, содержитъ два посланія Фотія къ Римскому папѣ Ни-

1) Одна бесѣда въ день рождества пресв. Богородицы, а другая при освященіи дворцовой церкви. *Patrolog. curs. complet.* Т. СII. 1860.

колаю и одно посланіе къ Антиохійской церкви, семнадцать правилъ святаго и великаго Собора, бывшаго при Фотіѣ въ храмѣ святыхъ апостоловъ, шестнадцать бесѣдъ сего патріарха, и его же 275 писемъ къ разнымъ лицамъ, сочиненіе подъ названіемъ Амфилохіа, и два разсужденія о тѣлѣ и душѣ. Бесѣды Фотія заняли все вниманіе мое, какъ невѣдомыя рѣдкости. Съ жадностію я прочелъ двѣ первыя изъ нихъ, а когда на третьей и четвертой увидѣлъ надписи, — первая бесѣда по случаю нашествія Россовъ, вторая бесѣда по тому же случаю; тогда пришелъ въ такой восторгъ, что все существо мое взпырало отъ радости. И было чему радоваться! Вѣдь мнѣ, искавшему многоцѣнныхъ перловъ на Востока, попались два брилліанта, о которыхъ рѣдко кто зналъ, а многіе, весьма многіе и не слышали, и которые я желалъ найти, и желалъ такъ, что послѣ открытія ихъ не захотѣлъ бы и слыть болѣе счастливою случайностію. Обѣ эти бесѣды тотчасъ были переписаны мною съ точностію, а находившійся при мнѣ живописецъ отподобилъ почеркъ ихъ на прозрачной бумагѣ. По окончаніи этой пріятнѣйшей работы, я прочелъ остальные бесѣды сладчайшаго мнѣ Фотія, и изъ нихъ выбралъ и переписалъ еще двѣ, о почитаніи иконъ, и объ искорененіи всѣхъ ересей въ Византійскомъ царствѣ. Эти четыре бесѣды весьма важны во многихъ отношеніяхъ. Говорю о нихъ, что нужно.

Первая и вторая бесѣда Фотія по случаю нашествія Россовъ суть первыя страницы нашей исторіи, первыя краткія сказанія о вѣрѣ и народности отдаленнѣйшихъ предковъ нашихъ, о военной силѣ ихъ на сушѣ и на морѣ, о замыслахъ, отвагѣ, славѣ и о сношеніяхъ съ Царьградомъ, сказанія современника, который видѣлъ Россовъ въ лицѣ, слышалъ ихъ бранные крики, оправдывалъ ихъ нашествіе, оплакивалъ гибель Царьграда отъ ихъ кровавой мести, и былъ свидѣтелемъ ихъ отступленія послѣ чуда отъ ризы Богоматери. Фотій говорилъ о нихъ въ храмѣ святой Софіи предъ лицемъ Бога, карающаго и милующаго народы, говорилъ справедливо, не щадя своихъ, рыдая и молясь. По сему надобно вѣрить словамъ его, какъ самой истинѣ. А подробности сказанія его о благословной причинѣ нашествія Россовъ, о самомъ походѣ и страшной мести ихъ, эти подробности, которыхъ мы не знали до сей поры, должны быть внесены въ исторію Россійскаго государства и въ учебники, дабы ихъ зналъ каждый изъ насъ, и ублажалъ бы память Фотія, этого витія и святилея, который, первый, сказалъ о Россахъ слово справедливое, сильное, огненное, первый, чудомъ доказалъ имъ, какъ всемогущъ тотъ Богъ живый, которому поклоняются христіане, и, первый, крестилъ ихъ во имя св. Троицы посредствомъ посланнаго къ нимъ епископа¹⁾). Перечисляю

1) Фотій въ своемъ окружномъ посланіи къ восточнымъ Церквамъ писалъ о Россахъ: «теперь и сами они перемѣнили нечестивое языческое суевѣріе на чистую христіанскую вѣру, и принявъ епископа и учителя ведутъ себя, какъ послушные сыны и друзья.»

всѣ эти подробности, не вдаваясь въ ученія изслѣдованія о Россахъ, и съ точностію повторяю только то, что говорилъ самъ Фотій.

1. Онъ, въ первой бесѣдѣ своей, разорителей Константинополя назвалъ Скивами, но подъ ними разумѣлъ Россовъ, обитавшихъ въ отдаленнѣйшей странѣ сѣверной. Это доказывается, вопервыхъ, надписями на обѣихъ бесѣдахъ его, въ которыхъ (надписяхъ) читается названіе ΡΩС, и которыя съ этимъ же названіемъ напечатаны и аббатомъ Минемъ въ его изданіи всѣхъ твореній Фотія, во вторыхъ, такими выраженіями его, кои невольно заставляютъ читателя помѣщать современныхъ ему Россовъ въ древнихъ предѣлахъ нашего отечества, отъ Кіева и Львова до Новгорода. Сопоставляю эти выраженія. — Въ самомъ началѣ первой бесѣды народъ, подступившій къ Константинополю, названъ *вышествовернымъ, ὑπερβόριος*, то есть, такимъ, который жилъ на самомъ далекомъ отъ Царьграда сѣверѣ. Въ концѣ перваго отдѣленія этой же бесѣды о немъ сказано: «народъ сей двинулся съ сѣвера . . . устремился съ конца земли. . . ἐξεῖρψεν ἀπὸ βορρᾶς, ἐξηγέρθη ἀπ' ἐσχάτου τῆς γῆς. Хотя слова эти заимствованы Фотіемъ изъ пророчества Іереміи, разумѣвшаго Халдеевъ, но заимствованы потому, что онѣ, какъ нельзя лучше, обозначали ему ту сѣверную, землеконечную страну, изъ которой пришла рать губить Константинополь. Эта страна, по указанію сего витія, *отдѣлена была отъ Византійскаго царства нѣсколькими областями и народоначальствами, судоходными рѣками и пристанищными морями: χώραις πόσαισι, ἐξναρχαῖσι τε καὶ ποταμοῖς ναυσιπόροις καὶ λιμενήροις πελάγεσιν τῶν ἐπελασάντων διειργόμενα*¹⁾. Явно, что Фотій помѣщалъ ее выше морей Чернаго и Азовскаго, выше рѣкъ, Дона, Дуная, Днѣстра и Днѣпра, на которыхъ судоходство было извѣстно ему, и выше нѣсколькихъ прилежащихъ къ нимъ областей, тогда разноплеменныхъ и независимыхъ одна отъ другой. Во второй бесѣдѣ этотъ витія, описывая народъ, высланный рать свою въ Константинополь, выразился, что онъ живетъ *идь то вдали, ἔξωτος πόρρω που τῆς ἡμῶν ἀπωχισμένον*²⁾. Это неопредѣленное выраженіе доказываетъ, что мѣстопробываніе сего народа было такъ далеко и такъ мало извѣдано, что самъ Фотій не зналъ, какъ опредѣлить его, вѣдая только то, что оно гораздо выше двухъ морей, нѣсколькихъ рѣкъ и странъ дальносѣверныхъ. — И такъ въ самыхъ бесѣдахъ его заключаются неоспоримыя доказательства того, что Константинополь въ дни сего патріарха былъ осажденъ Россами, и что этотъ народъ, высланный туда рать свою, какъ увидимъ, на военныхъ корабляхъ по Черному морю, жилъ въ самыхъ отдаленныхъ предѣлахъ сѣвера, на концѣ земли, по мнѣ, въ Кіевѣ, Львовѣ и Новгородѣ.

2. Изъ первой бесѣды Фотія видно, что Россы извѣстны были въ Константинополѣ до нашествія ихъ туда. Нѣкоторые изъ нихъ тамъ жили по торговымъ дѣламъ своимъ, держали молотильщиковъ, или провѣвальщиковъ хлѣбнаго зерна, и частнымъ лицамъ, а вѣроятноиже правительству, должны были что-то малое, ничтожное³⁾. Горькіе упреки Фотія, — «почему

1) Смотри IV отдѣл. 1-й бесѣды.

2) Смотри III отдѣл.

3) Смотри отдѣл. I.

ты острое копье друзей твоихъ презиралъ, какъ бы малокрѣпкое, а на естественное средство плевалъ, и вспомогательные союзы расторгалъ»¹⁾, — эти упреки намекаютъ даже на политическія и дружескія сношенія Византійскихъ Грековъ съ Россами ранѣе осады Константинополя, и на ихъ обоюдные браки, но, кажется, безъ вѣнчанія Гречанокъ, вступавшихъ въ Росскія семейства по закону естественному, вѣроятно, подъ условіемъ неприкосновенности христіанской вѣры ихъ. Ужели эти упреки, въ связи съ предъидущими и послѣдующими обличеніями Византійцевъ въ безнравственности, надобно понимать въ иносказательномъ смыслѣ, и разумѣть на примѣръ, что Цареградцы преданность друзей презирали, на родство плевали, помощь (чью?) отвергали, или никому не помогали? Я не вижу тутъ никакого иносказанія. Фотій говорилъ прямо, что *союзы помощи были расторгаемы* Византійцами, а не отвергаемы, и что у союзниковъ, друзей и родственниковъ по естеству, было острое копье, которое считалось малокрѣпкимъ, хотя оно очень крѣпко, какъ это доказалъ опытъ. Такія выраженія внушаютъ ту самую мысль, которую высказалъ я выше. А если онѣ излились вмѣстѣ съ укоризнами въ безнравственности, то излились весьма кстати, потому что нѣтъ ничего безнравственнѣе, какъ политическое презрѣніе сильнаго къ слабому и вѣроломство. Притомъ не забудемъ, что Фотій, говоря первую бесѣду безъ приготовленія, волновался сильнымъ негодованіемъ на несправедливые и жестокіе поступки Византійцевъ съ Россами, и потому выражалъ это негодованіе всякій разъ, какъ только припоминалъ эти поступки.

3. Читая обѣ бесѣды его внимательно и разсудительно, понимаешь, что Россы не съ неба упали тогда, когда увидѣлъ ихъ Константинополь, а пришли изъ дальнѣйшей страны, гдѣ жили давно, какъ народъ, имѣвшій свое начальство, войско, корабли, и знакомый Византійскимъ Грекамъ. Фотій хорошо зналъ ихъ до нашествія. Это видно изъ того подробнаго и вѣрнаго описанія ихъ которое содержится въ третьемъ отдѣленіи второй бесѣды его. Разсмотримъ тутъ каждое выраженіе.

Ἔθνος ἀφανές, ἔθνος ἀναρίστμον, ἔθνος ἐν ἀνδραπόδοις ταπτόμενον, ἄγνωστον²⁾ μὲν, ἀλλ' ἀπὸ τῆς κατ' ἡμᾶς στρατείας ὄνομα λαβὼν, καὶ ἄσημον μὲν, ἀλλ' ἐπίσημον γεγονὸς, ταπεινὸν καὶ ἠπορημένον ἀλλ' εἰς ὕψωμα λαμπρὸν καὶ πλοῦτον ἀπλητον ἀναβεβηκὸς, ἔθνος . . . βαρβαρικὸν, νομαδικὸν, τὸ θράσος ἔχον εἰς ὅπλα, ἀφύλακτον, ἀνεξέλεγκτον . . . ἐξεχύθη τοῖς ὄροις ἡμῶν

Народъ ничѣмъ не заявившій себя, народъ непочетный, народъ считаемый наравнѣ съ рабами, не именитый, но пріобрѣтшій себѣ славу со времени похода къ намъ, не значительный, но получившій значеніе, смиренный и бѣдный, но достигшій высоты блистательной и нажившій богатство несметное, народъ варварскій, кочевый, гордящійся оружіемъ, не имѣющій стражи, неукоризненный, нахлынуль на предѣлы наши.

— Къ Константинополю подступилъ народъ *ничѣмъ не заявившій себя*, ни науками, ни

1) . . . καὶ φίλων μὲν σπορῶν μικροῦ παρέβλεπες λήματος, συγγενείας δὲ φύσιν διέπτυσες, καὶ δεσμούς βοηθείας ἐββήγγυες; — Отдѣл. II въ 1 бесѣдѣ.

2) ἄγνωστος, sans nom, sans gloire. — Dictionnaire Grec-Français par Planche. Paris. 1824.

искусствами, ни изобрѣтеніями. Такъ точно. Однако онъ существовалъ, и Греки знали, что онъ ничѣмъ не отличился;

— подступилъ *народъ непочетный*. Такъ точно. Онъ не имѣлъ того политическаго почета, какой тогда имѣли Латины, Персы, Аравитяне, сами Греки, однако существовалъ и слылъ непочетнымъ.

— подступилъ *народъ считаеый наравнѣ съ рабами*. Итакъ Византійскимъ Грекамъ и Фотію извѣстно было даже рабство тѣхъ племенъ, надъ которыми господствовали Россы, эти отважные Япетиты, свыше предназначенные къ дѣламъ міровымъ, и изъ которыхъ они набрали себѣ земское войско ¹⁾.

— Къ Константинополю пришелъ *народъ неименитый, но пріобрѣлъ себѣ славу со времени похода туда*. Громко же оповѣстили себя Европѣ Россы, *которыхъ презирала блестящая по виду и необоримая по силѣ Византія, и которыхъ прежде усмирляла самая молва о ней*²⁾.

— Византію осадилъ *народъ незначительный*, но съ той поры *получилъ значеніе*, то есть, увеличилъ свой политическій вѣсъ;

— осадилъ *народъ смиренный и бѣдный, но тутъ же достигъ высоты блистательной, и нажилъ богатство несметное*. И было гдѣ нажится! Было надъ кѣмъ возвыситься! Въ предмѣстіяхъ Царьграда, расположенныхъ вдоль всего Босфора по обѣ стороны этого очаровательнаго пролива, куда на лѣто уѣзжали богачи, и гдѣ было много церквей и монастырей, Россамъ досталось величайшее богатство, которое, какъ видно изъ словъ Фотія, они увезли съ собою, дорожа имъ болѣе, чѣмъ тою славою, которая въ этотъ разъ превознесла ихъ выше именитыхъ Грековъ.

— Этихъ Россовъ Фотій огласилъ народомъ *варварскимъ*, какъ Еллинъ, называвшій варваромъ всякаго чужестранца, говорившаго непонятнымъ ему языкомъ;

— огласилъ народомъ *кочевымъ*, какъ риторъ, которому по правиламъ риторики иногда позволительно ставить на видъ часть цѣлаго, какъ бы она была все цѣлое. Видно, онъ зналъ, что въ его время нѣкоторые кочевья племена повиновались Россамъ, которые имѣли свои торговые дома въ Константинополѣ, и свои военные корабли, слѣдовательно были люди не кочующіе. Это свѣдѣніе очень важно для насъ. Принявъ его отъ такого писателя, каковъ Фотій, который въ своемъ посланіи къ восточнымъ епископамъ (866 год.) назвалъ Россовъ побѣдителями сосѣднихъ народовъ, мы должны крѣпко подумать, во первыхъ, о занятіи Кіева Оскольдомъ, Кіева, который, переставъ тогда платить дань Хазарамъ, могъ удержать за собою нѣсколько вежъ ихъ въ нынѣшнихъ областяхъ, Кіевской и Черниговской³⁾, во вторыхъ, о тѣхъ воинственныхъ Куманыхъ, которые кочевали въ Эксепонтѣ (нынѣшней Бессарабіи и Молдавіи), но были подвластны Россамъ, даже назывались Куманы-Росъ, подчинялись Кіевскимъ наместникамъ и воеводамъ Рюрика, Аскольду и Диру, какъ своимъ

1) Отдѣл. V перв. бесѣды. «О градъ, царь едва не всей вселенной! Какое воинство ругается надъ тобою, какъ надъ рабою! не обученное и набранное изъ рабовъ.»

2) Смотр. II отдѣл. 2-й бесѣды.

3) Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго положительно сказалъ, что Русскіе князи брали дань съ Хазаровъ. — Издан. К. Оболен. Москва 1851, стран. 5.

князьямъ, и съ ними намѣревались идти къ Царьграду даже при Василии Македонскомъ; «но, какъ говоритъ лѣтописецъ, *возбрани имъ Божій промыслъ*. По мнѣ, эти кочевые Хазары и Куманы находились въ составѣ того войска, котое при Фотіи осаждало Константинополь, находились, какъ подданные Россовъ; и потому патріархъ этотъ, говоря о семъ послѣднемъ народѣ, упомянулъ о подвѣдомыхъ ему кочевьяхъ.

— Остальныя черты Росской народности, схваченныя и нарисованныя Фотіемъ съ точною вѣрностію, доказываютъ, что онъ имѣлъ подробныя понятія о Росссахъ до нашествія ихъ. По описанію его, этотъ народъ *гордился своимъ оружіемъ*, своимъ острымъ копьемъ, которое Византійцы напрасно считали малокрѣпкимъ, своими мечами, которыми онъ потрясалъ и грозилъ, плывя на корабляхъ вдоль Византійскаго Босфора ¹⁾, своими стрѣлами, кои онъ несъ съ конца земли ²⁾. Но этотъ же народъ, грозный и немилующій враговъ своихъ, котораго голось подобился шуму моря ³⁾, у себя, дома, по увѣренію Фотія, *не имѣлъ стражи*. Никто тамъ не стерегъ его. Стало бытъ, онъ извѣстенъ былъ въ Византіи, какъ народъ смиренный и покорный властямъ своимъ. И это — суцая правда. Намъ извѣстно, что уже послѣ Фотія Олегъ началъ строить города по всей Руси, и ставить въ нихъ военную стражу. Но вотъ послѣдняя черта, которою Фотій придалъ тогдашнимъ Росссамъ благообразіе завидное и теперь. Это былъ *народъ неукоризненный*. Теперь припомнимъ тѣхъ подвластныхъ Россамъ Славянъ, которые были кротки и тихи обычаемъ, и у которыхъ жены были стыдливы, бракъ почитаемъ былъ священнымъ, миръ и цѣломудріе господствовали въ семействахъ ⁴⁾; припомнимъ это, и вслушавшись въ похвалу Фотія современному съ нимъ Россо-Славянскому народу, имѣвшему тогда неправильное понятіе о Божествѣ ⁵⁾, спросимъ себя самихъ: таковы ли мы теперь? О святѣйшій Фотій моли Бога о насъ!

Бесѣды Фотія о Росссахъ и первыя страницы лѣтописи преподобнаго Нестора поясняютъ себя взаимно. Эти бесѣды понудятъ насъ открыть слѣды Росскаго народа въ обширномъ просторѣ древнихъ временъ, минувшихъ гораздо ранѣе нападенія его на Константинополь, о которомъ одна молва, какъ говорилъ Фотій, прежде усмиряла сей народъ. Теперь намъ придется вновь пересмотрѣть и обсудить все, что сказано было о Росссахъ древними писателями и даже 70 толковниками, которые въ греческомъ переводѣ Библии удержали названіе **ΡΩΣ**, какъ я думаю, не произвольно, а потому что слышали о существованіи Росссовъ около Кавказа и выше; придется принять въ соображеніе старинное названіе Волги, **РАС**, постараться прочесть Сибирскія надписи, пока не разгаданныя, и сличить ихъ съ надписями Расеновъ и Этрусковъ, жившихъ въ Италіи и говорившихъ языкомъ сроднымъ съ нарѣчіями Япето-Семитическими (sic); придется прослѣдить тѣ русла, по которымъ въ Славяно-Россійскій языкъ втекли слова Еллинскія, Латинскія, Германскія и Япето-Семитическія; придется провести

1) Смори V отдѣл. 2-ой бесѣды.

2) Смори I отдѣл. 1-й бесѣды.

3) Тутъ же.

4) Истор. Рос. Госуд. Карамз. Т. I, стран. 63. Издан. 1-е.

5) Смори VII отдѣл. 2-й бесѣды: «прочіе народы, у которыхъ понятіе о божествѣ погрѣшительно. . . »

разграничительную линію между Вѣрою Россовъ-Япетитовъ и между Славою¹⁾ = (религіею) Ионовъ, или Явановъ-Пеласговъ, которую приняли отъ нихъ при-Дунайскіе и при-Карпатскіе туземцы, и потому назвались Глак-іонами, то есть, послѣдователями Славы =

религіи Ионовъ; придется вникнуть въ старинное столкновение оной Вѣры и этой Славы, и открыть причины слабости первой и перерождения второй въ христіанское *Православіе* въ Кіевѣ и Новгородѣ въ слѣдствіе прежняго многовѣковаго тяготѣнія Славіонскихъ племенъ

къ Востоку, откуда получена была ими первая Глака, хотя и бѣсовская; придется лучше понять *Варяжство*, то есть торговое *товарищество*²⁾ Россовъ, овладѣвавшихъ рыбными дорогами отъ моря Балтійскаго до моря Чернаго и присѣдящими тутъ племенами, включительно съ Россо-Влахіею, овладѣвавшихъ безъ шума, мирно, съ помощію мамоны, какъ овладѣвали почти всѣмъ свѣтомъ Финикіяне, какъ овладѣли Индіею Англичане; однимъ словомъ, придется освѣтить начало Россійскаго государства. Особенныя историческія убѣжденія мои въ этомъ родѣ будутъ изложены при критическомъ изданіи подлинныхъ бесѣдъ Фотія о Россахъ, которые были не Славяне, не Нѣмцы, не Норманны, а Япетиты, и до перехода изъ Азіи въ Европу, и по переходѣ туда, долго говорили языкомъ близкимъ къ нарѣчіямъ Семитическимъ, и писали, такъ на примѣръ: ІРУ АТ АУ ТМЭ МНЭ ІНА

= ани эношъ. эшта ла ба бри: я мужъ, жена не пришла свѣтить. А теперь мнѣ надобно продолжать разсужденіе о самыхъ бесѣдахъ этихъ и содержащихся въ нихъ историческихъ быльяхъ.

4. «Россій народъ, котораго усмиряла самая молва о Византійскихъ грекахъ, поднялъ оружіе противъ державы ихъ, и ударилъ въ ладоши, надѣясь взять Константинополь, какъ птичье гнѣздо³⁾.» Какая же была причина возстанія и нападенія его на этотъ седмхолмный городъ, защищенный природою и искусствомъ? И что окрыляло такую надежду его? — Византійскіе греки умертвили нѣсколькихъ Россовъ, которые должны были имъ что-то малое, ничтожное⁴⁾. Вотъ причина войны! Россы надѣялись, что жестокая неправда Грековъ будетъ наказана Небомъ. Вотъ сила ихъ надежды! Но выслушаемъ это отъ самаго Фотія. Онъ говоритъ: «Эти варвары справедливо разсвирѣпѣли за умерщвленіе соплеменниковъ ихъ, и благословно требовали и ожидали кары равной злодѣянію.» Довольно! Коротко и

1) Реченіе, Слава, древле употреблялось въ значеніи Религіи. Это видно, на примѣръ, изъ выраженія: *Слава бѣсовская*, т. е. идолослуженіе, выдуманное бѣсами. Да и нынѣ, когда мы произносимъ слово, *Православіе*, соединяемъ съ нимъ понятіе о религіи.

2) Въ словѣ, *товарищество*, звучитъ слово *варяжство*.

3) Смотри II отдѣл. 2-й бесѣды.

4) Смотри I отдѣл. 1-й бесѣды, и сличи въ VII отдѣл. 2-й бесѣды слова Фотія: «Какъ отважился бы кто одолѣть враговъ, когда неразумная ярость овладѣваетъ **самодержавнымъ** умомъ и склоняетъ его убить ближняго, который, быть можетъ, не сдѣлалъ никакой неправды?» Въ этихъ словахъ есть сильный намекъ на то, что Россіе кущи умерщвлены были по приказанію самодержца Михаила. А ежели онъ приказалъ убить ихъ, стало быть, эти несчастные должны были что-то малое правительству его, а не частнымъ лицамъ.

ясно! Теперь мы знаемъ законную причину войны Россовъ съ Византіяцами въ дни Фотія: посмотримъ же, какъ они начали и кончили ее.

5. «Походъ ихъ схитренъ былъ такъ, что и молва не успѣла извѣститъ о немъ Византійцевъ, дабы могъ кто либо изъ нихъ подумать о безопасности, и они услышали о Росссахъ уже тогда, когда увидѣли ихъ, хотя и отдѣлялись отъ нихъ многими странами и народоначальствами, судоходными рѣками и пристанищными морями.» Βαρβάρων ἄπιστος δρόμος οὐκ ἔδωκε τῇ φήμῃ καιρὸν ἀγγελίας, ὡς ἂν τίς ἀσφάλεια περινοιθεῖη, ἀλλὰ σύνδρομον ἔσχευεν ἡ θεὰ τὴν ἀκοήν, καί τι καὶ χώραις πόσαις, ἐναρχίαις τε καὶ ποταμοῖς ναυσιπόροις καὶ λιμενηροῖς πελάγεσι τῶν ἐπελασάντων διεργόμεθα. Выслушавъ это, всякій невольно спроситъ: какъ можно было затантъ походъ многочисленнаго войска, посаженнаго на корабли и спустившагося по рѣкамъ изъ отдаленной страны? Какъ не узнали объ этомъ Греки, жившіе тогда въ городахъ Тавриды и Зикхіи, въ Херсонесѣ, Символонѣ (Балаклавѣ), Сугдеѣ, Θεοδοσίῳ, Фуллахъ, Пантикапеѣ, Фанагоріи? Какъ не оповѣстили это Хазары, кочевавшіе на берегахъ Днѣпра? Какъ проглядѣли это Болгары и Скионы, населявшіе устья Дуная? Какъ незамѣтили Росскаго флота греческія суда, непрестанно плававшія по Черному морю вдоль и поперекъ? Вѣдь, не подъ водою же проплыли, и не по небу же пролетѣли корабли и полцица Россовъ? Какъ же это могло статься? И я задавалъ себѣ эти вопросы, и долго не умѣлъ отвѣчать на нихъ. Но наконецъ мнѣ помогло рѣшить ихъ выраженіе точнаго Фотія: **ΑΠΙΣΤΟΣ ΔΡΟΜΟΣ**, путь невѣрный, походъ схитренный. Россы плыли путемъ невѣрнымъ, то есть, не прямымъ, не однимъ, а въ разныхъ направленіяхъ. Таковъ смыслъ и такова сила этого выраженія! Посему я полагаю, что корабли ихъ съ вооруженными воинами, какъ это бывало прежде и послѣ, *не вѣсь, а по частямъ*, спустились по Днѣпру къ Черному морю, и отплыли, частію, къ Трапезунту, частію, къ Синопу, частію, къ устьямъ Дуная, будто для торговли, и въ условленное время соединились и преспокойно вошли въ Константинопольскій проливъ, тогда ничѣмъ и никѣмъ незащищенный. Такъ я объясняю **ΑΠΙΣΤΟΝ ΔΡΟΜΟΝ** схитренный походъ Россовъ. Здѣсь кстати замѣтить, что этимъ смѣлымъ морякамъ, видно, было хорошо знакомо Черное море, и знакомо издавна. Знали они, какъ обмануть зоркость Грековъ, этихъ старыхъ Аргонавтовъ, куда плыть, какъ раздѣлиться, и какъ и когда соединиться при устьѣ Босфора. *Audax Japeti genus* = отважный родъ Япета!

6. «Тогда море было тихо. Корабли (νῆες) Россовъ, плывя по Босфору въ виду жителей Константинополя, навѣвали на нихъ что-то свирѣпое и дикое и убійственное. На палубахъ стояли воины въ полномъ вооруженіи, и съ криками грозили городу простертыми мечами своими. А голосъ ихъ подобенъ былъ шуму моря. По обычаю своему они распредѣлили между собою жребіемъ всѣ красивыя предмѣстія и пристани: а большая часть флота и войска окружила твердыни столицы со всѣхъ сторонъ, съ моря и суши. Никто не могъ выдти на поле, потому что вездѣ кругомъ блистали мечи и копья Россовъ. Государя не было. Онъ находился далеко за границую своего царства, и съ нимъ бѣдствовало все войско его. Некому было сразиться съ непріателемъ. Жители дрогнули, и въ ужасѣ не знали, что дѣлать, и только ударились всѣ въ слезы. Струсили даже и тѣ, кому предоставлено судить о войнѣ.

Мнѣнія раздѣлились. Одни судили, что лучше сдать городъ непріятелю, какъ можно скорѣе, дабы избѣжать кровопролитія, а другіе, боясь ожидаемаго переселенія, (*προσδοκωμένη μεταστάσις*) и надѣясь на Божию помощь, рѣшили не сдавать его; иные думали, что выгоды Россовъ заставятъ сохранить богатѣйшую въ мірѣ столицу, хотя бы они и взяли ее приступомъ; нѣкоторые не только трепетали за городъ, не только страшились жестокости непріятеля, котораго раздражитъ продолжительность осады, но даже самое состраданіе его къ злополучію считали безславіемъ для себя; многіе воображеніемъ придумывали: кто бы долженъ отмстить за нихъ Россамъ. А народъ, волнуемый стоустою молвою, воображалъ, чего и не было, воображалъ, что непріятели уже перелѣзли черезъ крѣпостныя стѣны и взяли городъ. Между тѣмъ Росская пѣхота правильно повела осаду Константинополя съ суши, насыпая валъ (*χαράκωμα*) и отряжая воиновъ подкапывать стѣны. Въ то же время всѣ предмѣстія до самой крѣпости (Перѳонъ) пылали, а жители ихъ были истреблены.» Гибель этихъ злосчастныхъ христіанъ описана самыми яркими красками Фотія; что я говорю, красками? она описана ихъ кровью. Предоставляю читателямъ понять чувствомъ это описаніе, а самъ спѣшу досказать, что слѣдуетъ. «Славяно-Россы сражали мечемъ всякій возрастъ и полъ *раздѣльно* (*ἰδίᾳ*) и, что всего замѣчательнѣе, трупы мужчинъ клали подлѣ мертвыхъ воловъ, тѣла юношей вмѣстѣ съ убитыми конями, а кровь женщинъ смѣшивали съ кровію куриць.» Значитъ, они по требованію своей бѣсовской Славы, приносили ихъ въ жертву богамъ своимъ, мужчинъ и воловъ Перуну, или Сварѳугу, юношей и коней Дажьбогу, женщинъ и куриць богинѣ Ладѣ¹⁾. Иначе, не лзя понять того, что сказалъ очевидный свидѣтель тому Фотій. Но вотъ еще страшная быль, оповѣщенная этимъ свидѣтелемъ. «Отъ неисчетнаго множества труповъ появилась зараза, которая истребляла остальныхъ жителей предмѣстій Константинополя.»

7. Что же тогда происходило въ этой столицѣ, защищенной высокими и крѣпкими стѣнами? Тогда Фотій, исполненный негодованія на виновниковъ величайшаго несчастія, которые умертвили должниковъ своихъ, неукоризненныхъ Россовъ, и сдѣлали своими рабами немногихъ молотильщиковъ хлѣбнаго зерна ихъ, Фотій въ храмѣ святой Софіи грянулъ, какъ громъ, и засверкалъ, какъ молнія. Читайте первую бесѣду его. Она громъ, она молнія, а не слово человѣка! Эта гроза его и общее несчастіе образумили злополучныхъ. «Гордые смирились; сластолюбцы начали поститься; весельчаки и игроки пролили слезы; ростовщики оплевали сребролюбіе и раздавали деньги дѣбнымъ; каждый, кто жилъ худо и безопасно, руками и ногами и всѣми силами давалъ знать, что онъ будетъ служить образцомъ добродѣтели; всѣ прибѣгли къ Богу, раскаялись въ грѣхахъ своихъ, остепенелись, исправились, и со слезами и воздыханіями на литіяхъ и во время всенощныхъ бдѣній, испрашивали у Бога помилованія. Между тѣмъ Россы довершали свой осадный валъ и раз-

1) Росская княгиня Ольга требовала отъ Древлянъ въ *жертву богамъ* по три голубя и по три воробья съ каждаго двора. — Греческій царь Константинъ Багрянородный повѣдалъ, что Россы *приносили въ жертву живыхъ птицъ*. Въ Словѣ Христолюбца сказано о нихъ: *и кури имъ (богамъ) рожутъ*. По свидѣтельству Льва Діакона Россы *закалали надъ умершими пѣтуховъ*. (Лѣтопис. Переяславля Сузда. Москва. 1851. стран. V и VI.)

шатывали подкапываемыя стѣны. Царица городовъ хотя еще не отведена была въ плѣнъ, но у ней уже плѣнена была надежда спасенія. Ожидалось переселеніе жителей ¹⁾).

8. «Была темная и страшная ночь, въ которую жизнь Цареградцовъ догарала вмѣстѣ съ послѣдними лучами солнца, и заря бытія ихъ поглощалась глубокимъ мракомъ смерти. Во всю эту ночь они, поднявъ руки къ небу, просили у Бога помилованія, возложивъ на него одного надежду свою, и умоляли Матерь Слова покрыть ихъ покровомъ своимъ, какъ стѣною нерушимою.» Но насталъ день спасенія. Фотій, пламенный богомолецъ и предстатель предъ Богомъ за паству свою, вынесъ изъ церкви ризу Богоматери, и вмѣстѣ съ христоименитымъ народомъ совершилъ крестный ходъ по городу у стѣнъ его, держа эту ризу на рукахъ своихъ. Всѣ молились усердно, слушая сугубыя эктени и литіи на опредѣленныхъ мѣстахъ. Когда же этотъ боголюбивѣйшій святитель съ оною ризою взошелъ на ту стѣну, что противъ непріятельскаго вала и стана, и началъ совершать тутъ крестный ходъ; тогда *осаждающіе непріатели, непостижимо, какъ, обращали тылъ свой, а валъ ихъ осылся, какъ по данному знаку.* Какъ только дѣвственная риза эта обнесена была по этой стѣнѣ, варвары сняли осаду города, и жители его избавились отъ ожидаемаго плѣна, и сподобились нечаяннаго спасенія. Тогда Господь воззрѣлъ не на грѣхи ихъ, а на покаяніе, не вспомнилъ беззаконій ихъ, но посмотрѣлъ на сокрушеніе сердець ихъ, и склонилъ слухъ свой къ мольбамъ устенъ ихъ. Неожиданно было нашествіе враговъ, но нечаянно и удаленіе ихъ, не видимо устрашеніе, но посрамительно и бѣгство ихъ.» И такъ совершилось чудо! Константинополь спасенъ былъ чудомъ! Явно, что Россы отступили отъ твердынь его въ какомъ то паническомъ страхѣ. Послѣ этого понятно, почему они, возвратившись въ Кіевъ, вскорѣ потребовали отъ Фотія крещенія.

Такъ началось и кончилось нападеніе многобожныхъ Россовъ на Константинополь. «Ихъ привелъ туда гнѣвъ ихъ, но за ними слѣдовала милость Божія.» Это слова Фотія. Ихъ возвратила назадъ Божія милость къ христіанамъ; но она же опять привела ихъ къ Фотію просить у него духовнаго свѣта и благодати того Бога-Слова, котораго Матерь смогла удалить ихъ отъ посвященнаго ей города. Припоминая все это, не знаешь чему болѣе удивляться, могуществу ли молитвы и чуду отъ ризы Богоматери, или чудесному обращенію Россовъ въ христіанство. Неисповѣдимы судьбы Вседержителя. Онъ водилъ грозныя полчища Германцовъ къ старому Риму, дабы посредствомъ ихъ наказать тамошній людъ, который, по выраженію Марсельскаго пресвитера Сальвіана, *умиралъ смѣясь*; но въ этомъ же Римѣ снѣ Германцы нашли Спасителя душъ своихъ Христа Бога нашего. Онъ водилъ грозное воинство неукоризненныхъ Россовъ къ новому Риму, дабы посредствомъ ихъ наказать тамошній людъ, который, по выраженіямъ Фотія, если не отпустилъ отъ себя Бога, то по-

1) Выраженія Фотія: — городъ (а не предметія его) разшатывается подкапывающими = ἡ πόλις τοῖς ὀρυμένοις κατασείσται, близокъ къ паденію = ἐγγύς κεῖται τοῦ ἄλωματος, ожидается переселеніе = προσδοκώμενη μετανάστασις, насыпь, или валъ Россовъ рассыпался = τὸ χαρακῶμα διελύετο, варвары сняли осаду города = τῆς πολιορκείας οἱ βάρβαροι ἀπεκτόντες ἀνεστέλλασαντο: всѣ эти выраженія вполне убѣждаютъ читателя, что Россы правильно осаждали самый Царь-градъ, защищенный стѣнами.

глумился надъ законами его, и прогнѣвалъ его грѣхами даже неестественными; но въ этомъ же Римѣ сіи Россы нашли Спасителя душъ своихъ Христа Бога нашего, и въ послѣдствіи въ Кіевѣ мусією увѣковѣчили образъ Богоматери, который понынѣ называется тамъ Нерушимая Стѣна.

Отлагаю въ сторону перо свое, начертившее эти строки, и взявъ другое, пишу кратко:

Имѣя подъ руками Фотіевы бесѣды о Росссахъ, мы должны внести въ исторію нашего отечества слѣдующія событія:

1. Россы, давно извѣстные въ Константинополѣ, какъ народъ дальностѣверный, гордый оружіемъ, не имѣвшій у себя внутренней стражи, и неукоризненный, рѣшились наказать этотъ городъ и переселить жителей его за несправедливое умерщвленіе соплеменниковъ своихъ, которые тамошнему правительству должны были что-то малое.

2. Они на корабляхъ своихъ по Черному морю плыли къ Константинополю путемъ невѣрнымъ, то есть, не прямымъ, не однимъ, а въ разныхъ направленіяхъ, и такимъ хитреннымъ походомъ обманули Византійскихъ Грековъ.

3. Во время плаванія ихъ Черное море было спокойно. По входѣ въ Константинопольскій проливъ они въ полномъ вооруженіи стояли на корабляхъ своихъ, и съ криками угрожали городу простертыми мечами своими, потомъ по жребію раздѣлили между собою всѣ красивыя предмѣстія до самой Крѣпости Іерона, и пристани его, и зажгли ихъ, а жителей истребили, принося ихъ, раздѣльно, въ жертву богамъ своимъ. Въ это же самое время главная рать ихъ съ моря и суши окружила Константинополь, и повела осаду его правильно, насыпая валъ и подкапывая стѣны.

4. Жители этой столицы, защищенной твердынями, дрогнули, но не рѣшились сдать ее Россамъ въ чаяніи помощи Божіей и заступленія Матери Слова, а сами, обличенные и усвоѣщенные проповѣдію Фотія, раскаялись въ грѣхахъ своихъ и исправились.

5. Въ предмѣстіяхъ Константинополя отъ неисчетнаго множества труповъ появилась зараза, и доканчивала истребленіе тѣхъ, которые успѣли скрыться.

6. Была страшная ночь наканунѣ приступа Россовъ къ Царьграду. Въ эту ночь всѣ тамошніе христіане молились, поднимая руки свои къ небу.

7. Днемъ святѣйшій Фотій съ ризою Богоматери совершилъ крестный ходъ около стѣнъ города и по той стѣнѣ, противъ которой Россы насыпали валъ, и которую подкапывали. Въ часъ сего хода этотъ валъ началъ оссыпаться, какъ по данному знаку, а осаждающіе городъ непріатели, непостижимо — какъ, обратились въ бѣгство, сѣли на корабли свои, и возвратились въ отчизну свою съ несметнымъ богатствомъ, о которомъ Фотій, послѣ отступленія ихъ, не упомянулъ бы, если бы они на морѣ потерпѣли кораблекрушеніе.

8. Тогда въ Константинополѣ не было ни царя, ни войска. Фотій во второй бесѣдѣ своей, говоренной уже послѣ удаленія Россовъ, ни слова не сказалъ ни о томъ, ни о другомъ. Слѣдовательно рассказъ Византійскихъ историковъ, Симеона Логоѣта и Георгія монаха, о прибытіи царя Михаила въ Константинополь во время осады его Россами, и о погруженіи ризы Богоматери въ море, долженъ быть признанъ невѣрнымъ тѣмъ болѣе, что другіе Ви-

зантійскіе же историки усвоили спасеніе Константинополя отъ Россовъ однимъ молитвамъ Фотія, умалчивая о погруженіи оной ризы въ море.

Всѣ эти событія совершились въ царствованіе Греческаго государя Михаила Ш. Но въ какомъ году и мѣсяцѣ? — Вѣрно рѣшить этотъ вопросъ помогаетъ мнѣ вышепомянутый Симеонъ Логоетъ, изложившій дѣянія Михаила по годамъ ¹⁾. По счету его сей Государь царствовалъ 14 лѣтъ подъ опекою своей матери Θεодоры ²⁾, 12 лѣтъ одинъ, и годъ и 4 мѣсяца вмѣстѣ съ Василиемъ Македонскимъ, всего 27 лѣтъ съ третью, скончался же ночью подъ праздникъ святой равноапостольной Феклы въ такой годъ, въ который индиктъ былъ 1-й, слѣдовательно 24 сентября въ первый мѣсяцъ 868 сентябрьскаго года отъ рождества Христова, потому что съ этимъ годомъ совпадалъ указанный индиктъ. Теперь отъ кончины его отсчитаемъ назадъ ровно годъ и 4 мѣсяца соцарствованія его съ Василиемъ: мы получимъ 24-е мая 866 года, въ который Василий, дѣйствительно, былъ вѣнчанъ Михаиломъ на царство въ день пятидесятницы, празднованной тогда 26 мая. Отсчитаемъ назадъ еще три года единовластія Михаила, имянно, 12, 11 и 10-й: мы получимъ 24 мая 863 года. Съ этого дня начался 10-й годъ единовластія его и кончился 23 мая 864 года: а въ этотъ 10-й годъ, по сказанію Симеона Логоета, Россы осадили Константинополь и разорили предмѣстія его ³⁾; слѣдовательно они приплыли туда на корабляхъ своихъ, или послѣ 24 мая 863 лѣта, или немного ранѣе 23 мая 864 лѣта — въ самые послѣдніе дни 10-го года единовластнаго царствованія Михаила. Я утверждаю, что они подступили къ Константинополю въ эти послѣдніе дни, точнѣе сказать, между 15 и 20 днями мая 864 года, ровно за тысячу лѣтъ отъ ¹⁵/₂₀ мая текущаго года, и утверждаю это, полагая въ основаніе слѣдующія данныя. 1) Современникъ и другъ Фотія Никомидійскій митрополитъ Георгій въ своемъ повѣствованіи о ризѣ Богоматери сказалъ, какъ очевидецъ: «Было время, когда дѣла наши шли хорошо, и никакая война не страшила насъ. . . . Но вотъ нашель на насъ *страшно блистающей мечъ*, который, казалось, готовъ былъ поразить всю вселенную. Вождь, предводительствовавшій столькими толпами, по видимому, хотѣлъ вступить въ переговоры съ царемъ. . . . Когда эта саранча опустошала *всѣ окрестные города*: тогда царь въ простой одеждѣ повергся въ храмъ Богоматери. . . .» Изъ этого сказанія видно, что во время патріаршества Фотія были дни, въ которые Константинополь находился въ опасности отъ непріятелей, и что тогда блисталъ страшный мечъ. А грозная комета въ видѣ меча являлась въ теченіи 20 дней въ 864 году (Cosmogonie von Schubert), когда святительствоваъ Фотій; слѣдовательно, и Константино-

1) Онъ велъ двойной счетъ годовъ, одинъ отъ сотворенія міра, а другой отъ рождества Христова. Но этотъ *общій* счетъ у него не совсѣмъ вѣренъ, потому что онъ отъ начала міра до Христа считалъ только 5500 лѣтъ, а не 5508. За то, у него вѣрно показаны годы единовластія царя Михаила и два индикта 15-й и 1-й, совпадающіе съ годами 867 и 868. Ихъ то я и принялъ въ расчетъ.

2) Фотій въ своей бесѣдѣ, говоренной по случаю искорененія всѣхъ ересей, сказалъ, что Михаилъ воцаренъ былъ еще въ пеленахъ. Первый годъ его 27-лѣтняго съ третью царствованія совпадаетъ въ 840/1 годомъ, протекшимъ отъ мая до мая.

3) Τὸ Ἦ αὐτοῦ ἐτεῖ οἱ Ρῶς ἐνδοξεν τοῦ Ἱεροῦ φθάσαντες πολὺν εἰργάσαντο φόνον. περιχλοῦσιν αὐτὸν τὴν πόλιν. Edit. Bonnae. 1838. pag. 674.

поль находился въ опасности въ этомъ же году; тогда же опустошаемы были и *окрестные города*, но уже на возвратномъ пути Оскольда и по возвращеніи царя Михаила въ избавленную отъ бѣды столицу¹⁾. 2) Извѣстно, что Фотій провозглашенъ былъ патріархомъ въ 857 году; а тогда, какъ самъ онъ повѣдалъ, ему было уже много лѣтъ²⁾, покрайнѣй мѣрѣ за 60; во время же осады Константинополя Россами онъ въ первой бесѣдѣ своей упомянулъ о близости кончины своей³⁾; стало быть, тогда онъ былъ уже довольно старъ. Итакъ относить оную осаду къ маю мѣсяцу 863 лѣта значило бы сдѣлать его моложе годомъ: а если мы отнесемъ ее къ маю 864 лѣта, то лучше поймемъ слова его въ помянутой бесѣдѣ; «горько мнѣ отъ того, что продолжена пресельническая жизнь моя, и продолжена тогда, когда уже близко былъ конецъ мой.» 3) Извѣстно намъ теперь, что Россы предприняли походъ въ Константинополь, желая отмстить тамошнему правительству за умерщвленіе соплеменниковъ ихъ. Но это печальное происшествіе, вѣдь, не скоро огласилось тамъ, гдѣ было главное начальство ихъ, потому что тогда въ Россіи не было ни телеграфовъ, ни почтъ, не скоро собрано было и земское войско, не скоро снаряжены были и корабли. Посему ежели мы отнесемъ походъ ихъ къ маю мѣсяцу 863 года; то не поймемъ: какъ Рюрикъ, только что призванный княжить въ Новгородѣ, въ теченіи девяти мѣсяцовъ могъ собрать земское войско и вооружить флотъ подъ начальствомъ выпросившихся у него героевъ, Оскольда и Дира, и отправить ихъ по Днѣпру и Черному морю; не поймемъ и того, какъ эти герои въ такое короткое время успѣли занять Кіевъ, расправиться съ Хазарами, сговориться съ Куманами, стакнуться съ Славянами, стянуть къ Кіеву Варяжскіе полки, и схитрить походъ, то есть, плыть къ Царьграду путемъ не прямымъ. А ежели мы, согласно съ Симеономъ Логоѳетомъ, отнесемъ появленіе ихъ у Царьграда къ послѣднимъ днямъ десятаго года царствованія Михаила, то есть, къ 15 мая 864 лѣта; то все таки лучше поймемъ ходъ дѣла. Событія и логика ихъ заставляютъ полагать, что Россы въ Константинополѣ умерщвлены были въ началѣ 862 года. Это происшествіе могло быть извѣстно въ Новгородѣ въ маѣ мѣсяцѣ этого же года: а въ теченіи двухъ полныхъ лѣтъ, отъ мая 862 до мая 864, можно было сдѣлать все, что сдѣлали Оскольдъ и Диръ, которыхъ, послѣ бесѣдъ Фотія, нельзя считать удалцами, а надобно признать военачальниками Рюрика⁴⁾, умѣвшими правильно осаждать укрѣпленную столицу, и вмѣстѣ искусными переговорщиками, успѣвшими обаять Славянъ, Хазаровъ и Кумановъ, напоминаямъ о выгодахъ Варяжства и обѣщаніемъ несмѣтныхъ богатствъ въ Константинополѣ, котораго жителей предполагалось переселить, вѣроятно, въ глубь Россіи. Притомъ событія же и логика ихъ заставляютъ признать и то, что Россы еще до Рюрика владѣли частію Днѣпровскихъ Славянъ, а въ Новгородѣ имѣли сильную партію, которая одолѣла тамошнихъ Славянъ и головщика ихъ Вадима, и призвавъ Рюрика, дала имъ прозваніе Росъ,

1) Историч. ученіе объ отцахъ церкви, Филарета, архіеп. Чернигов. Томъ III, стран. 341/2 С. П. Б. 1859.

2) Ἐπὶ πολλὰς τὰς ἡμέρας ἡμῶν μὲν ἀναβαλλομένων πρὸς τὴν ἐγχεῖρησιν, ἐκείνων δὲ μὴ μεσιέντων τοῦ βιάζεσθαι, κρατεῖ τῶν πλείονων τὸ βούλημα. — Phot. epist. ad eccles. Antioch. in CII tomo patrolog. Graecae. 1860. Paris.

3) Οἱμοὶ ὅτι ἐμακρύνθη ἡ παροικία μου, καὶ μὴ μακρῶς οὖσης, ἐμακρύνθη.

4) Одинъ изъ нихъ, вѣроятно, былъ адмираль.

и что Кіевъ сдался Оскольду и Диру безъ бою, потому что хорошо понималъ выгоды отъ подчиненія отважнымъ, сильнымъ, богатымъ и торговымъ Россамъ. Но объ этомъ подробнѣе будетъ говорено мною при критическомъ изданіи бесѣдъ Фотія въ подлинникѣ. А теперь я утверждаю, что Россы явились у Константинополя въ половинѣ мая мѣсяца 864 года, и присовокупляю, что они простояли тутъ до 5-го іюня того же года, присовокупляю же не безъ основаній. — Въ нѣкоторыхъ древнихъ рукописяхъ греческихъ, имянно въ Синаксаряхъ и Профитологахъ, я усмотрѣлъ Воспоминаніе Константинопольской Церкви о избавленіи отъ нашествія варваровъ въ 5-й день мѣсяца іюня, и Чтенія пророчествъ по случаю сего избавленія. Такое воспоминаніе съ такими Чтеніями, внесенное въ богослужебныя книги, предполагаетъ событіе чрезвычайное. Знать, много пострадалъ Константинополь отъ варваровъ, и особеннымъ образомъ избавился отъ нихъ по милости Божіей, когда увѣковѣчилъ это событіе церковною Службою въ сказанный день, какъ мы увѣковѣчили ею память о нашествіи Галловъ въ 1812 году. Кто же эти варвары? Это не Персы съ Аварами, и не Агаряне, тщетно осаждавшіе Константинополь съ суши и моря, потому что воспоминаніе о первыхъ занесено въ Синаксарь подъ 7 числомъ августа, а о вторыхъ подъ 16 числомъ того же мѣсяца, да и тамъ и тутъ сказано, что нечаянное спасеніе Константинополя отъ Персовъ и Аваровъ ходатайствомъ Богоматери совершилось въ царствованіе Ираклія, а спасеніе его отъ Агарянъ случилось въ дни царя Льва Исавра. Грозные враги сего города, отступившіе отъ него 5 іюня, были другіе. Въ рассмотрѣнныхъ мною рукописяхъ они не названы народнымъ именемъ; но воспоминаніе о нашествіи ихъ записано такъ согласно съ бесѣдами Фотія о Росссахъ, и пророческія Чтенія подобраны такъ подстать этимъ бесѣдамъ, что въ этихъ варварахъ нельзя не узнать воиновъ Оскольда, страшно наказавшихъ Константинополь за жестокую неправду его, но не истребившихъ всего города этаго по особенной милости Божіей къ нему. Читайте запись эту и пророчества эти, сличите ихъ съ бесѣдами Фотія, и судите сами: основательно ли я утверждаю то, что утверждаю. Въ принадлежащемъ мнѣ непечатномъ Синаксарѣ, составленномъ нѣкимъ Петромъ въ десятомъ вѣкѣ и переписанномъ въ 1249 году, записано подъ 5 числомъ іюня: —

Μνήμη τῆς μετὰ φιλανθρωπίας ἐπενεχθείσης ἡμῖν φοβερᾶς ἀνάγκης ἐν τῇ τῶν βαρβάρων ἐπιδρομῇ, ὅτε μέλλοντας ἡμᾶς ὑπ' αὐτῶν δικαίως αἰχμαλοτίσσειν, καὶ φόνῳ μαχαίρας παραδίδοσθαι, ὃ οὐκ ἴσμεν καὶ φιάνθρωπος θεὸς διὰ σπλάγγνα ἐλέους αὐτοῦ, παρ' ἐλπίδα πᾶσαν ἐλυτρώσατο ἡμᾶς.

Воспоминаніе о страшной бѣдѣ, ниспосланной намъ челоѣколюбно во время нашествия варваровъ, когда мы *справедливо* должны были быть *плѣнены*, и *умерщвлены мечемъ*, и когда насъ *сверхъ всякаго чаянія* избавилъ милостивый и челоѣколюбивый Богъ по благоутробію милости своей.

Эта правдивая запись есть сокращенное содержаніе бесѣдъ Фотія о Росссахъ. Сличая ее съ ними, усматриваешь въ ней и въ нихъ одинаковыя выраженія: «варвары *справедливо* разсвирѣпли за умерщвленіе соплеменниковъ ихъ, и благословно ожидали *кары равной зло-*

дѣянію . . . а мы не смѣли и посмотрѣть на нихъ прямо и неробко . . . мы избавились отъ ожидаемаго плѣна, и сподобились нечаяннаго спасенія . . . неожиданно было нашествіе враговъ, но нечаянно и удаленіе ихъ, чрезмѣрно негодованіе, но неизреченна и милость Божія» (Бесѣд. 2-я). Выказанная въ этой записи правда, и выказанная словами Фотія заставляяетъ меня полагать, что въ Синаксарь внесъ ее самъ этотъ первосвятитель, оправдывавшій нашествіе Россовъ. Онъ же установилъ читать и тѣ пророчества, которыя помѣщены въ Профитологахъ подъ 5 числомъ іюня, и въ которыхъ многія вѣщанія живо напоминали Цареградскимъ христіанамъ неправды ихъ, и гнѣвъ и милость Бога ¹⁾ Прочтемъ эти пророчества, выписанныя мною изъ непечатнаго Профитолога, десятаго вѣка, принадлежащаго Влантѣонскому монастырю въ Фессалоникѣ, и сличимъ ихъ съ бесѣдами Фотія.

Варух. 4, 21—30,

Держайте чада, возопійте къ Богу, и избавитъ васъ отъ насилія, отъ руки враговъ.

→

Ибо я ожидалъ спасенія вашего отъ Вѣчнаго, и пришла мнѣ отъ Святаго радость о томъ, что скоро будетъ вамъ помилованіе

○—○

отъ вѣчнаго отца вашего. Хотя я отослалъ васъ съ рыданіемъ и плачемъ, но Богъ возвратитъ мнѣ васъ съ радостію и веселіемъ во вѣкъ. Какъ нынѣ видѣли насельники Сіона ваше плѣненіе: такъ узрятъ вскорѣ спасеніе ваше отъ Бога, которое придетъ съ великою славою и съ блнсташемъ Вѣчнаго. Чада перенесите долготерпѣливо нашедшій на васъ отъ Бога гнѣвъ. Наказалъ тебя врагъ твой, но ты узришь погибель его вскорѣ, и наступишь на выю его. Из-

▷

нѣженные мои ходили по путямъ жесткимъ: взяты, какъ стадо похищенное врагами. Держайте чада, и возопійте къ Богу. Бу-

═

детъ (дана) вамъ память отъ Наводящаго (бѣды). Какъ, бывало, помышляли вы о томъ, чтобы уклониться отъ Бога: такъ те-

Слова Фотія.

→ Съ дерзновеніемъ говорю я, споручникъ вашего спасенія . . . поручимся другъ другу, я за ваше спасеніе, а вы за то, что нѣтъ опасенія касательно договоровъ нашихъ, я за отвращеніе бѣдствій, а вы за обращеніе Богу. . . Господь же челоуѣколюбивый скажетъ вамъ: вотъ я изглаждаю, какъ облако беззаконія твои, и какъ мглу, грѣхи твои. (Бесѣд. 1-й конецъ.)

○—○ Часто внушалъ я вамъ: берегитесь, исправтесь. . . Какъ же теперь поскребсти ваши сердца? . . . Не отослать ли васъ туда для полученія казней? . . . (Бесѣд. I, отдѣл. III.)

▷ Обрадованные, мы всѣхъ огорчали, сильные и всемъ довольные обижали, безумствовали, утолстѣли, разжирѣли, и какъ прыгающая юница, перепрыгнули за предѣлы заповѣдей Господа. За это разореніе ратное въ землѣ нашей. Не выходите на поле. Ибо тамъ вездѣ кругомъ мечи враговъ. (Бесѣд. I, отдѣл. 1.)

═ Да обратится каждый отъ злыхъ дѣлъ своихъ, взвѣшивая и испытывая себя самаго: какими поступками своими счумѣлъ

1) Фотій, по свидѣтельству современника его Никомидійскаго митрополита Георгія, постановилъ, чтобы день избавленія Царьграда отъ враговъ и сохраненія ризы Богоматери былъ празднуемъ въ Влахернскомъ храмѣ съ особеннымъ торжествомъ (Смотри историч. Ученіе объ Отцахъ Церкви, Филарета, архіепископа Чернигов. Томъ III, стран. 342. С. П. Б. 1859 г.)

перъ обратившись къ нему, удесятерите
взыскать его. Ибо Наводящій вамъ бѣды
наведетъ вамъ вѣчное веселіе вмѣстѣ съ
вашимъ спасеніемъ.

Даніил. 9, 15—20.

Господи Боже нашъ, изведшій народъ
твой изъ земли Египетской рукою крѣпкою,
и стяжавшій себя имя, какъ день оный (име-
нить былъ). Мы согрѣшили, беззаконновали
Господи. Но по всей милости твоей да от-
вратится ярость твоя, и гнѣвъ твой отъ
града твоего. За то, что мы согрѣшили не-

←
правдами нашими и беззаконіемъ отцевъ
нашихъ, Іерусалимъ и народъ твой сдѣла-
лись поношеніемъ всѣхъ окружающихъ насъ.
И нынѣ услыши Господи Боже нашъ мо-
литву рабовъ твоихъ и прошенія ихъ, и яви
лице твое, ради тебя самого, Господи. При-
клони Боже мой ухо твое и услыши. Отвер-
зи очи твои, и посмотри на истребленіе
насъ и града твоего, въ которомъ и на ко-
торый призывалось имя твое. Ибо мы не на
своихъ правдахъ основываемъ помилованіе
насъ предъ тобою, но на многихъ милостяхъ
твоихъ, Господи. Услыши Господи. Очисти
Господи. Внемли Господи, и не замедли,
ради тебя самого, Боже мой. Ибо твое
имя призывалось на сей градъ твой и на
сей народъ твой.

Вотъ и эти чтенія изъ пророчествъ такъ же, какъ вышеприведенная записъ, согласны
съ бесѣдами Фотія о Россахъ. Посему надобно признать за вѣрное, что Константинополь
чудесно спасенъ былъ отъ нашествія сего народа въ 5-й день іюня мѣсяца 864 года. —

оскорбить Бога такъ, что подвергся такому
гнѣву его; за какіе чрезвычайные пороки
даны такіе страшные уроки; за что мы
изъявлены, и какъ исцѣлѣли отъ ранъ. Ибо
если мы все это пересмотримъ и затвердимъ
этотъ урокъ; то я увѣренъ, что Господь
впредь ущедритъ намъ милость свою. (Бе-
сѣд. II, отдѣл. 7.)

Слова Фотія.

← Какъ не терпѣтъ намъ страшныхъ
бѣдъ, когда мы убійственно рассчитались съ
тѣми, которые должны были намъ что то
малое? . . . Мы побиты нашими беззакон-
ніями, изнурены страстями, унижены грѣ-
хами, стублены злыми дѣлами, и стали по-
ношеніемъ и поруганіемъ сосѣдей нашихъ.
(Бесѣд. 1, отдѣл. I. — Бесѣд. 2, отдѣл. II.)

* Они (Россы) разорили окрестности
Царьграда, истребили все до самой Крѣ-
пости его, жестоко умертвили всѣхъ захва-
ченныхъ. (Бесѣд. 2, отдѣл. II.)

Итакъ въ нынѣшнемъ году въ этотъ день исполнится тысящелѣтіе первой славы нашей, славы военной, народной, государственной. Эта слава приписана намъ святѣйшимъ патриархомъ Константинопольскимъ Фотіемъ: а мы узнаемъ о ней уже по истеченіи тысячи лѣтъ. Повторимъ же теперь приснопамятныя слова его: Россы, народъ не именитый, приобрѣли себѣ славу со времени похода въ Константинополь. Припомнимъ, что Фотій, за тысячу лѣтъ назадъ, назвалъ Россійскій народъ страшнымъ перуномъ, зіяющею молніею и сосудами гнѣва Божія, но примолвилъ, что за этимъ неукоризненнымъ народомъ, котораго несправедливо обидѣла гордая Византія, слѣдовала милость Господня. Припомнимъ все это, и испыгующій взоръ свой вперимъ въ будущность . . . . вѣтъ, лучше ублажимъ память святѣйшаго Фотія. Онъ нашъ первый историкъ, первый витія, первый другъ, любившій неукоризненность нашу, оправдавшій нападеніе наше на Константинополь. Первобытныя Еллины, взявшіе Трою, имѣли своего дивнаго пѣвца, Омира: первобытныя Россы, осаждавшіе Царьградъ, имѣли своего чуднаго витію, Фотія. Вѣчная память сему боголюбивѣйшему святителю, сказавшему справедливое слово о Россяхъ и удивившему ихъ чудомъ отъ ризы Богоматери! Вѣчная память! ΑΙΩΝΙΑ Η ΜΝΗΜΗ!¹).

По разсмотрѣніи историческаго содержанія бесѣды сего патриарха о нашествіи Россовъ говорить ли мнѣ о достоинствѣ ихъ витійственномъ? Скажу свое слово и объ этомъ предметѣ, но послѣ, когда зайдетъ рѣчь объ ораторскомъ искусствѣ Фотія, а теперь изложу только общее содержаніе оныхъ бесѣдъ.

Когда пылали предмѣстія Царьграда и потоками лилась кровь христіанъ; тогда Фотій явился на своей каедрѣ, какъ является гроза на небѣ, и спросивъ въ недоумѣніи, — «что это? что за — пораженіе столь погубное? . . не за грѣхи ли оно ниспослано на насъ?» — тотчасъ перечислилъ многіе тяжкіе грѣхи, и въ числѣ ихъ несправедливое умерщвленіе Россовъ и взятіе въ рабство ихъ молотильщиковъ, и потомъ грозно объявилъ: «за это разореніе ратное въ землѣ нашей! за это отверзъ Господь сокровищницу свою, и вынесъ сосуды гнѣва своего (Россовъ).» Его слушатели тронуты были высказанною имъ правдою и заплакали. Заплакалъ и самъ Фотій. Рѣчь его прервалась, но спустя минуту, или двѣ, снова полилась вмѣстѣ съ слезами. Читая эту дальнѣйшую рѣчь неприготовленную, внезапную, удивляешься оборотливости ума Фотія, и замѣчаешь въ немъ въ эти минуты удивительное сочетаніе сердоболія чловѣка съ правдою и долгомъ святителя и проповѣдника, и попеременно волненіе этихъ двухъ чувствованій. Онъ въ однѣ и тѣ же мгновенія плакалъ и поучалъ, плакалъ и обличалъ грѣшниковъ, говоря: «и я плачу съ вами; но малыя капли слезъ не угашаютъ пламени, разжennaго давно: случайная слеза не сильна умилоствитъ воспламенный грѣхами гнѣвъ Божій . . . не теперь надлежало бы плакать намъ . . . не теперь бы торговать милосердіемъ³) . . . не теперь бы править всенощны, поднимать руки и утру-

1) Этотъ отрывокъ напечатанъ былъ заблаговременно «въ Духовной Бесѣдѣ». А кто читалъ его? . .

2) Кто помогаетъ бѣднымъ, не по долгу чловѣколюбія, а въ ожиданіи отъ Бога милости себѣ, тотъ нѣкоторымъ образомъ походитъ на торговца, отдающаго Богу свое милосердіе къ бѣднымъ подъ залогъ его милости къ себѣ.

ждать колѣна . . . а прежде надлежало каяться въ дѣлахъ худыхъ и упражняться въ дѣлахъ добрыхъ.» Правдивость и строгость учительская въ Фотіѣ мало по малу взяла верхъ надъ сердоболіемъ его такъ, что онъ, послѣ самыхъ рѣзкихъ обличеній слушателей своихъ въ безнравственности и послѣ напоминаній имъ о прежнихъ увѣщаніяхъ своихъ, кои падали въ тернія, сказалъ имъ: «какъ же *теперь* поскребсти ваши сердца? не отослать ли васъ туда (подъ мечи Россовъ) для полученія казней?» Нельзя было сильнѣе поразить ихъ, какъ поразили этими словами Фотій. Но онъ были подобны послѣдному удару грома, послѣдней страшной молніи. Правда Фотія высказалась. Послѣ нея излилось сердоболіе его въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ. Читайте это изліаніе его: «горько мнѣ отъ того, что продолжена жизнь моя, отъ того, что не услышанъ я молящійся . . . гдѣ теперь царь христоролюбивый? кто за насъ выдетъ на брань? гдѣ взять столько слезъ, сколько ихъ требуетъ множество постигшихъ насъ бѣдъ?» Читайте плачевные причѣты его надъ погибавшимъ Царыградомъ: «какъ навзрыдъ рыдалъ онъ ночью . . . какъ Господь огонь послалъ въ кости его . . . о, градъ-царь, какая опустошительная гроза собралась вокругъ тебя! . . . о, Вѣра совершенная и Служеніе чистое! какъ это расширяются на васъ уста нечестивыхъ и гордыхъ! о, храмъ мой, святая Софія, недреманное око вселенной! Рыдайте дѣвы, юноши, матери, дѣти. . . » Читайте все это, и чувствомъ поймите чувствованія Фотія, какъ человека, гражданина, и святителя. Когда сердоболіе его высказалось; тогда опять заговорила правда *человѣка Божія*, требующая отъ грѣшниковъ покаянія и исправленія, безъ конхъ невозможно помилованіе отъ Бога, но сомнѣвающаяся въ ихъ послушаніи. Послышались вопросы и сомнѣнія его: «но доколѣ плачь? доколѣ рыданіе? кто услышитъ ихъ? кто умиловитъ за насъ Бога? на землѣ нѣтъ богѣ праведника; нѣтъ ходатаевъ, ни Моисея, ни Авраама . . . хотя вы и могли бы найти ихъ, еслибы захотѣли; но страшно ваше непостоянство: милостыня у васъ временна; цѣломудренны вы только до завтра; единодушны, пока сдружаетъ васъ общая бѣда; смиренны и благонаправлены, пока у васъ плѣнъ предъ глазами; набожны, пока грозитъ вамъ смерть . . . исправьте же пути ваши и дѣла ваши: и прекратитъ Господь зло, которое приговорилъ вамъ. Но вы не хотите. . . » При этомъ глаголь Фотія, произнесенномъ, какъ сдается, тономъ слабой надежды, послышался вопль и шумъ слушателей. Но витія не смутился этимъ, и на внезапность отвѣтилъ внезапною рѣчью стоическою: «не вошійте и не шумите; гораздо лучше молиться спокойно, нежели вопіять, не страдавши, или бояться страданій, кои неизбѣжны для всѣхъ, живущихъ беззаконно, послѣ того, какъ обильными потоками текли къ намъ житейскія блага, или пыгаться бѣжать отъ множества бѣдъ, отъ которыхъ уже нельзя никуда укрыться.» Слушатели заплакали. Ихъ слезы оросили надежду Фотія на исправленіе ихъ; и онъ съ дерзновеніемъ Вѣры сказалъ имъ: «перестаньте плакать, будьте мужественны; я ручаюсь за ваше спасеніе, если вы обратитесь къ Богу; ручаюсь за удаленіе враговъ, если вы поручитесь мнѣ за отдаленіе отъ страстей вашихъ; Господь же помилуетъ васъ по челоуѣколюбію своему.» Этими словами, въ коихъ выразилась вся крѣпость Вѣры и Надежды на Бога, милующаго кающихся грѣшниковъ, можно было кончить бесѣду; но Фотій заключилъ ее умиленнымъ обраче-

ніемъ къ Богоматери, которой посвященъ былъ Константинополь, и которую онъ любилъ называть Матерію Слова: «досточтимая, спаси градъ твой, какъ вѣдаешь, Госпоже.» — И такъ вся эта бесѣда есть грозное и сильное выраженіе правды, сердоболія, вѣры и надежды Фотія. Логическое расположеніе ея просто. Выражаю его: «Страшное наказаніе справедливо ниспослано намъ свыше за тяжкіе грѣхи наши, такіе и такіе. Наказанные мы сѣтуемъ и плачемъ. Но не плакать намъ надобно, а исправиться и впредь жить богоугодно.»

Вторая бесѣда Фотія, которую онъ говорилъ вскорѣ послѣ удаленія непріятели, отличается отъ первой, какъ спокойная мысль отличается отъ взволнованнаго чувства. Содержаніе ея составляютъ ученіе о связи наказанія съ грѣхомъ, изображеніе ужасныхъ бѣдствій, постигшихъ грѣшный Константинополь, напоминаніе о совершившемся общемъ исправленіи, увѣщаніе помилованнымъ отъ Бога впредь жить праведно, и предостереженіе ихъ отъ горшихъ несчастій, кои неминуемо послѣдуютъ за повторенными грѣхами. Такова сущность этой бесѣды. — Начало ея весьма глубокомысленно. Фотій зная, какъ нѣкоторые умники разсуждали о нашествіи Россовъ, будто оно было событіе обычное, житейское, а не наказаніе отъ Бога, котораго, по самому существу его, нельзя-де представлять гнѣвающимся, зная и то, какъ иные невѣжды говорили по прежнему, — судьбы Господни неизбѣжны, что будетъ, то будетъ, авось Богъ помилуесть, — Фотій сказалъ тѣмъ и другимъ: «конечно, Богъ не гнѣвается, потому что онъ благъ, и потому что въ существѣ его нѣтъ ни пылкой крови, ни горячаго сердца; но онъ постановилъ непреложный законъ, по которому худыя дѣла влекутъ за собою наказаніе, приличное совершителямъ ихъ. По силѣ этого закона насъ постигло бѣдствіе, какъ явная улика намъ въ грѣхахъ нашихъ.» Высказавъ эту истину, осязательную, непреложную, витія продолжалъ говорить слушателямъ своимъ: «шоелику же и вы признаете ее, посему я буду обличать васъ гораздо сильнѣе и справедливѣе, изображая вамъ тѣ бѣдствія, изъ коихъ мы сами грѣхами своими сдѣлали себѣ сцену, и составили драму, жизнію своею подготовивъ зрѣлище многообразныхъ страданій.» — Драма была огненная, кровавая, ужасная. Фотій подробно и правдиво разсказалъ ее всю отъ начала до конца. Вотъ начало ея. «Россы справедливо разсвирѣпили за умерщвленіе соплеменниковъ ихъ, и благословно требовали и ожидали кары равной сему злодѣянію. А Византійцы не смѣли и посмотрѣть на нихъ прямо и неробко.» Вотъ продолженіе и конецъ драмы. «Росскій народъ, какъ морская волна, нахлынулъ на предѣлы Царьграда, и какъ дикій вепрь истребилъ жителей предмѣстій его, словно траву, или тростникъ, или посѣвъ, не щадя ни человѣка, ни скота, и принося ихъ, раздѣльно, въ жертву богамъ своимъ. Въ добавокъ появилась губительная язва . . . самый городъ едва не былъ поднятъ на копье . . . однако общее несчастіе и ожидаемое переселеніе образумило Византійцевъ, и заставило ихъ раскаяться въ грѣхахъ и принятися за добрыя дѣла . . . когда же они съ сокрушеніемъ сердца принесли покаяніе, и когда во всю ночь, воздѣвши руки къ Богу, просили у него помилованія, и потомъ обнесли по городу и по стѣнамъ дѣвственную ризу Богоматери; тогда узрѣли рассяніе грозы и увидѣли удаленіе враговъ и освобожденіе города, которому угрожало расхищеніе и разореніе.» Напомявая эту драму, Фотій изрѣкалъ приговоры: гроза скоплется

изъ дѣлъ грѣшниковъ . . . мы побиты нашими беззаконіями . . . гдѣ гнѣвъ Бога, тамъ и пожива; и когда онъ отвращается, тогда перевероть бываетъ и отъ малости . . . ежели мы спасены, то потому, что Господь посмотрѣлъ на сокрушеніе сердець нашихъ и склонилъ слухъ свой къ мольбамъ устенъ нашихъ. . . Эти приговоры его были совершенно справедливы. Нельзя было отрицать ихъ, когда ихъ подтверждали пепелища, трупы, совѣсть, чудотворная риза Богоматери. Слушатели Фотія убѣждены были въ томъ, что, по непреложному закону Божію, за грѣхомъ слѣдуетъ наказаніе, а послѣ раскаянія и исправленія грѣшниковъ бываетъ имъ помилованіе. Оставалось витіи воспользоваться этимъ убѣжденіемъ; и онъ воспользовался имъ. Напомнивъ христіанамъ о совершившемся общемъ исправленіи ихъ (которое наши проповѣдники теперь должны приводить въ примѣръ), Фотій долго увѣщавалъ ихъ жить благочестиво, и предрекалъ имъ горшія несчастія, когда бы они начали жить по-прежнему беззаконно и безпечно. Назидательны эти увѣщанія его. Нѣтъ надобности излагать ихъ здѣсь вполнѣ, когда онъ содержится въ сообщенной бесѣдѣ Фотія; но да будетъ позволено мнѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о нихъ. — Увѣщанія Фотія были продолжительны, потому что онъ говорилъ проповѣдь почти всѣмъ силамъ души, ея совѣсти, памяти, надеждѣ, страху, волѣ, уму, и потому что имѣлъ въ виду государственно-народные грѣхи и бѣдствія, отъ коихъ желалъ предостеречь дѣйствительными примѣрами богоизбраннаго народа Израильскаго. Вотъ увѣщаніе его совѣсти послѣ напоминанія о нечаянномъ спасеніи Царьграда по милости Бога. «Итакъ да не обратимъ челоуколюбія его въ поводъ къ нерадѣнію, и не забудемъ тѣхъ обѣтовъ, которые дали мы Богу . . . ибо всѣ вы знаете, бывъ научены совѣстію своею, какъ въ то время иной, сдѣлавшій чтолибо несправедливое, обѣщался предъ Богомъ не дѣлать того впредь, другой, растлившій тѣло блудомъ, возненавидѣлъ лобострастіе . . . какъ тогда гордые смирились, сластолюбцы постылись.» Вотъ его слово памяти. «Пусть же помнить это всякій. Пусть никто *не забывается*, и обѣщаній своихъ *не сбываетъ* какъ нибудь. Ибо забвеніе ихъ умѣло воспламенить гнѣвъ Божій. . . Да обратится каждый отъ злыхъ дѣлъ своихъ, испытывая себя самага: какими поступками своими сѣумѣлъ оскорбить Бога . . . за какіе чрезвычайные *пороки* даны такіе страшные *уроки*, чѣмъ заслужена кара, и какъ отклонено пораженіе. Ибо если мы все это затвердимъ, то я увѣренъ, что Господь впредь ущедритъ намъ милость свою.» Тутъ Фотій укрѣпилъ надежду слушателей на Бога, говоря словами Писанія: ибо онъ близокъ ко всѣмъ призывающимъ его, и волю боящихся его исполнитъ. «А если мы, — началъ онъ устрашать ихъ, — будемъ грѣшить по прежнему; то какую ископаемъ себѣ глубь несчастій! Сколько наживемъ себѣ зимнихъ бѣдъ, взбѣсившись на себя самихъ! Нѣтъ надобности, — продолжалъ онъ говорить, какъ свидѣтель крѣпкой воли покаявшихся, — нѣтъ надобности въ чужихъ примѣрахъ для собственнаго вразумленія: своего опыта достаточно для нашего исправленія. Ибо когда мы жили безпутно и сладострастно, тогда увидѣли, что гнѣвъ Божій стремится на насъ, какъ туча града на плоды. Но пораженіе остановлено покаянiемъ: не привлечемъ же его нерадѣніемъ. Гнѣвъ его погашенъ потоками нашихъ слезъ: не воспламенимъ же его снова кипучимъ смѣхомъ и непрерывными музыкальными потѣхами . . . худое дѣло пьян-

ство. Худое дѣло блудъ. Худое дѣло неправда . . . все это скопляетъ грозу, отвращаетъ человѣколюбіе Божіе, готовитъ намъ униженіе предъ врагами и возвышаетъ ихъ бранную силу.» Послѣ этого Фотій долго говорилъ уму слушателей своихъ, и наипаче уму людей государственныхъ, обращая вниманіе ихъ на опасность отечества отъ внутреннихъ несогласій и раздоровъ, и отъ разгара страстей, и приводя въ примѣръ измѣнчивость судебъ народа Израильскаго, процвѣтавшаго, когда онъ былъ мудръ, и увядавшаго, когда онъ безумствовалъ. Въ основаніи этихъ послѣднихъ наставленій его скрыта вотъ какая истина: «въ нравственно-духовномъ мірѣ нѣтъ случайностей: воля разумнаго человѣка дѣйствуетъ, то, подчиняясь волѣ Божіей, то, уклоняясь отъ нея, то, согласно съ нею, то, противно ей, и потому производитъ либо благо, либо зло.» Зная эту истину Фотій говорилъ: «народу Божію надобно овладѣвать непріателемъ съ помощію Всевышняго, а помощь его умѣть снискивать наилучшими дѣлами и множествомъ доблестей. Если же кто утратилъ добродѣтель и чистоту нравовъ, тотъ неизбѣжно лишается и Божіей помощи. Напротивъ, кто украсилъ жизнь свою добрыми дѣлами, какъ броней, тотъ добродѣтель дѣлаетъ союзницею и помощницею противъ враговъ. Но если народъ Божій силенъ и побѣдоносенъ съ помощію Бога; то прочіе народы (и Россы), у которыхъ понятіе о божествѣ погрѣшительно, не своими благодѣланіями, а нашими худыми дѣлами увеличиваютъ свою силу. Однако господство надъ нами предоставляется имъ настолько времени, насколько ополчаются на насъ страсти, и насколько мы стремимся къ злу, оставивъ тотъ порядокъ, въ который поставилъ насъ божественный законъ. Итакъ, когда мы, исправляясь, приближаемся къ Богу, тогда удается намъ и *державити* надъ врагами при *сдержаніи* страстей: а грѣша, мы навлекаемъ на себя гнѣвъ Божій, и владаемъ въ руки враговъ. Какъ же не убѣгать намъ отъ беззаконій, и какъ не преуспѣвать въ добродѣтеляхъ? Какъ отважился бы кто одолѣть враговъ, когда у себя питаетъ разрушительные раздоры, когда не разумная ярость овладѣваетъ *самодержавнымъ* умомъ, и склоняетъ убить ближняго (Россовъ), который не сдѣлалъ никакой неправды? Какъ тебѣ побѣдить непріятелей, когда чувственныя похотѣнія подчиняютъ себѣ *самодержавный* умъ твой, и водятъ и переводятъ его, какъ раба, куда велитъ страсть? . . . Пусть страстями правитъ умъ: тогда мы одолѣемъ и тѣхъ внѣшнихъ непріятелей, которымъ *позволено* воевать насъ. Напередъ удалимъ отъ себя мятежные умы, и потомъ легко обезсилимъ силу иноплемениковъ.» Современная необходимость и пристойность этихъ наставленій понятна всякому, кто изъ Византійской исторіи знаетъ: какой тогда былъ развратъ при дворѣ царя Михаила, и какъ бѣшены были въ Константинополѣ партіи, Латинская въ пользу папы Римскаго, Иконоборная, и особенно партіи Голубыхъ = православныхъ, и Зеленыхъ = еретиковъ, которые потрясали, раздирали, губили государство. Фотій долго повторялъ эти наставленія почти въ однѣхъ и тѣхъ же выраженіяхъ, не по говорливости своей, а съ умысломъ, дабы слушатели его твердо запомнили, — съ какихъ сторонъ грозитъ имъ опасность государственная: съ этою цѣлію онъ изъ исторіи народа Израильскаго представилъ нѣсколько примѣровъ воздаянія Божія, благаго за дѣла добрыя, и страшнаго за дѣла худыя, и заключилъ свою проповѣдь послѣднимъ краткимъ увѣщаніемъ и трогательнымъ обращеніемъ къ Бого-

матери, говоря ей отъ лица всѣхъ: «мы любимъ тебя крѣпко. Сама ты спасай градъ твой, какъ знаешь, и какъ хочешь. . . А мы потщимся представить тебѣ чистыя сердца свои.» Послѣ этого обращенія къ небесной покровительницѣ Константинополя Фотіи посмотрѣлъ на слушателей своихъ, какъ я думаю, посмотрѣлъ печально, и проговорилъ послѣднія слова: «такъ скажемъ Дѣвѣ, *но да не солжемъ*, да не обманется чаяніе наше, и да не погибнемъ въ житейскихъ тревоженіяхъ и въ пучинахъ бѣдъ, но да войдемъ въ пристань вѣчнаго спасенія.» Эти грустныя слова произнесъ онъ или потому, что не очень надѣялся на постоянство столичныхъ жителей, или потому что въ эту минуту великая душа его предчувствовала будущее горе Константинополя. Какъ бы то ни было, но горе постигло этотъ седмиколенный городъ, солгавшій Богоматери и своевольно сожегшій Влахернскую церковь ея не задолго до взятія его Турками. Погибель его оплакалъ извѣстный Іоаннъ діаконовъ Евгенікъ горючими слезами и съ такими заунывными причѣтами и воплями, которые щемятъ сердце. Кстати послушаемъ, какъ онъ плакалъ.

О, Христе царю! Увы мнѣ! О, Христе царю всѣхъ! О, граде великаго царя Бога, о немъ же преславная глаголашася! Пресвятая Богоматерь! Гдѣ градъ твой великоименный и возлюбленный? Гдѣ око вселенной, зеркало всего міра? Увы мнѣ! И послѣ этого я еще дерзаю говорить и возвѣщать ужасы? Ахъ, какъ я не лишился ума? Какъ я живъ? и какъ еще дышу и чувствую и смотрю на свѣтъ?

О, содѣтели и стражи нашего спасенія, ангелы святые! Почто вы оставили стражбу сего града? . .

О, солнце все зрящее! Какъ устояло ты, видя наши напасти? Какъ не познало свой западъ на вѣки? . .

И ты, земля, какъ ты не разсѣлась для насъ, и почто не разсѣдаешься теперь, да по достоянію пребудемъ во мракѣ и въ нѣдрахъ ада, по изрѣченному опредѣленію Бога: ходити во дворѣ моемъ не приложитѣ къ тому.

О, небо! отверзи врата твои, и прими и наши души въ сонмъ избѣнныхъ. Ибо никому уже не мила жизнь и на минуту. На что мы посмотримъ? Что мы послушаемъ? Чѣмъ усладимся! Какимъ языкомъ и какими устами восхвалимъ Бога? Помрачены и оглушены мы, какъ громомъ. . .

Увы мнѣ! Граде златый! Граде великій! О чемъ первомъ у тебя возрыдаю? Какую вторую красоту твою оплачу? и что третіе и многое омою слезами моими? Величайшій ли храмъ св. Софія, это небо на землѣ, этотъ рай второй? или велелѣше прочихъ святыхъ или повсемственный блескъ, или каждую порознь красоту, превосходящую благообразіе царевны невѣсты?

О, жалкіе мы! Что и что мы потерпѣли! О, провидѣніе Божіе! О, судьбъ глубина неизреченная! О, спасителю и Слове Бога и Боже! Плакалъ ты о древнемъ Іерусалимѣ, болѣзнуя о немъ и провидя горе, грядущее къ нему: о насъ же было ли какое слово на небѣ? Какъ вдругъ оставилъ насъ ты, присный утѣшитель нашъ? Гдѣ милосердія твоего

сокровища? Гдѣ долготерпѣнія твоего неистощимая пучина? Какъ ты положилъ насъ въ притчу языкамъ?

Увы мнѣ! Мы жестоки. Выи у насъ желѣзныя. Сколько разъ мы были поражаемы, и не вразумились? Сколько разъ бичуемы, и не исправились? . .

О, всецарица Богородица! Почто ты оставила злополучныхъ женъ, у которыхъ въ устахъ всегда было пренѣтое имя твое, и въ сердцѣ, паче дыханія и жизни, память о тебѣ и великая вѣра въ тебя? Какъ мы заключили челолюбивую утробу твою? Не за то ли, что мы сами, увы! предали пламени именной храмъ твой Влахернскій, не за это ли оставила ты градъ нашъ? — Сынъ твой и Богъ нашъ не осудилъ жену прелюбодѣйную, не отринуть блудницу, помиловалъ Хананеянку. А къ христіанскимъ женамъ нѣтъ никакой жалости? никакой милости? . .

О, какъ достаетъ у меня силъ говорить о всемъ этомъ? Кто когдалибо терпѣлъ такое злосчастье? Кто когдалибо чаялъ такой напасти? Я, когда услышалъ въ первый разъ, не вѣрилъ долго и суетный, думалъ, что говорящіе мнѣ безумствуютъ, насмѣхаются, богохульствуютъ, вѣщаютъ невозможное, какъ бы кто сказалъ, что сатана со всѣми бѣсами снова вторгся въ небо. . .

О, горькій день, въ который столько бѣдъ приключилось намъ! Да не числится онъ въ дняхъ вѣка! Нѣкогда сердце мое содрогалось, и слезы падали съ рѣсницъ моихъ при слышаніи: какъ отринуты были дѣвы юривыя, уже пришедшія на бракъ. А теперь мое сердце не только содрогается, не только трепещетъ и мѣтеть, но и разрывается, и вся утроба моя терзается отъ крайняго страданія. Да совокупится во едино и вся тварь, и да плачетъ со мною!

Увы! Увы! Христоименный народъ сталъ, какъ дерево, лишенное листьевъ и цвѣта, или, какъ угасшій свѣтъ золотого свѣтильника. Языкъ святой преданъ языкамъ нечестивымъ. Царственное священство уже не царствуетъ христіански. Наши святыни преданы псамъ и бисеръ свиньямъ. Младенцы лишены матерей. Цвѣтъ юности поблекъ. Сановитые старцы поруганы. Непорочныя дѣвы обречены позору. Народъ пожать и потоптанъ. Увы мнѣ! Уже нѣтъ Цареграда великаго. Око вселенной потускло. Жилище музъ разорено. Источникъ мудрости изсякъ. Дивное зеркало разбито. Достославное зрѣлище разметано. Именной градъ, увы! опустошенъ и жалокъ болѣе, нежели бѣдѣйшая вдовица и сирая отроковица. Дивный царь городовъ нынѣ уже рабъ и работникъ потомковъ рабыни Агари. Стыдъ намъ и укоризна, Греки! Народъ, обладавшій вселенною, разрозненъ, разсѣянъ, и сдѣлался странникомъ и пришельцемъ.

О, дщери Цареграда, позоръ горькій испытавшія, прежде же красныя на подобіе храмовъ! Плачьте о себѣ и о чадахъ вашихъ. Плачьте и во всю жизнь рыдайте. Чѣмъ утѣшить васъ: недоумѣваю. Чего пожелать вамъ: не знаю. Не лучше ли вамъ, подобно баснословнымъ женамъ, обращеннымъ въ дерева и камни, молча, проливать со мною вѣчныя слезы? — (Переведено съ греческой рукописи Аѳоно-Иверскаго монастыря.)

Бѣдствія Константинополя предчувствовала великая душа Фотія, пораженная неочи-

даннымъ нашествіемъ Россовъ. Это предчувствіе онъ высказалъ и въ другой бесѣдѣ, говореной имъ въ 867 году, по случаю искорененія ересей. Вотъ слова его: «что касается до поколѣній будущихъ, то время, — думаю, — опять заматорѣеть, или будетъ больное, или потерпитъ что нибудь¹⁾». Великія души прозорливы. По настоящему теченію дѣлъ и событій онѣ предугадываютъ явленія будущности и предрѣкаютъ ихъ, хотя и неясно, но твердо.

Этими словами оканчиваю свой разборъ первыхъ двухъ бесѣдъ Фотія, и начинаю говорить, что нужно, о третьей, предложенной, бесѣдѣ его.

Эту бесѣду Фотію говорилъ съ амвона Софійскаго храма, въ великую субботу, въ присутствіи царя Михаила, по случаю поставленія живописной иконы Богоматери и другихъ святыхъ образовъ въ семь храмѣ, который до этого дня былъ пустъ съ давняго времени по причинѣ иконоборства. Слава Богу, что сохранилось и дошло до насъ это произведеніе пера сего знаменитаго витія. Оно драгоцѣнно во многихъ отношеніяхъ. Это — кладъ для любителей иконописанія и церковной исторіи. Разсмотримъ его.

Святѣйшій Фотію понималъ и чувствовалъ, что *Православіе безъ иконъ урюмо*, (это слова его) и потому всею душою и всемъ сердцемъ возрадовался, когда получилъ согласіе государя Михаила украсить Софійскій храмъ святыми образами. Исполненный этою радостію, онъ взошелъ на амвонъ и началъ говорить: «если бы кто учился молчать во всю жизнь, то въ настоящій день заговорилъ бы по всѣмъ правиламъ витійственнаго искусства.» Сладкозвучно это начало бесѣды его. Я, къ сожалѣнію, не списалъ слѣдующихъ словъ по недостатку времени, которое поглощали у меня многія занятія на Аѳонѣ, ученія и художественныя. Но утѣшимся: невольный пропускъ мой не великъ, и есть что читать далѣе. Читайте сами предложенную бесѣду, а мнѣ позвольте предварительно показать общее содержаніе и особенности ея. — Предъ Фотіемъ и въ виду всѣхъ христіанъ высилась на стоячихъ пальцахъ большая живописная икона Богоматери²⁾; и вотъ онъ на нее-то и обратилъ общее вниманіе, называя ее произведеніемъ Православія и говоря о ней сладкія рѣчи, кои доказываютъ, что икона была написана тогдашнимъ Рафаелемъ. Восхваливъ эту икону, какъ богословъ и какъ художникъ, Фотію воскликнулъ: «смотри, какой красоты лишена была церковь!» и потомъ высказалъ свою радость о возстановленіи иконопочитація въ самыхъ торжественныхъ выраженіяхъ. «Почитаніе иконъ, — говорилъ онъ, — есть блистательное проявленіе ума боговдохновеннаго и искреннѣйшей любви къ Господу. Ихъ изобрѣла эта любовь. Онѣ составляли наилучшее украшеніе невѣсты Христовой, Церкви. Иконоборцы похитили — было это украшеніе ея, съ бешенствомъ усиливаясь погубить и ее самую въ пучинѣ забвенія, обнаженную, безобразную = *ἀμορφον* и покрытую многими язвами, такъ

1) Смотри I отдѣл. 4-й бесѣды.

2) Обычай ставить иконы на такіе пальцы понынѣ сохранился на Аѳонѣ. Такъ онѣ выставляются тамъ въ храмѣ предъ иконостасомъ по правую и лѣвую сторону царскихъ дверей, поодаль отъ нихъ.

что самый храмъ св. Софїи оставался пустъ, въ теченїи немалаго времени, даже послѣ того какъ померкло мудрованіе иконоборной ереси и возсіяли правые догматы. Но теперь невѣста Христова снова преобразуется въ прежнее благолѣпіе свое, и нося все приданое свое, радостная, веселая, весело слышитъ громкій голосъ жениха своего, говорящаго: вся хороша ближняя моя, и недостатка нѣтъ въ ней. . . . Она живописью расцвѣтила истины правой Вѣры, и пѣвцовъ своихъ (Дамаскина, Іосифа, Теофана) превознесла до неба. . . Раны ея зажили. Старинное убранство ея все на ней, какъ на невѣстѣ. . . Это царственное убранство ея описали богодухновенные пророки, Давидъ и Исаїя (приводятся слова ихъ). . . При такомъ торжествѣ и мы, — продолжалъ Фотій, — въ веселїи и радости душевной вѣщаемъ устами пророковъ: «вельми радуйся дщерь Сїона. отъялъ Господь обиды твои . . . возведи окрестъ очи твои и посмотри на собранныхъ чадъ твоихъ . . . радуйся и веселись. ибо вотъ идетъ Господь и водворится у тебя.» Радость сладкорѣчиваго витїи была такъ велика, что онъ не удовольствовался этими пророческими вѣщанїями, но и самъ отъ избытка сердца своего примолвилъ: «что лучше настоящаго дня? что радостнѣе нынѣшняго торжества? Сего дня (въ великую субботу) иное жало вонзено въ сердце смерти не положенїемъ Спасителя въ гробъ, а востанїемъ иконы Матери его изъ самыхъ глубинъ забвенїя и сопоставленїемъ подлѣ нея прочихъ святыхъ образовъ.» — Чувство радости Фотїя о возстановленїи почитанїя иконъ высказалось сполна. Тогда послышалось его ученїе объ иконахъ, какъ о наилучшихъ способахъ наставлять людей вѣрѣ и благочестїю. Онъ говорилъ: «какъ слово посредствомъ слуха, такъ икона посредствомъ зрѣнїя напечатлѣвается въ душахъ и внушаетъ согласное съ Вѣрою наставленїе тѣмъ, которые не заражены ложными догматами. Икона Христа отображаетъ евангельское ученїе о томъ, что Онъ пришелъ во плоти. Иконы мучениковъ впечатлительно представляютъ моленїя, пощенїя и другїя подвиги этихъ блаженныхъ, и любовь ихъ къ Господу, и такимъ образомъ располагаютъ зрителей къ подражанїю. Икона Богородицы, носящей на рукахъ своихъ Творца, какъ младенца, напоминаетъ великое таинство нашего спасенїя.» Вотъ истинно-православное ученїе объ иконахъ! Онѣ, лучше книгъ, усиливаютъ нашу врожденную любовь ко всему божественному, и пособляютъ намъ мысленно возноситься къ тѣмъ Первообразамъ, которые живописаны красками. Нельзя не согласиться въ этомъ съ Фотїемъ, который самымъ опытомъ и устройствомъ нашего тѣла и духа доказывалъ, что пониманїе чего бы то ни было посредствомъ зрѣнїя бываетъ гораздо живѣе того познанїя, которое получается посредствомъ слуха.» — Внушивъ слушателямъ своимъ истинное понятїе о томъ, что такое иконы въ христіанскомъ храмѣ, проповѣдникъ далѣе объяснилъ имъ: что значитъ почитать, или отвергать ихъ, чего домогались иконоборцы, и каковы они. «Кто отвергаетъ иконы и судитъ о нихъ не лучше тѣхъ, которые гоняются за всякою ложью, тотъ послѣдовательно отвергаетъ и ученїе, выражаемое ими: а кто чтитъ и восхваляетъ ихъ съ подобающимъ благоговѣнїемъ, тотъ принимаетъ и это ученїе. Ибо неизбежно воздать честь иконѣ, кольскоро почитается изображенный на ней, или не признавать изображенныхъ, кольскоро попираются самыя иконы, развѣ кто отъ нечестїя пересталъ бы и мыслить здраво, и оставаясь нечестивымъ, противорѣчилъ бы самъ себѣ. И такъ всѣ

презрители св. иконъ уличаются въ томъ, что они не хранятъ и правыхъ догматовъ, но проклиная одно, клянуть и другое.» Достойны вниманія эти слова Фотія. Говоря такъ, онъ намекнулъ на тайное ученіе иконоборцовъ, которые, по свидѣтельству Георгія Амартола, не вѣровали, что Христосъ есть Сынъ Божій, а считали его простымъ человѣкомъ (*ψιλὸν ἄνθρωπον*), Матерь же его запрещали называть Богородицею, молитвы Святыхъ отвергали, на мощи ихъ плевали ¹⁾, а по словамъ святаго патріарха Никифора († 818 год.), скрито отвергали преданіе апостольской и каѳолической Церкви и святые вселенскіе Соборы, возвѣстившіе, что Христосъ Богъ нашъ по плоти есть описуемъ, и повелѣвшіе изображать его въ видѣ человѣка ²⁾. Но не одно тайное ученіе иконоборцевъ обличено было Фотіемъ, а и пронырство и нечестіе ихъ. «Эти люди, — говорилъ онъ — не имѣютъ смѣлости открыто исповѣдовать *свое ученіе* ³⁾, остерегаясь не нечестивать, а казаться нечестивыми, и избѣгаютъ прозвища *καὶ φεύγουσι κλήσιν*, но на самомъ дѣлѣ гоняются за нимъ усердно. У нихъ, отвратительныхъ по пронырству, отвратительнѣйшихъ по нечестію, всѣ вѣтви и всѣ корни испорчены наростами.» Рѣзко обличены были такимъ образомъ иконоборцы въ предостереженіе православныхъ христіанъ отъ ухищреній ихъ. Впрочемъ дѣлъ ихъ не была достигнута; надежда ихъ не исполнилась, а пронырство воспящено было неожиданнымъ для нихъ возстановленіемъ почитанія иконъ и внесеніемъ ихъ въ самый храмъ св. Софій. Посему Фотію, обличивъ ихъ, примолвилъ; «къ нимъ относятся слова Давида: *память нечестивыхъ съ шумомъ гнетъ*: а въ утѣшеніе и ободреніе православныхъ сказалъ: «съ нами же навсегда осталась сія Дѣва (на иконѣ), носящая въ объятіяхъ своихъ Творца, какъ младенца, радость очей, веселіе душъ, осталась не только въ книгахъ, но и въ живописи.» Наконецъ витія молитвенно выразилъ свое желаніе, чтобы и остальные части Софійскаго храма украшены были святыми образами. — Таково общее содержаніе бесѣды. Въ ней выражена радость Фотія о возстановленіи иконопочитанія, предложено здравое ученіе объ иконахъ, обличено тайное ученіе и нечестіе иконоборцовъ, и оглашена безуспѣшность ихъ замысловъ, тогда какъ православнымъ суждено было опять увидѣть святые образа въ Софійскомъ храмѣ.

Показавъ общее содержаніе этой бесѣды, обращаю вниманіе на особенности ея.

1. Замѣчательны слова Фотія: «благодать Дѣвы радуется, воодушевляетъ и укрепляетъ насъ и посредствомъ иконъ.» Онѣ напоминаютъ извѣстное преданіе о томъ, что когда св. евангелистъ Лука написалъ икону Богоматери и представилъ ее Владычицѣ, тогда

1) Εἰς τοσαύτην ἀπόνοιαν ἐξώκειλεν (κωνσταντίνος κοπρωνόμος) ὡς καὶ θεομὸν καθολικὸν ἐκθέσθαι μὴ λέγεσθαι τίνα τὸ παράπαν ἅγιον, ἀλλὰ καὶ τὰ λειψάνα τούτων εὐρισκόμενα διαπτύεσθαι, καὶ μηδὲ προσβεῖαν αὐτῶν ἐξαιτεῖν οὐδὲν γὰρ ἰσχύουσιν, μηδὲ τὴν τῆς Μαρίας ἐπικαλεῖσθαι τις προσβεῖαν, οὐ γὰρ δύναται τι, μηδὲ θεοτόκον αὐτὴν ὀνομάζεσθαι. — Ἀναστάσιος ὁ πατριάρχης κρατήρας τὰ τίμα ξύλα ὤμοσεν ἐν τῷ ἄμβωνι ἐστῶς, ὅτι «μὰ τὸν προσηλωθέντα ἐν ταῦτοις, οὕτως μοι εἶπε Κωνσταντίνος ὁ βασιλεὺς, ἔτι μὴ λογίσῃ υἱὸν θεοῦ εἶναι τὸν χριστὸν, ὃν ἔτεκεν ἡ Μαρία, εἰ μὴ ψιλὸν ἄνθρωπον, ὡς ἔτεκε με ἡ μητὴρ μου Μαρία.» Καὶ τοῦτο ἀκούσαντες οἱ λαοὶ, ἀναθεμάτισαν αὐτὸν. Chronic. Georgii Petropoli. 1861. pag. 643—645.

2) Историч. ученіе объ Отцахъ Церкви Филарета архіеп. Чернигов. Томъ III, стран. 280—1. С. П. Б. 1859 г.

3) θάρρος οὐκ ἔχουσι ὁμολογεῖν ὃ δοξάζουσι.

она сказала: «благодать родившагося отъ меня *ради меня* да будетъ съ нею¹⁾». Это изреченіе ея звучитъ въ оныхъ словахъ Фотія, который, какъ надобно полагать, зналъ сіе преданіе такъ же твердо, какъ современникъ его, монахъ Михаилъ, написавшій житіе св. Теодора Студита († 826 г.) твердо зналъ, что св. евангелистъ Лука написалъ образъ Господа Иисуса Христа²⁾.

2. Фотіево описаніе той иконы Богоматери, которая поставлена была въ Софійскомъ храмѣ въ первый разъ послѣ искорененія иконоборной ереси, доказываетъ, что эта икона была произведеніе какого-то вдохновеннаго живописца, который вѣрно и искусно отобразилъ на ней христіанское ученіе о Богоматери. Онъ написалъ Владычицу, не какъ Дѣву, или Матерь, а какъ Дѣво-Матерь, написалъ такъ, что она, по словамъ Фотія, «*страстно* (нѣжно) смотрѣла на Рожденнаго, а по причинѣ *безстрастнаго* и сверхъестественнаго рождества выражала въ лицѣ своемъ невозмутимое и спокойное состояніе ангельской души своей. Уста ея были сжаты и умолкли отъ какой-то тайны, но обрисованы были такъ живо, какъ будто она готова была отвѣчать на вопросъ: какъ же ты дѣвствуешь, когда родила? Ни одна неправильная черта не портила красоты цѣлаго лика. Въ немъ невидно было никакой искусственной прикрасы: напротивъ онъ былъ, какъ бы живой первообразъ.» Изъ всѣхъ этихъ словъ видно вотъ что. 1) Византійское иконописаніе, ранѣе девятаго вѣка Фотія и прежде иконоборства, было вовсе не такое, какимъ мы воображаемъ его: оно подражало природѣ. Фотій положительно сказалъ о живописцѣ, что онъ вдохновенъ былъ свыше и *вѣрно подражалъ природѣ*. ὑπέκρισις ἄρα τῆς ἀνώτερον ἐπιπνοίας ἢ ζωγράφου τέχνη. οὕτως ἀκριβῶς εἰς φῶσιν τῆν μίμησιν ἔστῃκε. Выслушавъ эти слова изъ устъ точнаго вѣдѣнаго, простимся навсегда съ своимъ невѣрнымъ мнѣніемъ о Византійской живописи, и будемъ говорить и писать, что она, во время оно, была подражаніе природѣ. 2) Древнѣйшіе Византійскіе иконописцы хорошо понимали и искусно отображали красками догматическое ученіе о Богоматери, что она есть Дѣва и вмѣстѣ Матерь, и что она родила І. Христа сверхъестественно, и не постигая этой величайшей тайны Бога, благоговѣла предъ нею. При такомъ пониманіи сего догмата они все стараніе и все искусство свое употребляли на то, чтобы въ живописномъ ликѣ пресвятой Маріи уравнять выраженіе дѣвственности и материнства, дабы видна была Дѣво-Матерь, а не Дѣва или Матерь, и для этого во взрѣ ея выражали нѣжность Матери, и отчасти невѣстность, а во всемъ лицѣ невозмутимое спокойствіе Дѣвы, въ устахъ же ея то и другое, придавая имъ сжатость, въ знакъ благоговѣнія ея предъ тайною Бога, и изящную естественность для показанія ея матеродѣвственности. Такимъ образомъ подъ кистію ихъ являлось достойное подражаніе сочетаніе двойкой правды, богословской и художественной. Этого сочетанія надобно требовать и отъ нашихъ иконописцовъ, которые, обыкновенно, пишутъ либо Дѣву, либо Матерь, но не Дѣво-Матерь. Пусть они изображаютъ намъ Царицу

1) Извлечено изъ рукописи Ааонопантелеймоновскаго монастыря о церковной живописи. Эта рукопись 18 вѣка переведена мною, и будетъ издана въ свѣтъ, когда Богъ велитъ.

2) Vita Theodor. Studit in opp. V, 44. edit. Sirmondi.

небесную такъ, какъ описалъ ее Фотій. Сходный съ описаніемъ его Византійскій образецъ для нихъ сохранился въ Римѣ. Тамъ я видѣлъ его въ Космединской церкви, построенной папою Діонисіемъ I въ 271 году, и перестроенной папою Адріаномъ I въ 772 году. Тутъ надъ престоломъ водружена прекрасная икона Богоматери, написанная на дскѣ немного ранѣе 431 года, и принесенная изъ Константинополя въ Римъ греческими монахами во время иконоборства, начавшагося въ 726 году. «На этой иконѣ, по отзывамъ Римскихъ профессоровъ живописи, Иосифа Геззи, Бонавентуры Ламберти, Иоанна Моранди и Иосифа Кіари, лице Богоматери написано такъ совершенно, такъ величественно и такъ божественно, что возбуждаетъ изумленіе; оно выше всякаго искусства человѣческаго (*superata anche ogni arte umana*); *въ немъ соединено дивно величіе Дѣвы и вѣсть Матери*, такъ что не найдешь его ни въ одной земной женѣ¹⁾.» А въ моей путевой книгѣ у самаго престола Космединской церкви записано вотъ что. «Чело Богоматери открыто и высоко; правильныя брови ея тонки и длинны; глаза велики, круглы и отменно хороши; носъ прямъ и весьма правиленъ; ланиты полны и румяны; уста написаны въ видѣ лука (стрѣлезнаго); вся часть подъ нижнюю губою кругла и соразмѣрна съ лицомъ такъ же округлымъ; шея длинна, персты длинны. . . Бѣлое лице Богоматери дивно-величественно и прекрасно. Въ очахъ ея выражена материнская нѣжность, благоговѣніе, умиленіе, а въ устахъ пріятнѣйшая сладость дѣвственной невинности. Головка ея, какъ Матери, слегка наклонена къ божественному Младенцу, возсѣдающему на лѣвой ручкѣ ея. А онъ написанъ превосходно. Бѣлое личико его кругло, полно, румяно, нѣжно; за головкою сіяетъ крестъ; густыя, кудреватые, темнорусые волоски его пущены за плечики; изъ-подъ нихъ едва видно ушко; чело открыто и высоко, брови тонки, глаза круглы и черны, носикъ прямъ и весьма правиленъ, но не тонокъ, однако соразмѣренъ съ личикомъ и миловиденъ, уста въ видѣ лука прекрасны, губки тонки, бородочка мала, подбородочекъ нѣженъ; лѣвая ручка его, обнаженная съ плечика, полна и нѣжна; ею онъ поддерживаетъ шаръ съ крестикомъ, а правую ручкою *повелѣваетъ*, поднявъ два перста, указательный и средний, и поджавъ прочіе: я говорю, *повелѣваетъ*, а не благословляетъ, потому что онъ изображенъ, какъ Господь Вседержитель, а не какъ первосвященникъ; ножки его такъ хороши, что цѣловалъ бы ихъ вѣчно. Вотъ икона древнѣйшаго Византійскаго письма! Вотъ образецъ совершенства! Вотъ чудо искусства! Космединскую икону Богоматери и ту, которую описалъ Фотій, я считаю произведеніемъ если не одной кисти, то одной школы Константинопольской, которая подражала природѣ, идеализируя ее согласно съ христіанскимъ догматомъ.

3. Фотій, восхваливъ поставленную икону Богоматери, воскликнулъ: смотри, какой красоты лишена была церковь: а спустя немного сказалъ, что эта икона *востала изъ са-мыя глубинъ забвенія* (τῆς μητρικῆς εἰκόνης ἀπ' αὐτῶν τῆς λήθης πυρμένων ἀνισταμένης). Изъ этихъ словъ его видно, что тогда она не вновь написана была, а только внесена въ

1) Notizie storiche dell' antichissima e miracolosa immagine della B-ma Vergine che si venera nell' insigne Basilica di S. Maria in Cosmedin. Roma. 1851.

Софійскій храмъ изъ какого-то потаеннаго мѣста, гдѣ хранилась во все время иконоборства, продолжавшагося съ 726 года до святительства Фотія (857 г.), такъ что многіе и забыли о ней.

4. Фотій радовался о возстановленіи иконопочитанія въ дни свои: а я радуюсь тому, что до насъ дошла бесѣда его объ этомъ предметѣ. Ибо въ ней, кромѣ описанія дивно-художественной иконы Богоматери, перемѣняющаго понятія наши о древней Византійской живописи, упоминается та *ἀνάστυλις* второе до сей поры было неизвѣстно церковнымъ историкамъ. Кто изъ нихъ зналъ, что въ Софійскомъ храмѣ не было ни одной иконы до Фотія? Кто изъ нихъ говорилъ, что этому храму не дано было право поставленія иконъ даже послѣ того, какъ померкло мудрованіе иконоборцовъ? Никто. Но такъ это было. О семъ повѣдалъ Фотій, который самъ разставлялъ тутъ святыя образа наканунѣ Пасхи и говорилъ проповѣдь по этому случаю. Вникнемъ же въ сказаніе его объ этомъ событіи, которое теперь надобно внести въ церковную исторію. Онъ говорилъ: «настоящій день если бы кто называлъ началомъ и днемъ православія, дабы не сказать полновѣснаго, тотъ не погрѣшилъ бы въ должномъ. Ибо хотя и не короткое время прошло съ той поры, когда померкло мудрованіе иконоборной ереси, и когда во всѣхъ концахъ вселенной возсіяли правыя догматы, возженные по царскому повелѣнію: — *мое и это украшеніе, а подвигъ боголюбезной Державы*: — но это око вселенной, этотъ знаменитый и божественный храмъ, въ которомъ изглажены были священныя изображенія, еще угрюмъ былъ, потому что еще не получилъ права возстановленія иконъ (*τῆς γὰρ εἰκονοσυρηγῆς ἀναστῆλωσεως οὕτω ἀπελήθει τὸ δικαίωμα*), и входящихъ въ него поражалъ блѣдною пустотою облицовки, а отъ этого и православіе казалось угрюмымъ. А теперь невѣста Христова украсилась всеми убранствами своими.» Полновѣсное сказаніе! Въ немъ изложены два событія, 1) торжество православія надъ иконоборною ересью, и 2) внесеніе иконъ въ храмъ святой Софїи, и упомянуто, что между тѣмъ и другимъ событіемъ прошло некороткое время. Какъ же опредѣлить это время? Въ какомъ году поставлены были иконы въ сказанномъ храмѣ, а Фотіемъ произнесена бесѣда по этому случаю, и за сколько лѣтъ предъ тѣмъ померкло иконоборство и возсіяли правыя догматы? Я полагаю, что Софійскому храму дано было право возстановленія иконъ въ 867 году, и что тогда же Фотій въ великую субботу говорилъ бесѣду по этому случаю, а полагаю такъ, имѣя твердое основаніе. Вотъ оно. Въ заключеніи этой бесѣды сказано: «сподоби (Господи) получившихъ отъ тебя царство на землѣ украшать прочія части сего храма святыми образами.» Тутъ, явно, разумѣются два современные Фотію царя, именно, Михаилъ и соцарствовавшій съ нимъ Василій Македонскій, а не мать Михаила, Феодора, потому что во время патріаршества Фотія она уже не управляла государствомъ, и потому не могла быть подразумѣваема проповѣдникомъ. А Василій провозглашенъ былъ царемъ въ 866 году послѣ пасхи въ день пятидесятницы, въ сентябрѣ же 867 года ¹⁾ Михаилъ скончался; слѣдовательно Фотій въ великую субботу говорилъ бесѣду въ присутствіи его въ 867 году, когда съ нимъ

1) а по церковному счисленію 868-го сентябрьскаго года.

соцарствовать Василій: поелику же тогда великая суббота приходилась 29 марта, то и называется, что право возстановленія иконъ дано было Софійскому храму предъ этимъ днемъ, который Фотій назвалъ началомъ и днемъ православія. До этого дня, по увѣренію его, прошло не короткое время съ той поры, когда померкла иконоборная ересь и возсіяли правые догматы по царскому повелѣнію. Откуда же начать счетъ сего времени? Нельзя начать его съ седьмаго вселенскаго Собора, узаконившаго почитать св. иконы въ 787 году, потому что иконоборство не прекратилось съ этой поры, и продолжалось даже при царѣ Теофилѣ, который скончался въ 840 году. Нельзя начать его и съ учрежденія праздника православія при царицѣ Теодорѣ въ 841 году, потому что во время управленія ея государствомъ съ 840 года по 854-й было еще много сильныхъ иконоборцовъ, которыхъ Фотій назвалъ отвратительными по пронырству и отвратительнѣйшими по нечестію ¹⁾. Итакъ остается только то время, которое протекло отъ начала святительства сего патріарха въ 857 году до великой субботы 867 года. Эти десять лѣтъ и составляютъ искомое время некороткое, въ теченіи котораго Софійскій храмъ не получалъ права возстановленія иконъ послѣ уничтоженія ереси иконоборцовъ. Въ началѣ сего времени, либо въ 857 году либо въ слѣдующемъ, померкло мудрованіе этой ереси и возсіяли правые догматы по повелѣнію царя Михаила при содѣйствіи Фотія, какъ это доказываютъ слова самаго витія: «*мое и это украшеніе, а подвигъ боголюбезной Державы:*» а спустя десять лѣтъ явились и иконы въ сказанномъ храмѣ, но не многіе, потому что полное украшеніе его святыми образами предоставлено было времени, какъ это видно изъ заключенія бесѣды Фотія. — По соображеніи всѣхъ этихъ обстоятельствъ, надобно внести ихъ въ исторію Церкви въ слѣдующемъ порядкѣ времени. Въ 726 году началось иконоборство и явно продолжалось до смерти иконоборнаго царя Теофила, скончавшагося въ 840 году, а съ этой поры до 857 года дѣйствовало хотя и не открыто, но такъ сильно, что даже послѣ праздника православія и возстановленія честныхъ иконъ, при царицѣ Теодорѣ, Софійскій храмъ оставался пустъ во все время несовершеннолѣтія Михаила III; когда же Фотій провозглашенъ былъ патріархомъ въ 857 году, тогда при содѣйствіи его обнародовано было повелѣніе сего государя, уже совершеннолѣтняго и единовластнаго, повелѣніе, которымъ иконоборство оглашено было, какъ ересь, а иконопочитаніе, какъ правый догматъ. Это важное дѣяніе Фотій приписалъ царю, а о себѣ по скромности сказалъ только, что оно послужило украшеніемъ его патріаршества. Но и послѣ этого дѣянія Софійскій храмъ еще не получалъ права возстановленія иконъ въ теченіи десяти лѣтъ, безъ сомнѣнія, по государственной осторожности, выкидавшей смерти многихъ послѣдѣлыхъ головщиковъ иконоборства, и по умному расчету самаго Фотія, который сперва старался

1) Въ числѣ ихъ, по словамъ самой Теодоры, были многіе сановники изъ Синклита (Сената), служащіе чиновники, даже митрополиты, и самъ патріархъ (Іоаннъ Леканомантъ). Θεοδώρα, ἐπεὶ περὶ τῆς ὀρθοδοξίας ἤκουσε, «*τοῦτο, εἶπη, καὶ δι' ἐπιθυμίας ἦγον αἰεὶ καὶ μελετῶσα διέλειπον οὐδαμῶς. ἀλλ' ἢ τῶν πολλῶν συγκλητικῶν καὶ τῶν ἐν τέλει τῇ τοιαύτῃ προσανακειμένων αἰρέσει: πληθὺς ἐκώλυεν ἄχρι τῆς σήμερον, οὐχ' ἕτερον δὲ καὶ οἱ τῆς ἐκκλησίας ὑπερμαχοῦντες μητροπολίται, καὶ μάλιστα ὁ πατριάρχης.*» — Theophanis continuati L. IV, pag. 149. Editio. Bonnae 1838 an.

утвердить въ умахъ правое ученіе Церкви объ иконопочитаніи, утвердить посланіями и тѣми публичными уроками, которые онъ, будучи патріархомъ, преподавалъ многимъ въ Царьградѣ, потомъ, когда увидѣлъ общее расположеніе къ древнему православію, освятившему иконопочитаніе, внесъ въ Софійскій храмъ и святыя образа вмѣстѣ съ дивнохудожественною иконою Богоматери, которая до того времени хранилась гдѣ-то въ потаенномъ мѣстѣ. Умно же онъ велъ все это дѣло: сперва выгѣснилъ ложное ученіе иконоборцовъ истиннымъ ученіемъ Церкви, а потомъ ввелъ и обрядъ иконопочитанія, какъ наилучшій способъ учить простыхъ людей вѣрѣ и благочестію посредствомъ живописныхъ иконъ. Вѣчная память Фотію, ревнителю древняго православія и возстановителю иконопочитанія! Вѣчная память и православному царямъ Михаилу и Василию, украсившимъ Софійскій храмъ святыми образами, безъ которыхъ православіе угрюмо.

Конченъ мой разборъ третьей бесѣды Фотія. Остается мнѣ показать содержаніе четвертой бесѣды и особенности ея. Приступаю и къ этому труду, заранѣе радуясь тому, что мнѣ суждено оповѣстить другое важнѣйшее событіе, котораго до сей поры не знали всѣ историки.

Четвертая, предложенная, бесѣда говорена была Фотіемъ съ амвона въ храмъ святой Софіи, когда Константинопольскіе граждане воздвигли колонну съ надписью въ честь государей своихъ Михаила и Василя, которыхъ умѣніемъ и усердіемъ обращены были въ православіе всѣ еретики и идолопоклонники во всемъ царствѣ ихъ. День былъ торжественный, радостный, священный. Такому дню приличествовало слово краснорѣчивое и, по обычаю Грековъ, *столбовое* (λόγος στηλῶντιμός), которое возвѣщаетъ болѣе громадность событій и величіе дѣяній, нежели блистательныя качества дѣятелей. Такое слово произнесъ Фотій. Оно весьма полноვნно и богато историческимъ содержаніемъ своимъ. Посему я, не стѣсня свободы читающихъ его, рѣшаюсь изложить свое разсужденіе о немъ, и во первыхъ показываю составныя части его, во вторыхъ опредѣляю время, когда оно произнесено было, въ третьихъ поясняю тѣ выраженія, которыя не всякій можетъ понять, и наконецъ обобщаю всѣ новыя свѣдѣнія, какія оно даетъ намъ.

1. — Торжество православія, покорившаго себѣ всѣ ереси во всемъ тогдашнемъ Византійскомъ государствѣ, было чрезвычайное событіе въ вѣкъ Фотія. Чѣмъ менѣе онъ ожидалъ его отъ своего времени, тѣмъ болѣе возрадовался, и бесѣду свою началъ прославленіемъ сего времени. А прославлено оно краснорѣчиво. Слушаешь славу ему и чувствуешь, что ее изрѣкалъ витія восточный, настроившій рѣчь свою по образцамъ твореній древле-еллинскихъ. Онъ представилъ вѣкъ свой въ видѣ жены, которая давно не раждала, и вдругъ принесла дивнопрекрасное дѣтище и вскормила его своею грудью. Вотъ начало бесѣды его, сокращенное мною въ избѣжаніе повтореній. «Заматорѣвшее время уже давно не мучилось

новыми родами, и только лелѣяло прежнія порожденія свои, будучи не въ силахъ помолодѣть и произвести что либо славное, кругомъ вращая одно и то же, и хвалясь тѣмъ, что не разъ было пересчитано и потеряло свою цвѣтущую юность и прелесть. Но теперь у него есть мужъ, могучій производитель событій боголюбезныхъ и великихъ¹⁾; и вотъ, опять оно красуется своими родами, какъ молодца, и даетъ плодъ царственный, вседобротный, котораго красота цвѣтетъ подъ освѣщеніемъ Истины. Если бы приглашены были витіи, умѣющіе сильнымъ краснорѣчіемъ выражать величіе событій; то пылъ и свѣжесть настоящаго времени все-таки остались бы при немъ. Посему и я желалъ бы молчать и не унижать неизреченнаго величія дѣлъ слабымъ словомъ моимъ. Впрочемъ когда присущи событія, и когда всѣ, сами, понимаютъ благознаменитость дѣяній, тогда, думаю, не великъ будетъ ущербъ, ежели слово окажется ниже своего предмета.» Такимъ началомъ бесѣды своей Фотій съ перваго раза далъ знать, что совершилось что-то новое и чрезвычайное, но не политическое, и не въ области вѣдѣнія, или искусствъ человѣческихъ, а *боголюбезное и цвѣтущее подъ освѣщеніемъ Истины*, слѣдовательно въ области Вѣры и Церкви, и потому далѣе сказалъ, что хотя и славны многіе подвиги царя Михаила, но онъ не намѣренъ говорить ни о разсудительности и сильной волѣ, ни о благосклонности и щедрости его, ни о той заботливости, съ какою онъ украсилъ церкви святыми образами, а предложить слово лишь о томъ, въ чемъ выразилось истинное благочестіе и вмѣстѣ великая ревность. Послѣ этого предложенія логически слѣдовало ему говорить либо о торжествѣ православія надъ ересями, либо о лицахъ, подготовившихъ это чрезвычайное событіе, либо о томъ и другомъ. Уму Фотія представилось то и другое съ равнымъ правомъ на первенство; и онъ послѣ минутнаго колебанія въ выборѣ того или другаго предмета бесѣды рѣшился говорить и о радостномъ для Церкви событій и о виновникахъ его, и говорилъ такъ, что возвеличилъ не столько дѣйствовавшія лица, сколько священное дѣло ихъ. Такъ какъ два царя, съ помощію государственнаго Совеѣта и военнаго начальства, совершили благотворное дѣло искорененія всѣхъ ересей, Михаилъ и Василій; то онъ, бесѣдуя объ ихъ участіи въ этомъ дѣлѣ, возвеличилъ ихъ обоихъ, но порознь. Посему и бесѣда его раздѣлена на двѣ части. Въ первой повѣдано исполненіе этого дѣла Михаиломъ къ великой радости Церкви, а во второй открыты помыслы содѣйствовавшаго ему Василю и ихъ мирное осуществленіе при посредствѣ многихъ сподвижниковъ.

Фотій, раздѣляя радость Церкви объ искорененіи всѣхъ ересей, говорилъ: —

«Вельми радуйся дщерь Сіона. . Отгяль Господь обиды твои. . Вотъ возлюбленный сынъ твой (Михаилъ) не одного врага твоего, и не начальника одной, или многихъ ересей, но всѣ полчища враждебныя съ ихъ вождями представилъ тебѣ, какъ добычу. Возведи окрестъ очи твои, и посмотри на собранныхъ чадъ твоихъ, которыхъ разсѣяли еретики и раскольники. Веселись и радуйся всѣмъ сердцемъ твоимъ.

1) Подъ этимъ мужемъ Фотій разумѣлъ царя Михаила, но не отдѣлялъ отъ него и Василю Македонскаго, представляя ихъ обоихъ единомысленною двоцею. Это доказываетъ вся бесѣда его.

Православіе торжествуетъ.

(Слова Фотія.)

Сынъ проповѣдуется единосущный отцу.

Духъ совѣщается съ ними въ едино Божество.

Слово, пріявшее плоть отъ Дѣвы для общаго спасенія и возсозданія человѣческаго рода, не отдѣляется отъ существа человѣческаго.

Два естества въ немъ сохраняютъ неслитность,

и то и другое обнаруживается свойственнымъ каждому дѣйствованіемъ.

Переселеніе душъ уже не проповѣдуется.

Басни не помогаютъ бѣсамъ вспрыгнуть на ту высоту, съ которой низпали они по злой волѣ своей.

И самъ Христосъ уже не осмѣивается и не порицается поддѣльными хвалами.

Ни одно нечестивое ученіе уже не появится дерзновенно. Ибо побѣдоносный Перворатоборець нашъ письменнымъ Вѣроисповѣданіемъ своимъ, какъ богокованнымъ копьемъ, поразилъ самыя внутренности ересей . . . и онѣ лишены послѣднихъ надеждъ своихъ.

Ересей уже нѣтъ.

(Мои поясненія.)

— Арианство, отрицавшее это единосущіе его, исчезло.

— Ересь Македоніанъ, признававшихъ Духа святаго только силою Божіею, искоренена.

— Ересь Несторіанъ, отдѣлявшихъ во Христѣ божеское естество отъ человѣческаго, погибла.

— Лжеученіе Евтихіанъ, сливавшихъ два естества во Христѣ въ одно, не слышно.

— Мудрованіе Моноелитовъ, признававшихъ одну волю и одно дѣйствованіе во Христѣ, отвержено.

— Пнеагорейцы и Манихеи умолкли.

— Мифологія, выдуманная бѣсами, осталась въ одномъ воспоминаніи; и боговъ, богинь, героевъ, нимфъ, идоловъ, уже никто не почитаетъ, (хотя еще въ дни патріарха Игнатія, которому преемникомъ былъ Фотій, въ Константинополѣ находились идолопоклонники, съ которыми прилучилось ему сидѣть въ темницѣ.)

— Нѣтъ болѣе иконоборцовъ, которые, какъ тутъ же сказалъ Фотій, злились на икону Христа, а его дивословили (прославляли какими-то напыщенными и странными пѣснопѣніями), ее разбивали, а его почитали, и такимъ образомъ бѣсились бѣшенствомъ двойнымъ.

— Благовѣрный царь Михаилъ написалъ исповѣданіе православной Вѣры, и обнаруживавъ оное, объявилъ эту Вѣру господствующею, единою и единственною въ государствѣ. Посему еретики и во снѣ не увидятъ возрожденія своихъ лжеученій.

*

Повѣдавъ такое радостнѣйшее торжество Православія, Фотій сказалъ нѣсколько словъ въ похвалу царя Михаила, побѣдившаго грозныя (sic) ереси, и заключилъ первую часть бесѣды выраженіемъ своего выспрежняго воззрѣнія на то величайшее благо для вселенной, которое проистекаетъ отъ единства Вѣры и Церкви. «Эта побѣда, — говорилъ онъ, — всю вселенную, какую только увѣнчиваетъ законъ христіанскій, освобождаетъ отъ раздраженія, предупреждаетъ многія бѣдствія, и всѣмъ струитъ обильные потоки радости и веселія. Ибо вездѣ видится одно согласіе, одно исповѣданіе Вѣры, и одна католическая Церковь, распространяющаяся во всѣ концы земли.»

Обращеніе всѣхъ еретиковъ въ Православіе, увеличившихъ собою полноту единой Церкви Христовой, было событіе чрезвычайное. Чѣмъ менѣе можно было ожидать его по человѣческому расчету, потому что еретики были сильны и даже грозны; тѣмъ яснѣе видѣнь былъ въ немъ перстъ Божій, тотъ перстъ, который указываетъ потребнаго мужа, какъ начинателя новыхъ судебъ лучшей части человѣческаго рода. Этотъ перстъ видѣлъ Фотій: видѣлъ и этого начинателя, назвалъ его по имени, и повѣдалъ о немъ, что онъ исполнилъ волю Бога, какъ мужъ наученный свыше, и поощренный къ великому дѣлу святымъ апостоломъ Петромъ. Созерцаніе, или лучше, душевное ощущеніе дѣйствія Божія въ такомъ событіи, каково обращеніе всѣхъ еретиковъ въ православіе, и радость объ этомъ событіи, придали рѣчи сего витія оборотъ, складъ и тонъ особенный. Въ упоеніи духовнымъ веселіемъ онъ говорилъ: «горы да кашлютъ сладость, и холмы веселіе! Ибо челолюбивыми очами призрѣлъ Господь на народъ свой, воздвигнувъ и возвысивъ Василія, дѣйствительную силу державы, Василія возлюбленнаго сына своего; да и онъ, — съ восторгомъ говорю, — все то, чему надлежало быть по волѣ Отца небеснаго, понялъ и принялъ, какъ свой жребій.» Сказавъ эти слова, Фотій какъ бы увидѣлъ предъ собою царя Василія, понявшаго свое предназначеніе и дѣло, и началъ спрашивать: кто умудрилъ его, и кто поощрилъ къ совершенію новаго и великаго дѣла? и самъ же отвѣтилъ на эти два вопроса. Вотъ вкратцѣ вопросительно-отвѣтная рѣчь его обращенная къ сему государю. «Вселенскіе Соборы пользовались прежними преданіями и ученіями: ты же, защитникъ благочестія, чей примѣръ имѣлъ въ виду, когда совершалъ новое и священное дѣло? Какого нашель ты учителя? . . . Явно, что тайнымъ наставникомъ твоимъ въ совершеніи сей службы былъ самъ Господь, который въ евангеліи сказалъ: всякаго, кто исповѣдаетъ меня предъ челолюбивыми, и я исповѣдую предъ отцемъ моимъ небеснымъ. . . . Да и совѣтникомъ тебѣ былъ тотъ, кого сама Истина (I. X.) назвала камнемъ и основаніемъ Вѣры, Петръ верховный ученикъ ея. Онъ внушилъ тебѣ быть готовымъ дать отвѣтъ всякому, требующему отчета въ чистотѣ неподдѣльной вѣры твоей¹⁾. А ты принялъ совѣтъ его всѣмъ разумѣніемъ твоимъ, и тотчасъ осуществилъ его, написавъ и провозгласивъ правое Вѣроисповѣданіе, и всѣ ереси шугнувъ на насѣсть ада. Это дѣяніе твое настолько превосходитъ всѣ прочія царскія заботы, насколько душа превосходитъ тѣло, солнце луну, умозрѣніе чувственныхъ понятія. Посему теперь всякому

1) 1 Петр. 3, 15.

языку есть что говорить о твоей доблести.» Всѣ эти слова Фотія — не слова, а лучи свѣта, сгущенные вокругъ головы царя Василія. Озаривъ его такимъ небеснымъ сіяніемъ, витія превознесъ этого избранника Божія выше Моисея, Финееса и Давида, въ томъ отношеніи, что тѣ спасали народъ свой отъ идолопоклонства, опасностей и враговъ, не безъ пролитія крови одноплеменниковъ своихъ и не надолго, а онъ избавилъ подданныхъ своихъ отъ лжеученія еретиковъ и отъ душевной гибели, избавилъ мирно, и навсегда даровалъ Церкви единомудріе и единомысліе: [что и понынѣ продолжается у Грековъ, между которыми нѣтъ ни еретиковъ, ни раскольниковъ.] Этою похвалою царю Василію окончена вторая часть бесѣды Фотія, за которою непосредственно слѣдуетъ заключеніе ея весьма замѣчательное. Краснорѣчивый патріархъ, подъ конецъ, восхвалилъ и ублажилъ согражданъ, патрициевъ и военачальниковъ, первыхъ за то, что они воздвигли памятникъ въ честь царей Михаила и Василія, а вторыхъ и третьихъ за ихъ ревностное содѣйствіе въ такомъ богоугодномъ дѣлѣ, каково искорененіе всѣхъ ересей во всемъ государствѣ. По такому ходу рѣчи слѣдовало ожидать отъ него похвалъ и архіереямъ и священникамъ, если они участвовали въ этомъ дѣлѣ; но не то сказалъ правдивый Фотій. Послушаемъ его. «Блаженны и вы, патриціи и военачальники, ратовавшіе противъ такихъ и столькихъ ересей, и совершившіе богоугодные подвиги! А вы, священный ликъ іереевъ и архіереевъ, почто такъ, *молча*, стали (здѣсь), и какъ бы *перелитые* необычайною радостію, уподобились пораженнымъ и изумленнымъ, вперивъ взоры и мысли ваши въ самый блескъ дѣяній? Вѣдь тѣ, которые умѣютъ владѣть собою, умѣютъ и уравновѣснить великую печаль и великую радость. Проговорите же достойно торжества и съ богоотцемъ Давидомъ скажите слово громовое и молніеносное: напрягись и успѣвай достолюбимая двоица царей, и царствуй ради истины кротко и правосудно.» — Изъ этихъ словъ видно, что тогдашніе іереи и архіереи сильно печалились о томъ, что много было еретиковъ, но молчали и бездѣйствовали, и что даже и тогда, когда совершилось обращеніе ихъ въ Православіе, они не произнесли ни одного похвального слова, и молчаливые (*σιγῶντες*) пришли въ храмъ св. Софїи, хотя и обрадованы и изумлены были этимъ блистательнымъ дѣяніемъ. Надлежало бы имъ по крайней мѣрѣ *говорить и говорить* въ избыткѣ радости, говорить столь много и долго, сколь много и долго молчали прежде, и такимъ алгебраическимъ уравненіемъ говорливости и молчаливости доказать, что они умѣли владѣть собою; но не то было. Когда еретиковъ было много: они горевали и молчали. Когда еретиковъ не стало: они радовались, но опять молчали. Гдѣ же тутъ уравненіе печали и радости ихъ? Гдѣ говорливость отъ избытка сердца? Гдѣ умѣнье владѣть собою? И что это значитъ? Ужъ не трудненько ли было имъ говорить о томъ, что совершилось безъ ихъ участія? Должно быть такъ. О Фотій! Люблю я твою правду. Сладко мнѣ краснорѣчіе твое. Оно — манна съ неба.

II. — Бесѣда сего витія о торжествѣ Православія надъ ересями говорена была въ 867 году, если не въ день памяти верховнаго апостола Петра (29 Іюня), который упомянуть въ ней, то не много позже. Такъ опредѣляю я время это по слѣдующимъ соображеніямъ. Въ 866 году 26 мая вѣнчанъ былъ на царство Василій Македонскій. Но не вдругъ же онъ

могъ вмѣстѣ съ Михаиломъ совершить такое трудное дѣло, каково искорененіе всѣхъ ересей, кои тогда были грозны. По словамъ Фотія, оно было *слѣдствіемъ меткости соображеній, совѣтовъ и исполненій дѣйствовавшихъ лицъ*¹⁾; и такъ прошелъ покрайней мѣрѣ годъ въ однѣхъ приготовленіяхъ и распоряженіяхъ, дававшихъ ускоренный ходъ сему дѣлу во всемъ государствѣ. Но надобно же прибавить къ этому году два, или вѣрнѣе три мѣсяца, для постановки памятника двумъ государямъ, и для обнародованія ихъ вѣроисповѣданія; а если надобно, то и окажется, что Фотій, по случаю торжества Православія надъ ересями, говорилъ бесѣду въ концѣ августа 867 года. Отнести сіе торжество къ сентябрю мѣсяцу этого же года я затрудняюсь потому, что въ этотъ мѣсяцъ дозрѣвалъ заговоръ противъ царя Михаила, который и умерщвленъ былъ тогда ночью подъ 24 день. Такой расчетъ времени, сдѣланный мною, приметъ всякій, кто только привыкъ судить о ходѣ событій такъ, какъ велитъ логика ихъ.

III. — Фотій говорилъ бесѣду Грекамъ, приспособляясь къ ихъ обычаямъ и повѣрьямъ и употребляя такія выраженія, какихъ мы теперь избѣгаемъ. Посему нѣкоторыя изреченія его не всякому понятны и требуютъ поясненій.

Въ началѣ четвертаго отдѣленія бесѣды сказано: «Ты видишь: какія новыя, хорошія и блестящія златицы съ *большою лихвою* далъ онъ тебѣ, какъ кормилицѣ.» Тутъ подъ златицами и лихвою ихъ разумѣются обращенные въ православіе *весьма многіе* еретики, а подъ кормилицею Каѳолическая церковь. Такое сравненіе занято изъ житейскаго быта. Какъ отецъ семейства давалъ золото кормилицѣ съ условіемъ, чтобы она грудью кормила новорожденное дѣтище его: такъ царь Михаилъ, вмѣсто золота, вручилъ церкви новообращенныхъ въ православіе, для того, чтобы она вмѣстѣ съ чадами своими напитала ихъ истиною. Благопристойно — данное Фотіемъ Церкви названіе, кормилица; но оно можетъ быть употребляемо съ разбѣрчивостію только тогда, когда придется говорить объ еретикахъ, принявшихъ ученіе вселенской Церкви, но еще не напитавшихся имъ.

Въ этомъ же отдѣленіи, не много ниже, сказано: «Посмотри на собранныхъ чадъ твоихъ, которыхъ разсѣяли по горамъ и стремнинамъ погибели Вакханки и г'Арпіи ересей и расколовъ, унеши ихъ туда послѣ обаянія разными Кориванщинами». Такая рѣчь можетъ быть понятна только тому, кто хорошо знаетъ Греческую Мифологію (Баснословіе). А такъ какъ немногіе знаютъ ее; то и предлагается здѣсь объясненіе баснословныхъ названій, употребленныхъ въ этой рѣчи, и передается смыслъ ея. — Въ древнѣйшія времена, когда Греки поклонялись разнымъ богамъ, Вакханками назывались спутницы бога Вакха = Діониса, будто бы изобрѣтателя винодѣлія. Онѣ вмѣстѣ съ нимъ ходили по горамъ, и, бѣшенныя отъ вина, руками своими разрывали на части живыхъ звѣрей, и питались ихъ неваренымъ мясомъ. Въ склокоченные волосы ихъ вилетаемы были змѣи. Въ рукахъ онѣ держали посохи, обвитые виноградными вѣтвями, и въ минуты жажды своей ударяли ими о землю и камни, и такимъ

1) Смотри конецъ IV отдѣл. этой бесѣды.

способомъ изводили оттуда молоко, медъ, вино, которымъ и упивались дѣтяна. Такихъ спутницъ у Вакха было сперва девять; потомъ онъ присоединилъ къ нимъ столько же Музъ, и наконецъ собралъ ихъ весьма много и назвалъ *Θυάдами*. Всѣ онѣ на головахъ своихъ носили Фригійскія мѣтры, а въ рукахъ держали тимпаны, свирѣли и вѣтви, такъ называемыя *Θυρсы*, и выплясывали разныя бѣшенныя пляски вмѣстѣ съ сатирами и хороводителями своими, безобразнымъ Силеномъ и козъногимъ Паномъ. Вмѣстѣ съ ними плясалъ и самъ Вакхъ. А впереди ихъ прыгала Ники (побѣда) съ золотыми крыльями. Такія пляски Вакханокъ продолжались у Грековъ, пока они обожали Вакха. — Кромѣ сего божества ихъ плодovitое баснословіе создало Диво подъ именемъ *Θάβμας*. Этотъ *Θάβμας*, сынъ моря и земли, сочетавшись съ дочерью океана Илектрою, родилъ Иру (радугу) и три г'Арпіи (хищницы), *Аэлло*, *Окипету* и *Келенѡ*. Эти г'Арпіи, видомъ чудовища, имѣли уши медвѣжьи, станъ коршуновъ, руки человѣческія, а лице дѣвичье, и летая на крыльяхъ своихъ подобно вихрямъ, производили большой шумъ, а гдѣ пролетали, тамъ оставляли нестерпимое зловоніе, которое сообщалось и тѣмъ предметамъ, къ коимъ онѣ приближались. Всегда голодныя, онѣ похищали все, что попадалось имъ. Посему Греки вѣрили, что кто пропалъ безъ вѣсти, того унесли г'Арпіи. Этихъ чудовищъ всѣ боялись, а Коривантовъ почитали. Они жили на островѣ Критѣ и составляли особое племя, враждебное сосѣдямъ ихъ Телхинамъ. У нихъ богиня Рея укрывала младенца своего, Зевеса, боясь, какъ бы не пожралъ его мужъ ея Сатурнъ. Принявъ къ себѣ этого младенца Кориванты, когда онъ плакалъ, заглушали крики его звуками своихъ свирѣлей, тимпановъ и кимваловъ, дабы не отыскалъ его Сатурнъ, и такимъ способомъ обманувъ этого всепоглощающаго бога, воспитали сына Реи. Они выдумали пляску, называемую *Πυρриχίη*, и производили ее, ударяя щитъ о щитъ и мечъ о мечъ, крича что есть мочи, и подскакивая подобно бѣшеннымъ, или изступленнымъ. Отъ такихъ тѣлодвиженій ихъ произошло и слово, *Κοριβάντινα* ¹⁾). Послѣ этого понятенъ смыслъ рѣчи Фотія. Сравнивъ еретиковъ и раскольниковъ съ Вакханками, г'Арпіями и Коривантами, онъ далъ тѣмъ знать, что они въ свои общины завлекали немудрыхъ людей не проповѣдями, не убѣжденіями, а разными обольщеніями, выгодами и шумно-пышными обрядами, и заражали ихъ зловоніемъ своихъ душъ смердящихъ.

Въ пятомъ отдѣленіи бесѣды, тамъ, гдѣ говорится о царѣ Василии, выражено, что «памятникъ торжества надъ всѣми ересями воздвигнуть былъ свободно волею и рукою съ искреннею надписью на немъ, и исповѣдана утвержденная, не какъ прежде, тайна благодетія: *Ὁ κατὰ πασῶν αἰρέσεων πεπαθήσασμένη καὶ γνώμη καὶ γλώσση* ²⁾ *καὶ χειρὶ ἐστηλογραφήθη ἑρίμβος, καὶ τὸ τῆς εὐσεβείας κρατυνθέν, ὡς οὕτω πρότερον, ἀνωμολογήθη τὸ μυστήριον*». Въ этихъ выраженіяхъ, сжатыхъ и искусственныхъ, заключается та простая мысль,

1) Ἑλληνικὸν Πάνθεον παρὰ Χαρισίου Δημητρίου Μεγδάνου, §§. 204. 240. 332. — Ἐν Πέστῃ, 1812.

2) Здѣсь выраженіе, *πεπαθήσασμένη γλῶσση ἐστηλογραφήθη ἑρίμβος*, можетъ быть понимаемо только въ томъ смыслѣ, что на памятникѣ начертана была надпись, и что языкъ, или, слогъ ея отзывался непринужденною искренностію тѣхъ людей, которые ставили памятникъ.

что граждане Константинополя поставили колонну въ память торжества надъ всѣми ересями по доброй волѣ своей, и, благодарные своимъ государямъ, искоренившимъ ложныя ученія, искренно выразили въ надписи на ней свою признательность къ нимъ и свою радость о торжествѣ Православія, которое утвердилось болѣе, нежели когда либо, отъ того, что цари Михаилъ и Василій исповѣдали тайну благочестія¹⁾, то есть, написали Исповѣданіе Православной Вѣры и провозгласили ее единою и единственною въ государствѣ.

IV. Пояснивъ выраженія не всѣмъ понятныя, обобщаю тѣ новыя свѣдѣнія, какія даетъ намъ разсматриваемая бесѣда Фотія.

1. Въ ней сказано о Михаилѣ, что онъ воцаренъ былъ еще въ пеленахъ²⁾. Дѣйствительно, первый годъ его 27 лѣтняго съ третью царствованія совпадаетъ съ 840 годомъ, въ который онъ родился. Стало быть, царемъ провозгласили его тотчасъ послѣ крещенія.

2. Извѣстно, что онъ юность свою провелъ разсѣянно; а остепенился ли хоть въ послѣдніе годы своего царствованія: объ этомъ и о лучшихъ качествахъ его никто не сказалъ ни слова. Но Фотій, знавшій его близко, повѣдалъ, что «онъ одаренъ былъ разсудительностію и сильною волею, кои обнаруживалъ во многихъ обстоятельствахъ, и особенно въ дѣлахъ запутанныхъ, былъ ко всѣмъ привѣтливъ, со всякимъ говорилъ улыбаясь, и во всѣхъ вмѣсто тиранскаго страха поселилъ свободную любовь, поставляя любочестіе свое въ томъ, чтобы его называли лучше отцемъ отечества, нежели повелителемъ, непринимая титуловъ прежде совершенія дѣлъ, но украшаясь дѣянiami прежде проименованій, какъ это велитъ разумъ, заповѣдующій приличіе»³⁾. Юношеская разсѣянность его не скрыта правдивымъ патриархомъ, но за то повѣдано и исправленіе его въ послѣдніе годы царствованія. Фотій, незадолго до кончины сего государя, прямодушно сказалъ о немъ, что онъ совершилъ славные подвиги *послѣ того, какъ присмотрѣлся къ своему царству (ἀφ' οὗ τῆς βασιλείας οὗτος διεκυσεν)*, то есть, сдѣлался внимателенъ къ дѣламъ государственнымъ⁴⁾, и что Церковь, усыновившая его еще въ пеленахъ и вскормившая своимъ благовѣріемъ, *обратила его къ благочестію* и возрастила въ мѣру возраста Христова, какой онъ могъ достигнуть. *Ὁρᾷς σοῦ τὸν ἡγαπημένον υἱὸν, ὃν ἐξ αὐτῶν σπαργάνων εἰς υἱὸν ζέμενη καὶ βασιλεύσασα, καὶ εὐσεβεῖα μὲν συνεκτρέψασα, εὐλαβεῖα δὲ συναΐροῖσασα, εἰς τοῦτο τὸ μέτρον τῆς κατὰ Χριστὸν ἡλικίας προήγαγε* (IV отдѣл. бесѣд.). Изъ всѣхъ этихъ словъ ясно видно, что Михаилъ сначала не занимался государственными дѣлами, тѣмъ менѣе благочестіемъ, а потомъ былъ хорошій государь и благоговѣйный христіанинъ. Эти двѣ правды Фотій сказалъ о немъ въ храмѣ Божіемъ, призывая въ свидѣтели саму истину: *καὶ αὐτὴν ἔχουσι ἐφεστῶσαν αὐτοῖς καὶ μάρτυρα τὴν ἀλήθειαν* (II отд. бес.). Посему надобно признать ихъ, и видѣть въ этомъ государѣ не однѣ слабости его, но и тѣ достоинства, какія онъ имѣлъ и какія указалъ въ немъ не

1) 1 Тимоѳ. 3, 16.

2) Смotr. IV отдѣл. бесѣд. — 3) II отдѣл. ея. — 4) II отдѣл.

придворный льстецъ, а правдивый патриархъ, который даже о щедрости его говорилъ, не какъ другіе, считая ее полезною для государства ¹⁾.

3. Пусть другіе скажутъ, если могутъ: какіе и чьи города разумѣлъ Фотій, когда говорилъ, что царь Михаилъ непріятельскіе между ними перемѣщаль, а города союзниковъ украшалъ и населялъ ²⁾. А я обращаю вниманіе на слѣдующія слова сего витія: «священною заботливостію его (Михаила) о семь храмѣ (Софійскомъ) и о священныхъ зданіяхъ = οἰκοδομημάτων ἱερῶν совершенно неожиданное дѣло и явлена красота неизгладимая» ³⁾. Этими словами Фотій напомнилъ слушателямъ своимъ о недавнемъ возстановленіи иконопочитанія: а намъ эти же слова внушаютъ, что при Михаилѣ не одна Софійская церковь, но и всѣ прочія украсились святыми образами. Новое историческое свѣдѣніе! Но вотъ еще намъ новость неслыханная!

4. До 867 года въ Константинополѣ и во всемъ тогдашнемъ Византійскомъ царствѣ находилось много послѣдователей Арія, Македонія, Несторія, Евтихія, и не мало Моноелитовъ, Манихеевъ, иконоборцовъ и идолопоклонниковъ. Всѣ эти еретики были сильны и даже грозны ⁴⁾; но всѣ вдругъ обратились въ православіе. Это чрезвычайное событіе было слѣдствіемъ меткости соображеній, совѣтовъ и исполненій двоицы царей, Михаила и Василія, и ихъ сподвижниковъ, Патрициевъ и военачальниковъ ⁵⁾. Самый дѣятельный между ними былъ Василій, котораго Фотій назвалъ дѣйствительною силою Державы. А дѣятельность его въ этотъ разъ возбуждена была словами Господа въ евангеліи, — *всякаго, кто исповѣдуетъ меня предъ людьми, и я исповѣдую предъ отцемъ моимъ небеснымъ*, — и внушеніемъ св. апостола Петра, заповѣдавашаго христіанамъ *быть готовыми дать отвѣтъ всякому требующему отчета въ чистотѣ неподдѣльной вѣры*. Трудно сказать, какъ проявилось въ немъ такое возбужденіе: внезапно ли онъ припомнилъ, или услышалъ эти слова Господни и это наставленіе Петрово, и потомъ сталъ думать, какъ хорошо было бы, если бы всѣ подданные царя исповѣдовали одну Вѣру, и если бы самъ онъ подалъ примѣръ тому; или, напередъ думалъ крѣпкую думу о благотворности единства Вѣры царя и всѣхъ подданныхъ его, и даже всѣхъ народовъ, и потомъ закрѣпилъ эту думу припоминаніемъ онаго обѣтованія Господня и наставленія Петрова. Я полагаю, что сія дума его и эта закрѣпка ея образовались въ немъ, какъ близнецы. Василій былъ государь умный и христіанинъ истинный: какъ умный, онъ принималъ всю благотворность обращенія еретиковъ въ православіе и единства Церкви восточ-

1) II отдѣл. бесѣды. «Онъ болѣе другихъ сыпалъ золото щедрою рукою, и такимъ образомъ изгналъ бѣдность изъ государства и проч.

2) Тамъ же. Οὐδὲ πόλεων τῶν μὲν πολεμίων ἀνδραποδίζοντας καὶ μεταναστάσεις, οἰκοδομὰς δὲ καὶ ἀνοικισμοὺς τῶν φίλων . . . ἀριθμεῖν ἡμῖν μελέτη.

3) Тамъ же.

4) IV отдѣл. бес. «Τούτων ἕκαστον ἅμα καὶ ἀθρόον ὁ βασιλεὺς κατὰ κράτος ἐτροπώσατο.

5) Тамъ же. — «Τοῦτο τοῦ κατὰ θεὸν στρατηγοῦντος, ὡς ἀληθῶς, αἱ στρατηγικαὶ βουλὰι καὶ μελέται καὶ τὰ κατορθώματα.» VI отдѣл. бесѣд. — «Ἐυδαίμονες καὶ τρισμάκαρες καὶ ὑμεῖς, ὁ τῶν Πατρικίων χορὸς, σὺν τηλικούτοις στρατηγοῖς καὶ ταξίαρχοις, καὶ κατὰ τηλικούτων καὶ τοσούτων αἰρέσεων συνεστρατηγηχότες καὶ τοὺς ἱεροὺς τοῦτους καὶ θεοὺς ἄλλοις συνδιενέγκαντες!

ной и западной, и всю необходимость своего собственного единения съ нею посредствомъ открытаго усвоенія Вѣроисповѣданія ея и охраненія его: безъ чего не могло осуществиться и то единство имперіи Константина великаго, котораго онъ домогался во всю жизнь свою: какъ христіанинъ истинный, онъ хорошо зналъ священное писаніе, и въ немъ почерпалъ ту крѣпость, какую даетъ Вѣра для совершенія великихъ дѣлъ. Въ какія мгновенія зрѣла въ немъ мысль объ единой Вѣрѣ, Церкви и Власти на востокѣ и западѣ, въ тѣже самыя мгновенія ему представлялся и апостоль Петръ, какъ камень и основаніе Вѣры, и слышалось внушеніе сего апостола давать отчетъ въ неподдѣльности ея, и обѣщаніе Спасителя сказать слово Богу Отцу о всякомъ, кто исповѣдуетъ его предъ людьми. Такое разсужденіе мое есть выводъ изъ словъ самого Фотія въ четвертомъ отдѣленіи бесѣды его. Тутъ ясно сказано, что Василій дозналъ успѣшность предпріятія = *τετελεσφορηθεισαν ἔγνω ἐργασίαν ταύτην*, значить, думалъ о немъ и расчитывалъ, будетъ ли успѣхъ, или не будетъ, и что самъ Господь и апостоль Петръ внушили ему дать всѣмъ отчетъ въ Вѣрѣ, но внушили не посредствомъ какого-либо особаго откровенія, — на это нѣтъ и намека у Фотія, — а просто чрезъ припоминаніе (выше приведенныхъ) словъ въ евангеліи и въ первомъ посланіи Петровомъ; значить, на него сильно подѣйствовали эти слова. Его дознаніе успѣшности предпріятія и слова священнаго Писанія Фотій называлъ сѣменами, кои дали свой плодъ, то есть, обращеніе еретиковъ и провозглашеніе католической Вѣры вѣрою единою и единственною въ государствѣ; значить, въ душѣ Василія собственныя думы его и слова Писанія, какъ сѣмена въ вертоградѣ, соживлялись въ одно и то же время. Но какъ бы то ни было, а великое дѣло было сдѣлано.

5. Ходъ сего дѣла былъ постепенный, но быстрый. Оно было задумано царемъ Василюмъ, и сперва обсуждено Патриціями (въ Государственномъ Совѣтѣ), потомъ подготовлено военачальниками во всѣхъ областяхъ царства такъ, что вожди всѣхъ еретиковъ добровольно согласились принять Православіе; когда же Василій узналъ объ этомъ и увѣрился въ успѣхъ задуманнаго и обдуманнаго предпріятія своего, тогда не потерпѣлъ ничьихъ возраженій = *οὐκ ἀνέμεινε τὸν ἐπερωτῶντα*, и тотчасъ вмѣстѣ съ государемъ Михаиломъ привелъ его въ исполненіе не насильственно, а мирно. Исполненіе же его состояло въ томъ, что оба царя эти написали и обнародовали Исповѣданіе православно-католической Вѣры и такимъ образомъ провозгласили ее вѣрою единою и единственною въ государствѣ¹⁾. Въ память сего преславнаго дѣянія ихъ граждане Константинополя добровольно поставили колонну = *στῆλην* съ надписью, въ которой выражена была ихъ искренняя благодарность царямъ и радость о торжествѣ Православія надъ всѣми ересями, а Фотій въ день сего торжества произнесъ Слово столповое.

6. Цари, Михаилъ и Василій, написали Вѣроисповѣданіе, каждый порознь²⁾. Такъ тому и быть надлежало. Ежели обыкновенныя грамоты, на примѣръ, двухъ соцарствовавшихъ го-

1) Этого Вѣроисповѣданія я не нашелъ въ восточныхъ бібліотекахъ при всѣхъ прилежныхъ поискахъ моихъ, вознагражденныхъ однако открытіемъ Вѣроисповѣданія Константина Мономаха и другихъ царей греческихъ.

2) Смолр. IV и V отдѣл. бесѣды.

сударей, Андроника и сына его Михаила, объ одномъ и томъ же предметѣ, вдвойнѣ писались и приводились въ исполненіе отъ лица обоихъ ¹⁾; то тѣмъ паче Вѣроисповѣданіе двоицы царей, побѣдившихъ всѣ ереси, должно было явиться въ народѣ двойникомъ, то есть, въ двухъ спискахъ, скрепленныхъ своеличною подписью каждаго. Этого требовало равенство ихъ по сану и власти. Это необходимо было и для успокоенія православныхъ христіанъ и обратившихся еретиковъ. Они, получивъ два списка одного Вѣроисповѣданія отъ лица двухъ царей своихъ, увѣрились въ ихъ единовѣрїи и единомысліи, и уже не могли ожидать тѣхъ измѣненій догматовъ Вѣры, какія прежде тревожили Церковь при царяхъ, то иконоборныхъ, то склонныхъ къ Моноелитству, или Монофизитству, или Аріанщинѣ. Не подписи Михаилъ, или Василій, вѣроисповѣданія католической Церкви; тогда ожиданіе это возродилось бы, и дѣло не состоялось бы: а Церковь эта по прежнему жила бы жизнью сокровенною въ Богѣ, и выжидала бы союза своего съ государствомъ, или преобладанія надъ нимъ, какого достигли Римскіе папы, эти роковые соперники царей.

7. Фотій сказалъ, что царемъ Василіемъ исповѣдана была тайна благочестія, то есть, Вѣра, и утверждена, не какъ прежде, *κρατυνθέν, ὡς οὐτω πρότερον*. Дѣйствительно, прежде утверждали ее одни вселенскіе Соборы, цари же не всѣ и не навсегда, но только на свое время, какъ сказалъ Фотій ²⁾: а нѣкоторые изъ нихъ, особенно иконоборцы, колебали ее, Іуліанъ же замышлялъ даже искоренить ее. Но со времени Василія она неизблемо утвердилась въ Византійскомъ царствѣ, потому что торжественно провозглашена была единою и единственною, какъ вѣра Христоименитаго народа и *самого царя*, и утвердилась навсегда такъ, что не могли поколебать ее Латинумудрствующіе государи, Михаилъ и Іоаннъ Палеологи. Итакъ вѣкъ Василія и Фотія былъ *первымъ вѣкомъ торжества Православія и католической Церкви*. Съ этого вѣка, точнѣе съ 867 года сія Церковь соединилась съ государствомъ тѣснѣйшимъ союзомъ единовѣрїя, любви и равноправности. Государи стали сынами ея, а она стала имъ матерью. Ихъ долгъ былъ охранять ея догматы, преданія, каноническія правила и Начала ея управленія ³⁾, и защищать ея спокойствіе и цѣлость: а ея долгъ былъ молиться о нихъ, и изъ корней христіанства выращать доблести гражданскія. Они имѣли право утверждать своею печатью подлинность соборныхъ опредѣленій ⁴⁾ и вмѣстѣ съ святыми избирать патріарха, или, удалять его, ежели онъ не другъ Церкви: а она имѣла право напоминать имъ долгъ устойчивости въ Католической Вѣрѣ, и въ случаѣ уклоненія отъ нея отлучать ихъ отъ общенія съ собою.

1) Такія грамоты находятся въ моемъ собраніи Аѳонскихъ актовъ.

2) Въ концѣ IV отдѣл. бесѣды.

3) Вотъ главнѣйшія изъ этихъ Началъ: 1) Истина открывается *всѣмъ*, вѣрующимъ въ Господа, и оберегается общою любовью ихъ. — 2) Законодательная власть Церкви, сосредоточенная въ вселенскихъ Соборахъ, есть сила и благо. — 3) Епископствованіе — вездѣ одно и то же, и каждый епископъ, гдѣ бы онъ ни былъ, отвѣчаетъ предъ другими епископами за цѣлость Вѣры и Церкви и проч., и проч.

4) Смори I правило св. вселен. Собора шестаго. — Царь Мануилъ въ 1166 году утвердилъ опредѣленіе Константиноп. Собора, подписавшись такъ: «*Στοιχῶ ταῖς γνώμας τῶν ἁγίων πατριαρχῶν καὶ τῆς Σείας καὶ ἑραῶς συνόδου.*»

8. Когда царь Михаилъ, — говорю словами Фотія, — письменнымъ вѣроисповѣданіемъ своимъ, какъ богокованнымъ копьемъ, поразилъ самыя внутренности ересей; тогда всякое лжеученіе лишилось послѣднихъ надеждъ своихъ, и даже во снѣ не видѣло возрожденія своего» ¹⁾. Съ той поры православная Церковь въ Византійскомъ царствѣ не только увеличилась по причинѣ мирнаго воссоединенія съ нею многочисленныхъ еретиковъ, но и успокоилась, не опасаясь ни попятности воссоединенныхъ, ни возрожденія ересей. Залогомъ ея спокойствія послужила, со стороны воссоединенныхъ, искренность, съ какою они приняли Православіе, а со стороны царей, ихъ твердая рѣшимость впредь не отдѣляться отъ Церкви божей, и не давать гражданскихъ и военныхъ должностей и никакихъ общественныхъ выгодъ тѣмъ, которые захотѣли бы проповѣдовать ереси прежнія, или выдумывать новыя. Всѣ преемники Михаила и Василя, кромѣ злополучныхъ Палеологовъ, Михаила и Иоанна, сдержали свое царское слово, данное православною Церквю, были вѣрными сынами ея, охраняли неприкосновенность догматовъ, преданій, правилъ и Началь ея, и, сколько могли, защищали ее отъ враговъ. Но и въ самой Церкви этой болѣе не появлялись ни расколыническія, ни еретическія общины, подобныя, по численности и силѣ, общинамъ Аріанъ, Несторіанъ, Монофизитовъ и Моноелитовъ, хотя и возникали разныя толки, на примѣръ, о словахъ въ евангеліи, *Отецъ мой болѣе мене есть*, о Фаворскомъ свѣтѣ, толки временныя и нигдѣ не укоренившіеся. Догматическая чистота Греческой Церкви, со времени Фотія, Михаила и Василя, сохранилась до нашихъ дней. Я, долго жившій на Востокѣ, нигдѣ не видалъ никакихъ отщепенцовъ отъ нея, и никогда ни отъ кого не слышалъ о нихъ.

9. — Современо съ обращеніемъ еретиковъ, о которомъ идетъ рѣчь, православно-кафолическая Церковь, какъ сказалъ Фотій, начала распространяться во всѣ концы земли ²⁾. Тогда, по старанію сего свѣтозарнаго святителя, на востокѣ отъ Константинополя, въ передней Азіи присоединились къ ней многіе Армяне ³⁾; на сѣверозападѣ окрестилась Болгарія, изъ которой христіанство проникло въ Влахомолдавію, подчинившуюся вмѣсто Болгаро-Охридскаго архіепископа Константинопольскому патріарху уже въ 1359 году ⁴⁾; на сѣверѣ приняли Православіе Моравія и Паннонія, для которыхъ ученикъ Фотія Константинъ = Кириллъ философъ еще въ Константинополѣ составилъ азбуку и перевелъ Изборъ евангельскихъ чтеній съ помощію нѣсколькихъ сотрудниковъ ⁵⁾; на дальнемъ сѣверѣ увѣровали во Христа Россы, оглашенные епископомъ имѣркъ и сподвижниками его, Аванасіемъ и *инымъ* Кирилломъ, который въ послѣдствіи былъ Катанскимъ Епископомъ въ Сициліи, зависѣвшей тогда отъ Константинопольскаго патріарха. Просвѣщеніе Россовъ евангельскимъ свѣтомъ

1) Смотри IV отдѣл. бесѣды.

2) Смотри конецъ первой части бесѣды.

3) Фотій въ своемъ окружномъ посланіи къ восточн. Церквамъ упомянулъ о обращеніи Армянъ отъ Иаковитскихъ заблужденій. Его ученикъ Аврамій былъ Амидійскимъ митрополитомъ въ Арменіи. Смотри. Историч. ученіе объ Отцахъ Церкви. Томъ III, стран. 323. С. П. Б. 1859 г. — Филар. А. Ч. и Н. —

4) Acta Patriarchatus Constantinopolitani. Tomus prior. Vindobonae, 1860. pag. 383 et sequent.

5) Извлечено изъ Житія его, переписаннаго въ Аеоно-Хиландарскомъ монастырѣ въ 1625 году съ старой книги, при Игуменѣ Иларіонѣ, монахомъ отъ земле Херцка (изъ Герцеговины).

въ такое время, когда въ Константинопольскомъ патріархатѣ искоренены были всѣ ереси, было предопредѣлено свыше по особенной милости Божіей къ нимъ. Ибо если бы они ранѣе наслушались разныхъ еретическихъ ученій, то едва ли бы составили одно крѣпкое государство.

Итакъ изъ разсмотрѣнной бесѣды Фотія мы узнаемъ, что въ дни его совершилось громадное событіе, то есть, искорененіе всѣхъ ересей въ предѣлахъ Константинопольскаго патріархата и соединеніе Церкви съ государствомъ, такъ что она послѣ многолѣтнихъ страданій достигла содружества съ нимъ.

Достойны вниманія проявленія и послѣдствія этого двойнаго событія. Указываю важнѣйшія изъ нихъ для округленія понятія о немъ.

Послѣ содружества государства и Церкви, при Василии Македонскомъ съ 870 года начало сосредоточиваться *многонародное* монашество на Афонѣ подъ царскимъ (sic), а не патріаршимъ, покровительствомъ, какъ проявленіе *каволичества* Церкви, соединяющей въ себѣ народы и царей ихъ не политическими трактатами, а союзомъ Вѣры, Любви и Надежды, какъ сила, оберегающая утвержденное вселенскими Соборами и царями Православіе отъ прибавленій къ нему догадокъ ума, какъ живопримѣрное напоминаніе всѣмъ объ усовершеніи души и о вѣчной жизни, и какъ звено, соединяющее человѣковъ съ ангелами. Афонскіе и прочіе монастыри, имѣвшіе такое значеніе, поддерживаемы были щедротами царей, которые, въ доказательство своего глубокаго уваженія къ нимъ, какъ учрежденіямъ православнаго народа и средоточіямъ его благочестія, и во свидѣтельство своего единовѣрія, часто выражались въ жалованныхъ имъ грамотахъ, что какъ человѣку свойственно дышать, такъ царю свойственно обезпечивать наилучше тѣхъ, которые живутъ для одного Бога, *иногда помпцали въ этихъ грамотахъ краткое исповѣданіе Вѣры*, и всегда подписывали ихъ такъ: «въ Христа Бога вѣренъ царь и самодержецъ». Такимъ образомъ даже въ судебныхъ актахъ выразилось единеніе Церкви и государства. Вотъ какъ широко пустила свои корни мысль Василия Македонскаго объ этомъ единеніи. Кромѣ сего, оно проявилось въ жизни, или что тоже, въ исторіи, не какъ преобладаніе, или подчиненіе одной стороны, а какъ равноправное и равносильное содружество обѣихъ сторонъ¹⁾. Христоименитый народъ, священный клиръ его, и богомвѣнчанный царь съ своимъ законнымъ правительствомъ, составили одну Церковь и вмѣстѣ одно государство, какъ три разумныя Личности и Свободы, не стѣсняющія другъ друга, однако ограничивающія себя уваженіемъ взаимныхъ правъ и обязанностей. Народъ, по праву самосохраненія тѣлеснаго и духовнаго и по долгу общежитія, самъ заботился о воспитаніи и обученіи юныхъ поколѣній своихъ, держа училища своими складчинами, и самъ надзиралъ за учителями, а многозаботливаго вмѣшательства клира и правительства въ это семейное дѣло не зналъ и не видалъ. Такимъ образомъ грамотныхъ людей на службу Богу и царю доставляли семейства, разумѣется, не по обязательству, а по склонности членовъ ихъ къ той,

1) Преобладаніе Церкви надъ государствомъ есть проявленіе папскаго католицизма. Преобладаніе государства надъ Церковью, или разрозненность ихъ, есть проявленіе протестанства. Содружество Церкви и Государства есть проявленіе Православія. Подумайте объ этомъ, и поймите меня.

или другой службѣ. Царское правительство, по долгу заботливости о облегченіи борьбы человѣка съ природою, объ удобствахъ общественной жизни, о справедливомъ уравниваніи взаимныхъ отношеній людскихъ, и о распространеніи въ народѣ вѣрнаго, обширнаго и полезнаго Вѣдѣнія, общественною казною поддерживало такъ называемыхъ философовъ и Учатъ ихъ, которые въ Константинополѣ публично преподавали всѣ высшія Науки туземцамъ и иностранцамъ, желавшимъ слушать ихъ, имѣя въ своемъ распоряженіи огромную библіотеку (въ 36000 томовъ), но никогда не рѣшалось и не помышляло учреждать въ своихъ Учатствахъ богословскія каѳедры подлѣ каѳедръ философскихъ, юридическихъ и прочихъ, потому что знало и исполняло свой удѣльный долгъ, о которомъ сказано сей-часть ¹⁾. За то и патриархъ и всѣ епископы съ священствомъ своимъ никогда и нигдѣ не имѣли отдѣльныхъ училищъ своихъ, и не сочиняли богословскихъ системъ, довольствуясь однимъ общецерковнымъ Символомъ Вѣры. Духовное Вѣдѣніе всѣмъ преподавалось въ храмахъ Божіихъ, въ этихъ общедоступныхъ и даровыхъ училищахъ, преподавалось съ наюя, съ клироса и съ каѳедры: съ наюя читалось слово Божіе, именно, Псалтирь, Бытописанія, Притчи, Пророчества, Апостолъ и Евангеліе; съ клироса внушалось полное ученіе о благодатномъ спасеніи человѣка тріединнымъ Богомъ, внушалось посредствомъ пѣснопѣній, изъ коихъ многія сочинены были царями, Львомъ мудрымъ, Константиномъ багрянороднымъ, Θεодоромъ Ласкаремъ, и мірянами, Андреемъ Пирромъ, Византіемъ, Львомъ магистромъ, Еммануиломъ Палеологомъ, и по нынѣ слышатся и у насъ; съ каѳедры преподавалось толкованіе священнаго писанія, и догматическое и нравственное ученіе, и читались житія Святыхъ, составленныя Метафрастомъ и другими писателями. Эти три способа сообщенія духовныхъ познаній, кромѣ домашняго чтенія, признавались достаточными для духовнаго просвѣщенія всѣхъ членовъ Церкви и государства, грамотныхъ и не грамотныхъ. Кто имѣлъ даръ извѣтствованія молитвъ и пѣснопѣній, патриархъ ли Фотій, царь ли Θεодоръ, мірянинъ ли Пирръ, монахиня ли Кассія, госпожа ли Пастада, тотъ и назидалъ Церковь, то есть, вѣрующій народъ. Изъ греческихъ царей одинъ Левъ мудрый произносилъ въ церквахъ (sic) проповѣди своего сочиненія ²⁾: прочіе же не принимались за это дѣло. Монахи, священники и епископы назидали, крайней мѣрѣ должны были назидать народъ своимъ благочестіемъ и духовною жизнію. Это,

1) Царь Константинъ порфирородный въ Константинополѣ усовершилъ главное училище, пренебреженное во время иконоборства. Тутъ преподавались науки, *γνώσεις καὶ λογικαὶ τέχναι καὶ ἐπιστήμαι*, философія, словесность, математика и астрономія, но не богословіе. Философскимъ отдѣленіемъ завѣдывалъ Константинъ Протоспаварь, Словеснымъ Никейскій митрополитъ Александръ, Математическимъ Никифоръ патрицій, а Астрономическимъ Григорій Асикритъ. Государь приглашалъ учениковъ въ своему столу, и ихъ, въ свое время, ставилъ судьями и прозводителями дѣлъ. Изъ нихъ въ послѣдствіи избирались митрополиты. — *Παιδεύτας ἀρίστους προέκρινεν. Εἰς Κωνσταντῖνον πρωτοσπαθάριον τὸ τῶν φιλοσόφων παιδοτριβεῖον δέδωκεν, εἰς δὲ τὸ τῶν ρητόρων Ἀλέξανδρον μτροπολίτην Νικαίας, εἰς δὲ τὸ τῆς γεωμετρίας Νικηφόρον πατριχίον, εἰς δὲ τὸ τῶν ἀστρονόμων Γρηγόριον ἀσηκρητῖν. καὶ πολλὴν ἐπιμέλειαν καὶ σπουδὴν εἰς τοὺς φοιτητὰς ὁ αὐτοκράτωρ ἐποιεῖτο, ὁμοδιαιτοὺς καὶ ὁμοτραπέζους τοὺτους καὶ ἑκάστην ποιῶν καὶ ἀργύρια παρέχων καὶ ὁμιλίαις μετ' αὐτῶν προσηγεῖς ποιοῦμενος. Καὶ οὐ πολὺς χρόνος διελθὼν, τὰς μεγάλας ἐπιστήμας καὶ τέχνας τῇ συνέσει τοῦ αὐτοκράτορος κατωρῶσαντο, καὶ χριτὰς καὶ ἀντιγραφεῖς καὶ μτροπολίτας ἐξ αὐτῶν ἐκλεξάμενος τετίμηκεν.* — Theophan. continuati L. VI. pag. 446. Editio Bonnæ 1838.

2) Одна изъ нихъ помѣщена въ нашемъ Сборникѣ церковныхъ проповѣдей, читаемыхъ народу.

и наипаче это назиданіе требовалось отъ нихъ, и считалось дѣйственнымъ, спасительнымъ. Что касается до священнопроповѣдниковъ; то они, до вступленія въ клиръ, *божій даръ имъ слова* развивали и усовершенствовали въ высшихъ училищахъ *государственныхъ*, слушая тутъ правила витійства и діалектики, философію и прочія науки, но не богословскія, кои никогда и нигдѣ не преподавались. Такимъ и только такимъ развитіемъ ихъ дара слова царское правительство помогало Церкви, не нуждавшейся въ заботливости его о духовномъ просвѣщеніи, благодарной ему за эту содружественную помощь, и спокойной отъ того, что не оно задавало предложенія для проповѣди Христоименитому народу. Итакъ народное обученіе, правительственное любомудріе, и духовное просвѣщеніе *посредствомъ святаго житія и божьяго дара слова*, по причинѣ содружества государства и Церкви, проявлялись въ жизни точно такъ, какъ тяжесть, блескъ и теплота проявляются въ солнечномъ свѣтѣ, составляя одно нераздѣльное цѣлое и сопроницаясь, но не теряя своихъ особыхъ свойствъ, движеній и дѣйствій. Вѣрующій клиръ священствовалъ, но не безъ философіи; вѣрующее правительство любомудрствовало, но Вѣру при епископахъ присно-живыхъ не брало подъ свою опеку; Христоименитый народъ трудился и жилъ, но самъ хранилъ свой языкъ, свои нравы и обычаи, самъ себя училъ необходимому, и самъ берегъ свою Вѣру, и строилъ себѣ храмы, кладбища, монастыри, больницы и разнаго рода богадѣльни. Но вотъ и другія проявленія содружества Церкви и государства. Народъ въ городахъ и селахъ изъ среды себя свободно избиралъ достойныхъ и зажиточныхъ поселянъ, гражданъ и дворянъ, для священнослуженія въ многочислѣннѣйшихъ храмахъ, *зажиточныхъ*, дабы они туне давали, что туне пріяли, то есть, благодатное освященіе посредствомъ таинствъ¹⁾. Многочисленные Епископы (не говорю о соборахъ ихъ) изъ среды своей свободно избирали достойнѣйшихъ, а иногда и богатѣйшихъ родовымъ имѣніемъ, избирали на кафедры митрополичьи, а изъ клира возводили достойныхъ на кафедры Епископскія, такъ что въ *выборы* ихъ не вмѣшивался ни патріархъ, ни государь²⁾. Первый только рукополагалъ избранныхъ епископами митрополитовъ, какъ эти рукополагали избранныхъ изъ клира епископовъ, а второй утверждалъ выборъ только одного патріарха. Всѣ же избиратели отвѣчали предъ Богомъ въ случаѣ кривды. Исполнительная власть Церкви сосредоточивалась въ одномъ патріархѣ и въ священномъ Синодѣ его; и всѣ церковныя дѣла рѣшались только ими и народовались съ ихъ подписями, вотъ такъ: «Мы во святомъ Духѣ объявляемъ то и то = ἐν ἁγίῳ πνεύματι ἀποφαίνόμεθα». Какъ Церковь никого не производила въ чинъ сенатора, или полковника, а предоставляла это царю: такъ и царь никого не объявлялъ ни преподобнымъ, ни богоноснымъ отцемъ, а признавалъ угодникомъ Божиимъ того, кого признала такимъ св. Церковь, имѣющая въ себѣ Духа Божія. Такимъ

1) Нѣкоторые изъ нихъ были очень богаты. На примѣръ: недалеко отъ Афона въ селѣ Оздравикиѣ, что у рѣки Стримона, священникъ Модиносъ, жившій въ концѣ 13-го вѣка, имѣлъ родовую пахатную землю, которая давала 3000 мѣръ пшеницы. Ἰερὸς τις Μοδινοῦς πρὸ χρόνων εἶχε διὰ χρυσοβούλλου γῆν μοδιῶν τρισχιλίων ἑλευθέραν. μετὰ δὲ τῆν ἐμείνου τελευτῆν παρεπέμφθη ἡ τοιαύτη γῆ πρὸς τοὺς τρεῖς υἱοὺς αὐτοῦ. — Извлечено изъ хрисовула царя Андроника, пожалованнаго Афоно-Хиландарскому монастырю въ 1321 году.

2) Смотри 4 правило св. вселен. Собора Никейскаго, — 28 правило св. вселен. Собора Халкидонскаго, — 3 правило св. вселен. Собора седмаго.

образомъ у народа, клира и царя, была своя доля церковной свободы, было свое участіе въ дѣлахъ церковныхъ, и при равновѣсіи взаимнаго воздѣйствія была своя отвѣтственность предъ Богомъ за небрежное исполненіе удѣльнаго долга. Государи, признавъ и утвердивъ однажды на всегда единство государства и Церкви, были властны прибавлять, и прибавляли къ правиламъ церковнаго благочинія свои распоряженія, касающіяся этого же благочинія, и Церковь охотно вносила ихъ въ свою Кормчую книгу, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сами стали въ рядъ отвѣчающихъ за цѣлость и неприкосновенность Вѣры и Церкви: и было нѣсколько случаевъ, когда они должны были гласно давать такой отвѣтъ матери своей Церкви. Перечислю эти случаи, между прочимъ, и для того, чтобы никто не смѣлъ укорять Греческую Церковь въ рабскомъ подчиненіи Византійскимъ государямъ. — 1) Когда недоброжелатели царя Константина Мономаха (1042 — 1054 г.) оклеветали его въ неправославіи; тогда онъ обнародовалъ свое изложеніе Вѣры для обличенія клеветниковъ своихъ, *πρός ἐλεγχόν τῶν διαβαλλόντων αὐτόν*¹⁾. Въ этомъ Изложеніи, кромѣ анаѳемъ еретикамъ, Савеллію, Арію, Несторію, Евтихію, Севиру, особенно замѣчательны слѣдующіе члены Вѣры. *Членъ 3.* Вѣрую, что Духъ святой отъ Отца исходитъ прежде временъ и вѣковъ. *Членъ 6.* Вѣрую, что едиnorodный Сынъ Отца, не оставивъ лона Отчаго, сошелъ на землю ради грѣховности моей, ибо паденіе праотца есть и мое паденіе, и не измѣнивъ божественнаго естества, сдѣлался чело-вѣкомъ совершеннымъ. *Членъ 9.* Вѣрую и исповѣдую, что святая Богоматерь Марія безъ мужа зачала Господа нашего Иисуса Христа, и родила его безъ болѣзней. А ее самую почитаю такъ, что она выше Херувимовъ и святѣе Серафимовъ и чище всякаго естества рождаемаго. *Членъ 12.* Во имя трехъ лицъ святой Троицы крещенъ я, и знаменательно сдѣлался причастникомъ смерти Христовой трижды погружившись въ воду, а трижды воспрянувъ изъ нея сталъ соучастникомъ и воскресенія его. *Членъ 14.* Поклоняюсь и служу иконѣ воплощеннаго Сына Божія, очертанію тѣла святой Матери его, и написаннымъ красками образамъ Святыхъ, отъ вѣка благоудившихъ ему, не останавливаясь вниманіемъ своимъ на этихъ очертаніяхъ, а возводя умъ свой къ первообразамъ». Тутъ члены 3-й и 12-й направлены противъ Латинъ, признававшихъ изхожденіе Духа святаго и отъ Сына и крестившихъ чрезъ обливаніе, а не чрезъ погруженіе, 6-й противъ Пелагіанъ, отрицавшихъ наслѣдственность первороднаго грѣха, 14-й противъ иконоборцовъ, а въ 9-мъ выражено ученіе православной Церкви о пресвятой Дѣвѣ Маріи, что она съ минуты преестественнаго воплощенія Сына Божія стала чище всякой твари и выше Херувимовъ и Серафимовъ, по особенному дѣйствию Духа святаго и силы Вышняго. Стало быть, Константинъ Мономахъ оклеветанъ былъ, какъ Папистъ, Пелагіанецъ, иконоборецъ и противникъ онаго ученія о Богоматери, но защитился Изложеніемъ Вѣры. — 2) Въ царствованіе Мануила Комнина и въ дни патріарха Михаила Анхіала (1169—1177 г.) въ Константинополь пріѣхали многіе архіереи и монахи Латинскіе, и предлагали соединеніе Церквей, восточной и западной, ничего болѣе не требуя отъ Гре-

1) Это Изложеніе найдено мною въ библіотекѣ Асоно-Иверскаго монастыря, и помѣщено въ моемъ Сборникѣ Вѣроисповѣданій.

ковъ, кромѣ того, чтобы они уступили Папѣ первенство и право верховнаго суда, и поминали бы имя его въ церквахъ: τῶν ἐκκλησιῶν ζητοῦντες τὴν ἑνωσιν, καὶ μηδὲν ἕτερόν τι ἀπὸ τῶν Γραικῶν ἀπαιτοῦντες, ἢ παραχωρῆσαι τῷ Πάπᾳ τὸ προτεῖον καὶ τὸ τῆς ἐκκληΐου, δοῦναι δὲ τοῦτο καὶ τὸ μνημόσυον. По этому случаю царь Мануилъ имѣлъ продолжительный разговоръ съ патриархомъ Михаиломъ въ присутствіи всего священнаго Сѣнода, и настаивалъ, чтобы предложенія Папистовъ были приняты и приведены въ исполненіе, но встрѣтилъ сильный отпоръ. Этотъ разговоръ, *Διάλογος*, найденный мною въ библиотекѣ Аѳоно-Иверскаго монастыря, занимателенъ въ высшей степени. Передаю сущность его. «Патріархъ Михаилъ не признавалъ ни первенства Папы, ни верховнаго суда его въ дѣлахъ церковныхъ: *ни первенства*, потому что оно древле предоставлено было Римскому епископу только ради чести Рима, какъ царствующаго города; а такъ какъ этотъ горѣдъ уже не столица царства, то съ утратою столичной чести его утрачено и первенство тамошняго епископа: *ни верховнаго суда*, потому что Папа, какъ еретикъ, прибавившій къ Символу Вѣры «и отъ Сына», и *потому лишившійся благодати архіерейства и ставшій въ ряду мірянъ*¹⁾, не можетъ быть верховнымъ судіею епископовъ, которые пребыли вѣрными догматамъ, опредѣленнымъ вселенскими Соборами. Выслушавъ эти доводы, царь Мануилъ возразилъ, что не было вселенскаго Собора, который осудилъ бы еретичность Папы, и что самъ Фотій, въ началѣ писавшій грозныя разсужденія = *γράφας δεινότητας* противъ Папъ, подъ конецъ имѣлъ церковное общеніе съ ними, = *καὶν τὴν τοῦτων κοινωνίαν προσήκατο*. На это возраженіе патріархъ отвѣчалъ: «еретичность Папъ, дѣйствительно, не осуждена никакимъ вселенскимъ Соборомъ, дабы не опозстилась она далеко за морями²⁾; но такъ какъ Паписты вездѣ сами, обнажа голову, упорно проповѣдуютъ свое лжеученіе, то этимъ они сами себя осуждаютъ предъ всѣмъ свѣтомъ, а потому не могутъ быть и верховными судіями у насъ; ибо не слыхано, чтобы уличенный, или уличающій себя въ чемъ бы то ни было, могъ быть признанъ судіею правыхъ. Наши предшественники, православнѣйшіе епископы по бережливости κατ' ὀκνησμονίαν объявили Папу только раскольниковомъ (*σχισματικόν*); но и раскольникъ не можетъ быть судіею въ единой, святой и соборной Церкви, и не долженъ быть поминаемъ въ молитвахъ. Что касается до Фотія, то онъ погрѣшилъ, вступивъ въ общеніе съ Папами, которыхъ лжеученіе было извѣстно ему: а погрѣшность его ни мало не оправдываетъ ихъ; да притомъ нельзя намъ и осуждать сего святѣйшаго мужа, потому что онъ возобновилъ свое общеніе съ Папами уже тогда, когда они прислали къ нему правое Исповѣданіе Вѣры (безъ прибавленія, «и отъ Сына») и не только къ нему, но и ко всѣмъ прочимъ патріархамъ на Востокѣ». Послѣ этой отвѣди патріарха Мануилъ, душевно согласный съ нимъ какъ православный христіанинъ, началъ умолять его, какъ несчастный государь, говоря: «Но Насъ пощади,

1) Такъ думалъ о папѣ патріархъ Михаилъ. Но это мнѣніе его, не подтвержденное никакимъ Соборомъ, не важно.

2) То есть, дабы не остановилось распространеніе христіанства среди отдаленнѣйшихъ народовъ языческихъ ради оглашенія еретичности папы, въ которой онъ могъ раскаяться рано, или поздно. Благоразумное снисхожденіе! Но, къ сожалѣнію, оно не оправдалось.

умоляю тебя; пощади и все воинство наше. Оно непрестанно сражается, и — безуспѣшно. Мы потеряли многіе города и области, бывъ лишены помощи Италіанцовъ по причинѣ церковнаго разъединенія съ ними, и подвергаясь нападеніямъ нечестивыхъ. Магометане ругаются надъ нашею вѣрою и надъ честнымъ крестомъ. Многіе знаменитые храмы, какъ всѣ вы знаете, обращены ими въ мечети. Итакъ не лучше ли соединиться съ тѣми, которые согласны съ нами хоть въ чемъ нибудь = *κατὰ τί*, нежели подпасть подъ иго невѣрныхъ?» — Но эта мольба Мануила была отринута патриархомъ, который не могъ пожертвовать вѣчную Вѣру расчетамъ политики временной. Онъ отвѣчалъ царю: «Заботиться о тѣлѣ хорошо, а радѣть о душѣ несравненно лучше. О магометанахъ, вредящихъ тѣлу, говорить мнѣ горько, а Италіанцамъ, губящимъ душу, у меня готовъ отпоръ сильный. Мы, какъ живые храмы Бога, не потеряли никакого душевнаго вреда отъ овладѣвающихъ нами магометанъ, а когда соединяемся съ Италіанцами, тогда получаемъ отъ нихъ величайшій вредъ, подвергаясь опасности потерять Вѣру. Пусть Агарянинъ завладѣетъ моею землею, лишь бы Италіанецъ не отнималъ у меня неба. Тому я подчинюсь, не слѣдуя лжеученію его, а отъ этого принимая искаженную Вѣру, отлучаю себя отъ Бога моего. Чего тотъ лишаетъ меня, все то, быть можетъ, я еще возвращу себѣ, если не потеряю правой Вѣры, а потерявъ ее, лишусь всего; ибо я страшно боюсь, и страха моего никто не назоветъ безпричиннымъ¹⁾. Отданъ я магометанамъ? Это значить, что я грѣшникъ, но по крайней мѣрѣ не богохульникъ. А съ Италіанцами я изреку ложь о св. Духѣ, и отъ нихъ понесу рабство двойное (политическое и церковное), да и безъ всякой надежды освободиться отъ него когда либо. Притомъ, есть высшая причина, по которой Господь спаситель оставилъ насъ *еще на одно тмо* (какъ смоковницу) въ тяжкихъ обстоятельствахъ: *авось, мы не потеряемъ бодрости, страдая ради его, истиннощцаго насъ*. Посему не должны мы унывать, когда онъ обличаетъ насъ. Ибо онъ любитъ всякаго сына, котораго хочетъ исправить посредствомъ наказанія.» На эту рѣчь патриарха государь отвѣчалъ: «Ты говоришь отлично. Твои поученія убѣждаютъ меня, да и всякій убѣдится ими. Лучше же ты тани насъ за уши, нежели другіе потянутъ насъ за нозь, какъ говоритъ пословица.» Этотъ разговоръ заключенъ былъ Синодальнымъ одобреніемъ сужденій патриарха и многолѣтіемъ ему и царю. Итакъ предложеніе Мануила было отринуто непоколебимыми въ Православіи Святителями, которые по совѣсти не могли пожертвовать Вѣру политикѣ, а по расчету человѣческихъ вѣроятностей предвидѣли сохраненіе Православія и своей народности подъ игомъ вѣротерпимыхъ магометанъ, и даже надѣялись когда нибудь свергнуть съ себя иго ихъ, уступки же Папистамъ считали началомъ вѣковѣчнаго рабства, политическаго и народно-церковнаго. Время оправдало ихъ. Греческое царство разрушилось, но Церковь уцѣлѣла. Еллада теперь свободна, а Турція скована христіанскими Державами. Православіе незыблемо, а Папизмъ разшатывается. Но вотъ другія доказательства свободности православной Церкви въ Византійскомъ царствѣ и ея равноправности съ нимъ. 3) Когда царь Михайлъ Палеологъ отнялъ у Латинъ завоеванный ими Константинополь (1261 г.), но

1) Патриархъ опасался взятія Царьграда Латинами: что и случилось въ 1204 году.

по роковой неизбежности, отъ нихъ же чаялъ спасенія уже меньшаго царства своего, которое громили Турки и Сербы, и въ этомъ чаяніи рѣшился соединить Церкви, восточную и западную, такъ, чтобы первая подчинилась второй въ лицѣ Папы, яко главы всего христіанскаго міра; тогда встрѣтилъ сильное сопротивленіе со стороны своего народа, клира и наипаче монастырей Аѳонскихъ, въ которыхъ въ это время спасались иноки Грузинскіе, Сербскіе, Болгарскіе и Русскіе. Эти монастыри всѣ съ общаго отправили къ нему свое посланіе, въ которомъ основательно доказали, что ни первенство и главенство Папы, ни поминъ его въ церквахъ, ни служеніе Евхаристіи на опрѣснокяхъ, ни прибавленіе къ Символу Вѣры «и отъ Сына», не могутъ быть терпимы, и назвавъ царя Михаила еретикомъ, умоляли его оставить многотревожное и опасное предпріятіе¹⁾. Они между прочимъ писали: «Мы ясно видимъ, что ты еретикъ = ἡμεῖς διὰ ταῦτα καὶ ὡς αἰρετικὸν προφανῶς θεωροῦμεν σε, но умоляемъ тебя: оставь все это и пребывай въ томъ ученіи, которое ты принялъ и *которое вътрено тебѣ*, зная, кѣмъ ты наученъ. Храни добрый залогъ, и отринь несвятія новоученія ложнаго вѣдѣнія (γνώσεως), прибавляющаго къ Вѣрѣ догадки, да чрезъ тебя, съ тобою и съ Совѣтомъ твоимъ, и мы со всѣми христіанами явимся въ день пришествія Господа, какъ православные и Богу любезные, и сподобимся вѣчнаго наслѣдія царства небеснаго.» Михаилъ Палеологъ, какъ извѣстно, не внялъ увѣщаніямъ Аѳонскихъ отшельниковъ и даже гналъ и жегъ ихъ, но ни въ чемъ не успѣлъ, и, жалкій, скончался неприсоединенный къ Церкви западной и отлученный отъ Церкви восточной (1283 г.). 4) По смерти его вдовствующая царица Феодора (приготовьтесь выслушать чрезвычайное дѣло) обнародовала Исповѣданіе = **ОМОЛОГІА**, которымъ обязалась предъ Церковію никогда не поминать души усопшаго супруга своего Михаила. Перевожу по Русски этотъ важнѣйшій актъ, найденный мною въ Каирской библіотекѣ Александрійскаго патріарха. — «Феодора въ Христа Бога вѣрная царица и самодержица Ромеевъ, Княгиня Комнина Палеологина. О Вѣрѣ я думаю не такъ, какъ о прочихъ дѣлахъ добрыхъ, какія кто можетъ совершать для спасенія себя самого. Хорошо скрывать сіи дѣла отъ всѣхъ, да видящій ихъ втайнѣ небесный Отецъ и Богъ воздастъ за нихъ явно: а Вѣру, какъ источникъ, начало, мать всякой добродѣтели, не скрывать, но исповѣдовать предъ всѣми и народовать спасительно. Она-то, какъ мнѣ кажется, и есть тотъ свѣтъ, который, по заповѣди святаго евангелія, долженъ свѣтитися предъ челоуѣками. Посему Царственность моя никогда не скривала Вѣры и теперь не скриваетъ ее, напротивъ объявляетъ и подтверждаетъ, что Она вѣруетъ такъ, какъ свѣше научила ее вѣровать и исповѣдовать Церковь Божія. Это знаетъ Богъ, испытующій самую глубины сердца нашихъ: но да будетъ вѣдомо и всѣмъ людямъ, что мы не содержимъ никакого другаго ученія, кромѣ того истиннаго, которое преподаетъ Церковь соборная и апостольская. Поелику же Царственность моя, по благодати Божіей, такъ мыслить и такъ полагаетъ; то явно, что Она всюю душею отвергаетъ, ненавидитъ и считаетъ мерзкимъ то дѣло (унію), которое недавно случилось въ Церкви и смутило ее всю, какъ бы ни называли оное, миръ, или эко-

1) Это посланіе найдено мною въ библіотекѣ Аѳоно-Иверскаго монастыря, 2 декабря 1845 года.

номія, или инымъ подобнымъ именовъ, а тѣхъ, которые еще и теперь хвалятъ и одобряютъ оное, признаетъ преоборителями Церкви Божіей, противниками собственного спасенія, врагами и заразителями всѣхъ тѣхъ, которые принимаютъ ихъ, и отвергаетъ какъ виновниковъ погибели душъ. Ибо ежели душевредность этого дѣла и необнаруживалась прежде, то не скрывается отъ моей Царственности теперь, бывъ обличена дѣлами и рѣчами, которыхъ истинность не подлежитъ сомнѣнію. Впрочемъ Царственность моя, по благодати Божіей, еще и тогда, когда началось это дѣло, весьма тяготилась имъ, и едва терпѣла необычайность и новостъ его, даже негодовала, хотя и не постигала всей опасности отъ него, а теперь негодуетъ тѣмъ болѣе, что ясно видитъ худой конецъ онаго недобраго замысла. Но довольно объ этомъ. Поелику же Церковь Божія осудила Векка (патріарха) за хульные догматы его, и съ нимъ Мелитиніота и Метохита, какъ единомысленниковъ, и ославила = ἀπεχίρουξεν и отлучила отъ общенія съ собою; то и Царственность моя, въ слѣдствіе такого рѣшенія ея, должно считаетъ ихъ отобщенными и отверженными. А такъ какъ сія же святая Церковь Божія *опредѣлила* не удостоивать уставныхъ поминовеній и скончавшагося супруга моего и владыку и царя за помянутое дѣло и смятеніе; то Царственность моя, предпочитающая всему страхъ Божій и покорность святой Церкви, любитъ и принимаетъ и *это опредѣленіе ея*, и никогда не понудитъ ее совершать поминовеніе души владыки моего и царя и супруга, или что либо другое сверхъ заповѣданнаго мнѣ. Ибо согласоваться во всемъ съ Церковію Божією и слѣдовать ей *хочетъ* царственность моя, устрояющая такимъ образомъ спасеніе свое, и желающая явно исповѣдать предъ всѣми Вѣру свою, которую приняла отъ отцовъ, сохранила до настоящаго времени, и сохранить до конца, будучи хранима силою создавшаго и воцарившаго ее милосердаго Бога.» (Къ этому Исповѣданію была привѣшена золотая печать на шелковомъ шнуркѣ пунцоваго цвѣта, а на печати, съ лица, вычекана была пресвятая Богоматерь, носящая Младенца, на оборотѣ же — сама царица у столпа.) Вотъ актъ, вотъ свидѣтельство о величайшей силѣ греческой Церкви, которая о царяхъ своихъ грѣшныхъ, по любви, съ надеждою молилась, да помилуетъ ихъ Богъ, а царей искажавшихъ Вѣру ея, по праву самосохраненія и по данной ей отъ Бога власти, предавала вѣчному забвенію, какъ бы ихъ вовсе не было! Sapienti sat. Мудромъ дѣло. Ему же предоставляю рѣшить вопросъ: вездѣ ли и всегда ли такъ быть должно все это, что было въ Греческой Церкви? А самъ обращаю вниманіе на послѣдствія искорененія всѣхъ ересей.

Послѣ того, какъ Православіе восторжествовало надъ ними, всѣ обращенные еретики приняли текстъ священнаго писанія отъ Константинопольской Церкви, которая получила его отъ святаго мученика Лукіана, и отъ Епископовъ, Евсевія Кесарійскаго и Аѳанасія Александрійскаго, а свои прежнія *переименныя* евангелія и прочія книги священныя покинули. Изъ числа этихъ еретическихъ изданій однѣ попали въ монастырскія бібліотеки, какъ были, и оттуда въ послѣдствіи взяты въ Ватиканъ, Парижъ, Лондонъ, Вѣну, Венецію, другія исправлены были по общецерковному тексту, то, книгопродавцами, то, владѣльцами ихъ, и употреблялись при богослуженіи, а въ нѣкоторыхъ старое письмо счищено было пемзою, и по счищенному были написаны или тѣже книги, или другія: отъ чего и явились такъ называе-

мые Палимпсесты, и явились именно съ девятаго не еретичнаго вѣка восточной Церкви. Съ этой же поры греческіе филологи въ малой Азій, Фракіи, Македоніи, Фессаліи, и наипаче въ Константинополь, въ разное время издали подлинныя творенія святыхъ Отцовъ, Григорія Нисскаго, Василія Великаго, Аванасія и Кирилла Александрійскихъ, Григорія Богослова и Иоанна Златоустаго, Прокопія Софиста и другихъ, издали съ вѣрнымъ и одинаковымъ текстомъ св. Писанія, текстомъ Константинопольскаго семейства ¹⁾, и составили много толковыхъ евангелій, апостоловъ и ветхозавѣтныхъ книгъ съ немалочисленными выписками изъ подлинныхъ твореній древнихъ учителей Церкви. Такая работа, удивляющая насъ огромностію своею, предпринята была ими не потому, что у нихъ не было творческихъ дарованій, производящихъ что либо самородное, а потому что любовь, оберегавшая буквальный цѣлостъ вѣрнаго текста священнаго Писанія и Отеческихъ твореній, признала необходимымъ распространить такой текстъ между Возсоединенными съ православною Церковію въ замѣнъ текстовъ еретическихъ, и Отеческими изъясненіями его доказать неизмѣнную одинаковость пониманія его этою Церковію ²⁾.

Отвращеніе католическихъ христіанъ отъ пагубнаго разномыслія еретиковъ и отъ разрозненнаго у нихъ чина Богослуженія было причиною того, что эти христіане и пастыри ихъ, въ предѣлахъ четырехъ патріархатовъ, соединенные единовѣріемъ и убѣжденные въ догматической чистотѣ греческой Церкви, *постепенно* установили у себя однообразіе въ богослуженіи. Изъ Иерусалима, куда со всѣхъ концовъ христіанскаго міра сходились толпы поклонниковъ мірскаго и духовнаго званія, заняты были Церквами, Александрійскою, Антіохійскою и Константинопольскою, пѣснопѣнія Козмы Маюмскаго, Иоанна Дамаскина и другихъ, и раздѣленіе псалтири на каѳизмы, кои послѣдовательно читались тамъ въ храмѣ воскресенія Христова ранѣе 862 года ³⁾. Изъ Константинополя вездѣ приняты были пѣснопѣнія Іосифа, Теофана, Кассія, Льва мудраго, и прочихъ пѣснотворцовъ. Около 1070 года Антіохійскій патріархъ Θεодосій заповѣдалъ всей своей паствѣ въ Сиріи соблюдать Успенскій постъ ⁴⁾. Въ 1203 году Александрійскій патріархъ Маркъ отсовѣтовалъ христіанамъ своимъ, жившимъ въ странѣ Сарацинъ, то есть, въ нижнемъ Египтѣ, слушать литургію, усвоенную евангелисту Марку, и присудилъ замѣнить ее литургіями Златоустаго и Василія великаго ⁵⁾.

1) Еслии уцѣлѣли Отческія Творенія не съ этимъ текстомъ; это значитъ, что онѣ были переименованы и переписаны еретиками.

2) Изданія этихъ филологовъ и старинные списки съ нихъ, хранящіеся въ восточныхъ бібліотекахъ, и суть самыя лучшія рукописи, кои надобно печатать.

3) Καθὼς ψάλλομεν ἐν τῇ ἀγίᾳ χριστοῦ τοῦ θεοῦ ἡμῶν Ἀναστάσει. — Такъ сказано въ принадлежащей мнѣ печатной Псалтири греческой, написанной на пергаментѣ in 8° косвенными унциальными буквами въ 6370—862 году, когда индиктъ былъ п-й, по повелѣнію Тиверіадскаго епископа Ноя рукою Θεοδώρα Діакона Святаго Воскресенія Христа Бога нашего. — Лист. 307. Ἐγράθη καὶ ἐτελειώθη τὸ παρὸν ψαλτήριον καλεῖται τοῦ ἁγίου καὶ μακαρίου πατρὸς ἡμῶν Νωε προέδρου τῆς φιλοχρίστου μεγαλοπόλεως Τιβεριάδος, ἔτους κόσμου 2370 ἰνδικτιων. Ἰ α. χειρὶ Θεοδώρου ἐλαχίστου διακόνου τῆς ἀγίας χριστοῦ τοῦ θεοῦ ἡμῶν Ἀναστάσεως.

4) Это свѣдѣніе заимствовано изъ Арабскаго хронографа объ Антіох. патріархахъ, составленнаго іереемъ Іоанномъ Жѣми въ 1756 году, и хранящагося въ Уніатской патріархіи въ Иерусалимѣ.

5) Это заимствовано изъ рукописнаго Панеякта въ бібліотекѣ Синае-Каирскаго подворья, содержащаго, кромѣ многихъ статей, кормчую книгу. Рукопись 14-го вѣка.

Въ Палестинскихъ епархіяхъ прекратилось совершеніе литургіи, усвоенной апостолу Іакову, и установился полный чинъ богослуженія Константинопольской Церкви въ началѣ 16 вѣка, когда въ Іерусалимѣ туземный Арабскій клиръ передалъ патріаршую власть Грекамъ. Для Сирійскихъ христіанъ, у которыхъ въ церковныя книги на Сирскомъ языкѣ вкрались еретическія мнѣнія Арианъ, Монофизитовъ и Моноелитовъ, переведены были съ Греческаго на принятый въ Сиріи Арабскій языкъ три литургіи, Златоустова, Василіева и Преждеосвященная, требникъ, часословъ, прологъ, и другія церковныя книги, Алеппскимъ митрополитомъ Мелетіемъ въ теченіи 12 лѣтъ, съ 1623 года по 1635-й, въ который онъ скончался уже въ Дамаскѣ, бывъ тутъ патріархомъ только восемь мѣсяцовъ подъ именемъ Евѳиміа¹⁾.

Кромѣ единства священнаго текста и однообразія въ Богослуженіи, въ восточной Церкви съ девятаго не еретичнаго вѣка ея появилась однообразность, историческая достовѣрность и догматическая непреложность священной живописи въ отвѣтъ раскольничьимъ вымысламъ Запада. Мозаическіе и живописные цвѣты и птицы, коими иконоборцы испещряли храмы Божіи, исчезли вездѣ, кромѣ церкви св. Георгія въ Θεσσαλονικίѣ (нынѣ мечеть), въ которой они оставлены, вѣроятно, въ память торжества Православія надъ ихъ ересью. Въ монастыряхъ Аѳонскихъ, Метеорскихъ, Оссо-Олимпійскихъ, и въ Θεσσαλίскихъ городахъ, Стагόνѣ, Трикалѣ, Заркѣ, Тирнавѣ, на островѣ Халки близъ Константинополя, стѣны храмовъ въ разные вѣка украсились живописными изображеніями точь въ точь въ томъ порядкѣ, въ какомъ Кесарь Василій Македонскій, въ первый разъ послѣ иконоборства, украсилъ стѣны своей дворцовой церкви образами мозаическими.

Какъ въ ней по словамъ Фотія, —

Ἐπ' αὐτῆς τῆς ὀροφῆς ἀνδρείκελος εἰκὼν μορφὴν φέρουσα τοῦ χριστοῦ πολυανῶσει ψηφίσιν ἐγγέγραπται. Ἐπιτοὶς ἂν αὐτὸν τὴν γῆν ἐφορᾷ, καὶ τὴν περὶ ταύτης διανοεῖσθαι διακόσμησίν τε καὶ κυβέρνησιν. Τοῖς δὲ περὶ αὐτῆ ὀροφῆ τοῦ ἡμισφαιρίου τμήμασιν ἐγκύκλοις πληθὺς ἀγγέλων τῷ κοινῷ δεσπότη δорυφοροῦντες διαμεμόρφωνται. Ἡ δὲ ἀπὸ τοῦ συσπαστηρίου ἀνεγειρομένη ἀψὶς τῆ μορφῆ τῆς παρῶνου περιαστράπτεται, τὰς ἀχράντους χεῖρας ὑπὲρ ἡμῶν ἑξαπλούσης καὶ πραττομένης τῷ βασιλεῖ τὴν σωτηρίαν καὶ κατ' ἐχθρῶν ἀνδραγαθήματα. Χορὸς δὲ ἀποστόλων

такъ и тамъ, по моимъ наблюденіямъ, въ небѣ купола написанъ мужуподобный образъ Христа, какъ Господа вседержителя, призирающаго на землю и помышляющаго объ устройствѣ и украшеніи ея. Въ шеѣ купола изображены доручающіе ангелы, служащіе общему владыкѣ своему, въ алтарномъ углубленіи (абсидѣ) — Богоматерь съ распростертыми руками молящаяся о нашемъ спасеніи и о побѣдѣ надъ врага-

1) Это свѣдѣніе заимствовано изъ рукописной исторіи Антіох. патріарховъ, составленной священникомъ Михаиломъ Брекомъ на Арабскомъ языкѣ, и переведенной для меня въ Дамаскѣ на греч. языкъ въ 1844 году.

καὶ μαρτύρων, καὶ δὴ καὶ προφητῶν καὶ πατριάρχων, ὅλον πληροῦντες ταῖς εἰκόσι τὸ τέμνος ἐξωραΐζουσιν¹⁾).

ми, а на стѣнахъ — лики апостоловъ, мучениковъ, пророковъ и праотцевъ.

Поразительное сходство! Удивительное увѣковѣченіе изящнаго вкуса царя Василія, утвердившаго Православіе! Такое подражаніе ему, мнѣ кажется, возбуждено было и признательностію потомства къ этой заслугѣ его. Лицевые святцы, составленные при этомъ государѣ не неукснными живописцами, и сказанія о чертахъ лица и внѣшнемъ видѣ Святыхъ, апостоловъ, мучениковъ, святителей, преподобныхъ, и даже нѣкоторыхъ пророковъ, помѣщенные въ Синаксарѣ, который составилъ нѣкто Петръ въ десятомъ вѣкѣ, эти Святцы и сказанія придали иконной и стѣнной живописи историческую достовѣрность и ту просопографическую = лицеписную неизмѣнность, по которой на старинныхъ иконахъ съ разу узнаешь, напримѣръ, апостоловъ Петра и Павла, великомученицу Екатерину, святителей Николая чудотворца, Григорія Богослова, Иоанна Златоустаго, Кирилла Іерусалимскаго, и прочихъ²⁾. Съ той поры, когда царь Романъ изъ Едессы перенесъ въ Константинополь нерукотворенный образъ Спасителя (944 г.), извѣстный еще святому Ефрему Сирину, историку Евагрію († 593 г.), Иоанну Дамаскину и Льву чтецу Константинопольской Церкви (787 г.), православный Востокъ почиталъ и живописью воспроизводилъ только этотъ образъ, но никогда не принималъ Убруса Вероники, ни стариннаго безъ терноваго вѣнца, о которомъ письменное извѣстіе въ первый разъ появилось въ послѣдней четверти одиннадцатаго вѣка, ни поздняго съ онымъ вѣнцомъ и съ страдальческимъ окровавленнымъ ликомъ І. Христа, появившагося съ 1495 года³⁾, не принималъ, потому что этотъ Убрусъ былъ неизвѣстенъ древнимъ историкамъ даже западнымъ. На этомъ Востокѣ, послушномъ евангелію, никогда въ церквахъ не былъ изображаемъ Богъ Отецъ, котораго никто нигдѣ не видалъ, а у главы едиnorodнаго Сына его І. Христа надписывалось евангельское слово Ο ΩΝ = ΟΥΝ, для означенія Божеской Упостаси его, воспринявшей въ себя человѣческое естество⁴⁾; Богоматерь съ божественнымъ Младенцемъ на иконахъ всегда изображалась, какъ небесная Владычица и Царица, ΔΕΣΠΟΙΝΑ, ΠΑΝΤΑΝΑССΑ, которой *сотворилъ величіе Сильный, да ублажатъ ее вси роди*, и которую всѣ любили привѣтствовать, Радуйся, но никогда не писалась, какъ земная Матерь скорбящая, Mater dolorosa, особенно чтимая католиками. Достойны вниманія

1) Φωτίου ἔκφρασις τῆς ἐν τοῖς Βασιλείοις νέας ἐκκλησίας τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου, ὑπὸ Βασιλείου τοῦ Μακεδόνα οἰκονομηθείσης. — Patrolog. Graecae cursus complet. T. III. Paris. 1860. pag. 572.

2) Я имѣю Синаксаръ вышепомянутаго Петра, переписанный въ 1249 году. Въ предисловіи къ нему сказано, что многіе ученые мужи принимались *кратко* составлять Житія Святыхъ и обозначать дни памяти ихъ, но нѣкоторые изъ нихъ по невнимательности своей, а иные по недостатку матеріаловъ (ἀπειρία), изложили ихъ беспорядочно и не послѣдовательно: οὐ κατ' εἶρηδόν, οὐδὲ κατὰ τάξιν, ἀλλὰ συγχευμένως καὶ ἀνακολουθῶς ἐξέτετο: наконецъ нѣкто Петръ, пользовавшійся лучшими сочиненіями древнихъ писателей, составилъ и издалъ въ свѣтъ Синаксаръ полный и отчетливый. Онъ, какъ видно изъ моей рукописи, жилъ вскорѣ послѣ царя Льва мудраго.

3) Waagen, Handbuch d. Geschichte d. Malerei. 1862.

4) Иоанн. 1, 18. — 3, 13. — 6, 46. — Смotr. Библейскую рѣдкость А. П. У. 1864. стран. 50, 51.

живописные отвѣты православнаго Востока раскольниковъ Западу. Вздумалъ этотъ Западъ, въ противность древнему преданію, своевольно изображать у распятаго Господа стопу на стопѣ, пронзенную однимъ гвоздемъ, а Его — еще живаго на крестѣ, съ открытыми очами, иногда безъ бороды, иногда въ Папской тиарѣ, иногда съ выраженіемъ лица страдальческимъ, которое непристойно Богочеловѣку, не имѣвшему грѣха, и возшедшему на крестъ добровольно¹⁾: на такое изображеніе Востокъ отвѣтилъ своимъ живописнымъ распятіемъ, представляя Господа на крестѣ съ двумя порознь пригвожденными стопами, съ закрытыми очами, съ спокойнымъ выраженіемъ лица, и тѣмъ внушая, что все уже совершилось, добровольныя страданія перенесены съ твердостью духа, жертва принесена и принята Богомъ, смерть для насъ есть уже успеніе, сонъ, а не наказаніе за грѣхи. Отмѣнилъ оный Западъ преподаваніе мірянамъ животворящей крови Христовой: эту отмѣну Востокъ, помнившій слово Господа, — *пійте отъ нея вси*, — обличилъ изображеніемъ Тайной Вечери, на которомъ Спаситель преподаетъ апостоламъ тѣло и кровь порознь. Самое старшее изображеніе ея въ такомъ видѣ помѣщено въ живописной псалтири десятаго вѣка, принадлежащей Пандократорскому монастырю на Аѳонѣ. Оно отподоблено мною. Вздумалъ оный Западъ Пургаторіумъ, то есть, огонь будто бы очищающій души усопшихъ: на эту выдумку Востокъ, послушный евангелію, въ которомъ сказано, — *идутъ сіи въ муку вѣчную, праведницы же въ животъ вѣчный*, — отвѣтилъ изображеніемъ Рая и Ада, и въ первомъ — олицетвореніемъ покоя душъ въ лонѣ Авраама, а во второмъ — размѣщеніемъ ихъ въ вѣчномъ огнѣ, мразѣ, мракѣ, и среди червей неусыпающихъ. Такое изображеніе было извѣстно тамъ еще въ одиннадцатомъ вѣкѣ. Я на Аѳонѣ въ Иверѣ нашелъ его въ Житіи Индѣйскаго царевича Іоасафа, переписанномъ въ этомъ вѣкѣ, и отподобилъ съ красками.

Благотворно было для восточной Церкви мирное обращеніе всѣхъ еретиковъ въ Православіе въ предѣлахъ Греческаго царства. Послѣ этого событія уже никогда не было тамъ ни гоненій, ни мученій за разномысліе о Вѣрѣ. Эта Церковь, по праву и долгу самосохраненія, хотя и продолжала анаематствовать разномыслящихъ и упорныхъ, то есть, отлучать ихъ отъ общенія съ собою; но анаемы ея, произносимыя въ недѣлю Православія, были не наказанія, а духовно-нравственныя средства къ вразумленію заблуждающихъ и непокорныхъ вселенской Правдѣ, или, святой истинѣ, исповѣдуемой многочисленными сонмами вѣрующими и засвидѣтельствованной многими Соборами и святыми мужами. Притомъ въ ней самой ослабѣлъ тотъ сильный порывъ къ утонченнымъ преніямъ богословскимъ, который прежде крушилъ ее, и надолго отдѣлилъ отъ нея многочисленныхъ чадъ. Ей стали неприятны измѣнчивыя мудрованія не святыхъ людей о непреложныхъ тайнахъ Вѣры, откровенной Богомъ. Она признала, что для вѣчнаго спасенія душъ достаточно исповѣдовать тѣ одни догматы Вѣры, которые опредѣлены были семью вселенскими Соборами и уяснены св. Отцами, особенно, Василиемъ великимъ, Григоріемъ богословомъ и Іоанномъ Златоустымъ. Съ той поры, когда св. Игнатій патріархъ Константинопольскій въ 871 году вновь совершилъ Послѣдо-

1) Christus Archaeologie von Glückselig. Prag. 1863. Seite 145 und folg.

ваніе Службы въ недѣлю Православія, составленное св. Меѳодіемъ при царицѣ Θεοδορῆ¹⁾, возгласы въ этомъ Послѣдованіи, — Сія вѣра апостольская, сія вѣра отеческая, сія вѣра православныхъ (ὁρθόδοξων), сія вѣра вселенную утверди — эти торжественные возгласы повторялись восточною Церковію во всѣ послѣдующіе вѣка. А неизмѣнная преданность ея ученію Василя, Григорія и Іоанна, ознаменовалась даже установленіемъ особаго праздника въ 1084 году въ память сихъ трехъ учителей, которые названы вселенскими. Творенія же ихъ переписывались, читались и перечитывались въ царскихъ чертогахъ, въ домахъ вельможъ и богатыхъ людей, во всѣхъ монастыряхъ и приходскихъ церквахъ; посему-то и дошли до насъ многочисленные списки съ нихъ, хранящіеся во всѣхъ лучшихъ библіотекахъ на Востокъ и Западъ. Эти Творенія любимы были Славянами и прочими народами православными, любимы даже такъ, что у нихъ въ теченіи многихъ столѣтій рѣдко кто говорилъ проповѣди своего сочиненія. Напримѣръ: въ Сиріи съ девятаго вѣка извѣстны только два проповѣдника, іеродиаконъ Абдалла Антиохіанинъ, скончавшійся въ 1052 году, и Алеппскій митрополитъ Мелегій, преставившійся въ 1635 году²⁾, а въ Палестинѣ одинъ Аѳанасій патріархъ Іерусалимскій, которъ живъ былъ въ 1236 году³⁾. Священное Писаніе, догматы и правила семи вселенскихъ Соборовъ, апостольскія и отеческія преданія, литургіи, пѣснопѣнія и Творенія св. Отцовъ древнихъ, вотъ все, чѣмъ наипаче утверждалась вѣра православныхъ христіанъ съ девятаго нееретичнаго вѣка ихъ, и чѣмъ отстаивали ее просвѣщенные архипастыри и учителя, когда имъ нужно было обличать мудрованія Папистовъ и братски приглашать ихъ къ единомыслію вселенскому. Въ ихъ посланіяхъ къ Папамъ, въ ихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ, направленныхъ противъ ихъ мудрованій, рѣдко употреблялись силлогизмы, или, умствованія о предметахъ Вѣры, вызванные силлогизмами же Папистовъ, напротивъ чаще всего просто излагались древнія ученія вселенской Церкви. Всѣ они, начиная отъ Фотія до современныхъ намъ восточныхъ святителей, отвѣчавшихъ Папѣ Пію IX, всѣ

1) Въ рукописи Аѳано-Кутлумушскаго монастыря, содержащей эту службу, а написанной на пергаментѣ вскорѣ послѣ 1352 года, сказано «что Богъ, вспомнивъ поношеніе, которымъ уничижили Церковь иконоборцы, возвеличилъ Православіе, въ первый разъ послѣ многолѣтняго поруганія св. иконъ, и во второй спустя почти 30 лѣтъ послѣ этого поруганія.» А такъ какъ первое торжество Православія было вскорѣ по смерти послѣдняго иконоборнаго царя Θεοφιλα при супругѣ его Θεοδορῆ въ 841 году; значить второе, бывшее спустя 30 лѣтъ, совершенно было въ 871 году при патріархѣ Игнатіи. — Τούτου τοῦ ὀνειδισμοῦ, οὗ ὀνειδίσαν οἱ ἔχθροί κυρίου.. ἐπιμνησθεῖς ὁ Θεὸς ἡμῶν, . πέπραχε δεῦτερον, ὅπερ ἐτέλεσε πρότερον. πρότερον μὲν γὰρ μετὰ πολυετη τινὰ χρόνον τῆς τῶν ἁγίων εἰκόνων ἐκφαυλίσσεως καὶ ἀτιμίας ἐπανέστρεψε τὴν εὐσεβείαν εἰς ἑαυτήν· νυνὶ δὲ, ὅπερ ἐστὶ δεῦτερον, μικροῦ μετὰ τριάκονταετηρίδα κακώσεως κατηργήσατο τοῖς ἀναξίοις ἡμῖν τὴν τῶν δυσχερῶν ἀπαλλαγὴν, καὶ τῆς εὐσεβείας ἀνακήρυξεν, καὶ τῆς εἰκονικῆς προσκυνήσεως τὴν ἀσφάλειαν, καὶ τὴν πάντα φέρουσαν ἡμῖν τὰ σωτήρια ἑορτήν.

2) Ἐναρετώτατος ἱεροδιάκονος Ἀπδαλλας ὁ Ἀντιοχεύς ἐφώτισε τὴν Συρίαν μὲ τὰς θείας ἐρμηνείας καὶ διδασχὰς του, καταλιπὼν εἰς τὴν ἐκκλησίαν πολλὰ συγγράμματα, καὶ μετὰ γῆρας βαδὺ ἀπῆλθεν ἐν εἰρήνῃ πρὸς κύριον τῷ 6560 ἔτει ἀπὸ τῆς κοσμογονίας, καθὼς ἀναφέρεται εἰς τὸ προϊμίον τοῦ βιβλίου καλουμένου, Ἀγαλλίαμα τοῦ πιστοῦ. — Ἡ διδασχὴ τοῦ Μελετίου ἐμαλάκωνε τὰς καρδίας καὶ εἴλεεν αὐτὰς εἰς ἔλεον καὶ ἐργασίαν τῆς ἀρετῆς, ὥστε πολλοὶ τῶν χριστιανῶν διὰ τὴν πρὸς αὐτὸν ἀγάπην παρήτησαν τοὺς τόπους των καὶ μετέβησαν εἰς τὸ Χαλέπτι. (Καταγραφὴ τῶν κατὰ καιροῦς ἐν Ἀντιοχείᾳ πατριαρχευσάντων συντεθεῖσα παρὰ τοῦ ἱερέως Μιχαὴλ Μπίρεκ.)

3) Для меня переведены двѣ проповѣди Аѳанасія съ Арабскаго языка на новогреческій. Онѣ будутъ напечатаны, когда Богъ велитъ.

твердили соперникамъ своимъ одно и тоже: «Глава Церкви Христосъ: основаніемъ ея служить исповѣданіе Петра, — Ты еси Христосъ сынъ Бога живаго: Семь святыхъ вселенскихъ Соборовъ суть семь столповъ богословствующей мудрости¹⁾: нельзя ничего ни прибавлять, ни убавлять въ Символѣ вѣры и во всемъ прочемъ, что узаконено этими Соборами²⁾: вселенскій Соборъ судитъ всѣхъ, а самъ не судится никѣмъ: всѣ христіанскія Церкви равны и свободны; слѣдовательно, ни одна изъ нихъ не можетъ быть главою и владычицею прочихъ³⁾: нѣкоторымъ изъ нихъ присвоено, не первенство, и не главенство, а старшинство — *πρεσβεῖα*, и присвоено властію вселенскихъ Соборовъ, а не самимъ Господомъ⁴⁾: совершеніе Евхаристіи на пресномъ хлѣбѣ непристойно христіанамъ, непразднующимъ Иудейскую пасху, и проч.» Вся эта вселенская Правда не была уважена западною Церковію. Эта Церковь, какъ извѣстно, не только не отмѣнила обличенныхъ еще Фотіемъ мудрованій, но даже увеличила число ихъ, вымысливъ чистилище душъ, индульгенціи, вмѣненіе заслугъ людей святыхъ людямъ грѣшнымъ и кающимся, непричастность св. Дѣвы Маріи первородному грѣху, и проч. А восточная Церковь удержала древнее вселенское Православіе, и ничего не прибавивъ къ нему и не убавивъ отъ него, только уясняла оное соборнѣ. Такъ, когда догматъ объ единосущіи Отца и Сына и о равенствѣ всѣхъ совершенствъ ихъ, сопоставленный съ словами Иисуса Христа, — Отецъ мой болѣе мене есть, Боже мой, Боже мой, вскую оставилъ мя еси, — оказался неудобопонятнымъ для нѣкоторыхъ христіанъ и епископовъ, Константинопольскій Соборъ въ 1166 году уяснилъ его по смыслу св. Отцовъ, опредѣливъ такъ: «Отецъ больше Сына не только въ томъ смыслѣ, что Сынъ добровольно *уменьшилъ себя, зракъ раба примъ, въ подобіи человечества бывъ* (Филиппис. 2, 7.), но и въ томъ, что Отецъ раждаетъ изъ себя Сына единосущнаго и равносовершеннаго, Сынъ же не раждаетъ никого: Иисусъ Христосъ Сынъ Божій на крестѣ возопилъ, — Боже мой, Боже мой, вскую мя еси оставилъ — возопилъ отъ лица всѣхъ человѣковъ, ибо оставлены были они, какъ грѣшники, повинные наказанію, а не Самъ Онъ, не сотворившій грѣха; слѣдовательно этотъ крестный вопль есть вопль всего человѣчества, просившаго и просящаго себѣ примиренія и соединенія съ Богомъ⁵⁾. Въ другой разъ, когда по случаю толковъ о Фаворскомъ свѣтѣ, многіе не до-

1) Это — слова Кіевского митрополита Іоанна († 1089 г.) въ посланіи его къ папѣ Клименту, бывшему архіепископу Равенскому, который признанъ былъ папою императоромъ Генрихомъ.

2) Смотри 1-е правило 6-го вселенскаго Собора.

3) Смотри 8-е правило Ефесс. вселенск. Собора.

4) Никейск. Собора правило 7. — Ефесск. Собора правило 8. — Перв. Константиноп. Собора правила 2, 3, 6. — Халкидон. Собора правила 9, 17, 28. — Шест. всел. Собора правило 36.

5) Ἐζητήθη, ὅπως ἢ κατὰ τίνα μείζων τοῦ λέγοντος Χριστοῦ ὁ πατήρ ἐκλαμβάνεται. . . . Οἱ μὲν (ἐπίσκοποι ἐν Συνόδῳ) τῶν τισὶ Γραφικῶν ἀποχρώμενοι χρήσεων, μόνῃ τῇ αἰτίῃ τῆς ἀχρόνου γεννήσεως τοῦ μονογενοῦς υἱοῦ τοῦ Θεοῦ τὴν ἐξηγήσιν ταυτησί τῆς φωνῆς (ὁ πατήρ μου μείζων μου ἐστίν) περιέγραφον. . . Οἱ δ' ᾔδεσαν καὶ τινὰς τῶν πνευματοφόρων τῆς τοῦ Θεοῦ ἐκκλησίας Πατέρων καὶ διδασκάλων τὴν τοῦ κυρίου ταύτην φωνὴν ἐρμηνεύσαντας κατὰ τὸ αἴτιον τῆς ἀκαταλήπτου πρώτης γεννήσεως. . . Οἱ δὲ κατὰ μόνον τὸν τῆς κενώσεως, ἢ συγκαταβάσεως τρόπον, εἰρήσθαι μείζονα τοῦ υἱοῦ τὸν πατέρα διανοοῦντο. . . Ἐντεῦθεν καὶ ἀπογραφεῖται τὰ περὶ τῆς τοιαύτης τοῦ κυρίου φωνῆς, ὅπως ἀκολουθῶς τοῖς ἀνέκαθεν τῶν ἱερῶν συνόδων ἐπισβεστάτοις δόγμασιν ὀφείλει παραλαμβάνεσθαι. Ἐκύρωται γὰρ

умѣвали, какъ надобно думать о дѣйствованіи (ἐνέργεια) всемогущества Божія, — соприисно-
сущно ли оно Божескому естеству, или является, когда нужно, какъ произведеніе воли Бо-
жіей = κτίσμα, — Константинопольскій же Соборъ въ 1352 году опредѣлилъ, что оно со-
приисносущно и совѣчно Божескому естеству, а не творимо»¹⁾). Правда, въ восточной Церкви,
послѣ девятаго нееретичнаго вѣка ея, не много было такихъ Соборовъ, которые подобнымъ
образомъ уясняли принятыя отъ вселенскихъ Соборовъ догматы; но за то она, утомленная
богословскими преніями и довольная этими спасительными догматами, обратилась къ изуче-
нію опытовъ духовной жизни. Преподобный Симеонъ Метафрастъ († 936) написалъ 122
житія Святыхъ, къ коимъ послѣ него присоединены были еще 539. Такая полная Четь-
Миней читалась въ церквахъ и домахъ. Кромѣ ея особенно любимы были христіанами ду-
шеспасительныя Творенія Макарія великаго, Нила Синайскаго, Іоанна Лѣствичника, Марка
подвижника, Аввы Исаїи, Симеона новаго Богослова, и другихъ подобныхъ имъ св. мужей,
которые чтò писали о спасеніи души, то писали по опыту, бывъ просвѣщаемы благодатію
всесовершеннаго Духа. Изданія этихъ Твореній были многочисленны. Увлеченіе ими было
сильное. Царь Левъ мудрый († 911 г.), по подражанію имъ, писалъ книгу о врачеваніи
душъ = ἀκαιστικῆ τῶν ψυχῶν ὑποτύψεις; царица Евдокія, супруга Романа Диогена

καὶ κατὰ τὰς διαφόρους μὲν παρὰ τῶν ἁγίων πατέρων δοθείσας ἐξηγήσεις νοεῖσθαι ταύτην καὶ λέγεσθαι, οὐ
μὴν δέ, ἀλλὰ καὶ κατ' αὐτὴν τὴν ἐν τῷ χριστῷ ἀνθρωπίνην κτιστὴν καὶ περιγραπτὴν φύσιν. — Ἐγκατα-
ληφθῆναι παρὰ τοῦ πατρὸς ἐπὶ σταυροῦ κρεμάμενος ἀνακέκραγεν. ὅπερ οἱ θεῖοι Πατέρες προσώπων τῆς κοινῆς
τῶν ἀνθρώπων φύσεως λεχθέν ἐκλαμβάνονται. ἐκεῖνης γὰρ — ἡ ἐγκατάληψις, ἡ ταῖς ἁμαρτίαις ὑπέδικος γέγονεν, οὐ
γὰρ δὴ Χριστοῦ αὐτοῦ, ὃς ἁμαρτίαν οὐκ ἐποίησε. — [Βασιλικὸς καὶ συνοδικὸς Τόμος, Ἰσᾶχ' ἔτους, ἐπὶ Μανουὴλ βα-
σιλέως πορφυρογεννήτου, ἐγγραγμένους ἐν τῷ θεῷ καὶ τῆς Ἁγίας Σοφίας ἐν πλάκαις μαρμαρίτικαῖς, χειρόγραφον ἐν
βιβλιοθήκῃ τῆς ἱεράς μονῆς τῆς ἐν τῷ ὄρει Σινᾶ.]

— Τοῖς μὴ δεχομένοις τὴν τοῦ ἀληθινοῦ θεοῦ καὶ σωτήρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ φωνὴν, τὴν « ο πα-
τήρ μου μείζων μου ἐστὶ » καθὼς κατὰ διαφόρους τρόπους οἱ ἅγιοι ταύτην ἐξηγήσαντο, οἱ μὲν, κατὰ τὴν αὐ-
τοῦ θεότητα λέγοντες ταύτην ρηθῆναι, διὰ τὸ αἴτιον τῆς ἐκ τοῦ πατρὸς τούτου γεννήσεως, οἱ δὲ κατὰ τὰς φυσικὰς ιδιό-
τητας τῆς προσληφθείσης παρ' αὐτοῦ σαρκὸς καὶ ἐνυποστάτης τῆ αὐτοῦ θεότητι . . . ἀνάθεμα Γ. — [Ἐπιφιλομένη
πρὸς θεὸν ἐτήσιος εὐχαριστία = Служба въ недѣлю Православія — Χειρογραφον ἐν βιβλιοθήκῃ τῆς ἱεράς μονῆς τοῦ
Κουτλουμουσίου ἐν τῷ ὄρει τοῦ Ἄθω.]

1) Τὰ κατὰ μῆνα Ἰούλιον τῆς ε' ἰνδικτιῶνος τοῦ 6860 ἔτους λαληθέντα καὶ πραχθέντα παρὰ τῆς θείας καὶ ἱεράς
συνόδου, τῆς συγκροτηθείσης κατὰ Βαρλαάμ καὶ Ἀκυνθίνου ἐν τῷ θεοφουρήτῳ παλατίῳ τῶν ἱερῶν Βλαχερνῶν, ἔνθον
τοῦ μεγάλου τρικλίνου τοῦ λεγομένου Ἀλεξιακοῦ: †

Β. Τοῖς φρονοῦσι καὶ λεγοῦσι μηδεμίαν ἐνέργειαν φυσικὴν εἶχειν τὸν θεὸν, ἀλλὰ μόνην οὐσίαν, εἶναι ταυτόν τε καὶ
ἀδιάφορον παντελῶς οἰομένοις τὴν τε θεῖαν οὐσίαν καὶ τὴν θεῖαν ἐνέργειαν, καὶ μηδὲ μίαν εἶσθαι τούτων κατὰ τι δια-
φορᾶν, ἀλλὰ τὴν αὐτὴν ποτὲ μὲν νοεῖσθαι, ποτὲ δὲ ἐνέργειαν λέγεσθαι, ὡς καὶ αὐτὴν ἀνόητως τὴν θεῖαν οὐσίαν παντάπα-
σι ἀναιροῦσι καὶ εἰς τὸ μὴ ὄν ἄγουσιν· ἐνεργείας γὰρ μόνον τὸ μὴ ὄν στερεῖσθαι φασὶν ἐπὶ λέξεως οἱ τῆς ἐκκλησίας
διδάσκαλοι· — ἀνάθεμα Γ.

Γ. Ἐτι τοῖς αὐτοῖς φρονοῦσι καὶ λεγοῦσι κτιστὴν εἶναι πᾶσαν φυσικὴν δύναμιν καὶ ἐνέργειαν τῆς τρισυποστά-
του θεότητος, ὡς κτιστὴν ἐκ τούτου πάντως καὶ αὐτὴν τὴν θεῖαν οὐσίαν ἀναγκαζομένοις δοξάζειν· κτιστὴ γὰρ, κατὰ
τούς ἁγίους, ἐνέργεια κτιστὴν δηλοῖ καὶ φύσιν, ἄκτιστος δὲ ἄκτιστον χαρακτηρίζει οὐσίαν. καντεῦθεν ἦδη κινδινε-
ουοῦσιν εἰς ἀθεῖαν παντελῆ περιπίπτειν, καὶ τὴν Ἑλληνικὴν μυθολογίαν, καὶ τὴν τῶν κτισμάτων λατρείαν τῇ καθαρᾷ
τῶν χριστιανῶν πίστει προστριβομένοις, μὴ ὁμολογοῦσι δὲ κατὰ τὰς τῶν ἁγίων θεοπνεύστους θεολογίας καὶ τὸ τῆς
ἐκκλησίας εὐσεβὲς φρόνημα, ἄκτιστον εἶναι πᾶσαν φυσικὴν δύναμιν καὶ ἐνέργειαν τῆς τρισυποστάτου θεότητος, ἀνά-
θεμα Γ. [Ἐπιφιλομένη πρὸς θεὸν ἐτήσιος εὐχαριστία. . . Χειρογραφ. Κουτλουμουσιανόν.]

(1067 — 1071 г.) писала сочиненіе о житіи монахинь. Григорій Синаитъ, Максимъ Кавсокаливскій, Григорій Палама, въ 14 вѣкѣ, словомъ и примѣромъ возбуждали, наипаче въ монахахъ, рвеніе въ внутренней молитвѣ и къ духовному совершенству. Весьма замѣчательно, что до десятаго вѣка ни одинъ царь и ни одна царица у Грековъ не постриглись въ монашество, а послѣ этого вѣка Теодоръ Дука, Андроникъ старшій, Иоаннъ Палеологъ, Мануилъ Палеологъ, Марія, Ирина, Теодора, Елена, инокъ, Ксенія, Евгенія, Евгенія, Ипомони, Теодоръ же инокъ, Антоній инокъ, Иосифъ инокъ, Матвій, скончались въ власнищахъ, и легли въ сырой землѣ подлѣ многихъ патріарховъ и епископовъ, вельможъ и богачей, именитыхъ женъ и дѣвъ, которые приняли схиму, показанную ангеломъ святому Пахомию. Такое явленіе — не безпричинно. Когда христіанская Вѣра опредѣлена и уяснена, тогда остается только философствовать по христіански, то есть, быть благочестивымъ, уповать на Бога, любить его всѣмъ сердцемъ, и готовиться къ вѣчной жизни.

Таковы были проявленія и послѣдствія мирнаго обращенія всѣхъ еретиковъ въ православіе и соединенія Церкви и государства!

Объ этомъ событіи не упомянули Византійскіе историки, потому что они повѣствовали только о гражданскихъ и военныхъ дѣлахъ въ Греческомъ царствѣ, а не о церковныхъ; но оно совершилось, какъ совершилось возстановленіе иконопочитанія при Фотіи, переселеніе мірскихъ жителей съ Аѳона въ Пелопонесъ при Алексѣ Комнинѣ¹⁾, подчиненіе Валахской Церкви Константинопольскому патріарху и Синоду его въ 1359 году: о чемъ однако нѣтъ ни слова у оныхъ историковъ, нарочито не говорившихъ ни о законодательствѣ, ни о военномъ и мореходномъ искусствѣ, ни о зодествѣ и живописи, ни о народномъ просвѣщеніи у Византійскихъ грековъ. Это событіе подготовилъ Фотій вмѣстѣ съ государями Михаиломъ и Василиемъ: онъ же и оповѣстилъ его въ своемъ столповомъ Словѣ, которое имѣетъ всю силу достовѣрнаго свидѣтельства очевидца.

Фотій былъ великій человекъ. Отъ него узнали мы и событія великія, какъ то, первый походъ Россовъ къ Константинополю, вторичное возстановленіе иконопочитанія, обращеніе всѣхъ еретиковъ въ Православіе и соединеніе Церкви и государства. Это знаніе есть драгоценный прибытокъ нашъ. Но надлежало бы намъ лучше знать и самого Фотія. А никто у

1) Это свѣдѣніе заимствовано изъ хрисовула царя Андроника старшаго, Палеолога, 1292 года. А хрисовулъ этотъ хранится въ Аѳоно-Ватопедскомъ монастырѣ. « Τῷ πρώτῳ βασιλεὶ Ἀλεξίῳ τῷ Κομνηνῷ μετὰ πάσης συνέσεως ἔδοξε μετοικῆσαι τοὺς ἐγγυρτίους ἐκ τοῦ ἁγιονύμου ὄρους τοῦ Ἄθω πρὸς Πελοπόννησον, πάντες κοσμητικοῦ θορύβου ἀπηλλαγμένους, τοῖς τὸν μονῆρην βίον προαιρουμένοις τὸν τόπον καταλιμπάνων ἡσυχον καὶ ἀτάραχον. Ἐτυχε δὲ μέινασα ἡ χώρα τοῦ Μιχαήλ ἐν μέσῳ κειμένη τοῦ Βατοπεδίου καὶ τοῦ Ἐσφιγμένου, ἐφ' ᾧ πλείστα ταραχαὶ καὶ θόρυβοι καὶ τῆς αὐτῶν ἐπιγγελίας ἀπέσια μίση ἀλλήλους προσανεφύοντο . . . ὁ βασιλεὺς ἐπέσταξεν, ἵνα διαχωρισθῇ ἡ χώρα αὕτη εἰς δύο μέρη.

насъ до сей поры не написали полного житія его. Однако онъ будетъ имѣть своего Метафраста. Подождемъ его, а теперь на основаніи разсмотрѣнныхъ бесѣдъ составимъ себѣ понятіе о строѣ и свойствахъ рѣчи Фотія, и о познаніяхъ, способностяхъ и качествахъ его.

Начала, или приступы всѣхъ бесѣдъ этого витія — блистательны, заманчивы, увлекательны. Логическое расположеніе каждой изъ нихъ просто, а содержаніе богато и для насъ ново. Рѣчь его, рѣчь возвышенная, сильная, звучная, плавная, соответствующая предметамъ ея, настроена по образцамъ Твореній древнихъ Еллинскихъ писателей, и особенно Фуккида и Димосѣна, которыхъ выраженія замѣтны въ Бесѣдахъ¹⁾. Она искусственна. Самъ Фотій дома не говорилъ такъ, какъ бесѣдовалъ въ храмѣ св. Софій. Однако слушатели понимали его, потому что въ школахъ изучали сказанныя Творенія, и потому что онъ, по обычаю Греческихъ проповѣдниковъ, произносилъ бесѣды наизусть и нараспѣвъ, какъ они произносятъ ихъ и нынѣ. Особенности свойства рѣчи его суть игривость отъ созвучія словъ, стремительность и великоразмѣрная картинность. Представляю примѣры, въ которыхъ видны эти свойства. Вотъ игра словъ созвучныхъ (ρῥῶμα):

— Οὕτω μαστίζεται λαὸς ἀμαρτάνων ἢ ξίφεσι πολεμίων ὤριζόμενοι, ἢ θηρίων ὀδοῦσι κατὰ στίβους, ἢ ἀέρος φθόρον συνφθειρόμενοι.

— Δακρύω κατὰ σὺν ὑμῖν, εἰπερ ἐστὶ δακρύων καιρὸς ὁ παρὼν καιρὸς, ἀλλὰ μὴ πολλῶ μείζων τῆς δακρύων φορέας ἢ καταλαβοῦσα συμφορά.

— Ἐγὼ ὑμῖν ἐγγυῶμαι τὴν σωτηρίαν, ἂν αὐτοὶ συντηρήσητε τὰς ὁμολογίας. ἐγὼ τὴν τῶν δυσχερῶν ἀπαλλαγὴν, ἂν ὑμεῖς πάγιον τὴν ἐπιστροφὴν. ἐγὼ τὴν ὑποχώρησιν τῶν ἐχθρῶν, ἂν τὴν ἀναχώρησιν ὑμεῖς τῶν πασῶν.

— Τάυτης (τῆς Μητρὸς τοῦ Λόγου) τὴν παρρησίαν εἰς σωτηρίαν ἐπιβώμενοι. αὐτὴν θραύσαι τὸ θράσος τῶν βαρβάρων καθικετεύοντες.

Такъ карается народъ грѣшный: то мечи враговъ *пожинаютъ* его, то зубы звѣрей *пожираютъ* его, то порча воздуха *портитъ* его.

И я плачу съ вами, если только время теперь плакать, и если охватившій насъ *потокъ* горя не больше *тока* нашихъ слезъ. Иначе: если постигшее насъ *горе* не такъ *горько*, что еще можно выронить слезу.

Поручимся другъ другу, я за ваше *спасеніе*, а вы за то, что нѣтъ *опасенія* касательно договоровъ, я за *отращеніе* бѣдствій, а вы за *обращеніе* къ Богу, я за *удаленіе* враговъ, а вы за *отдаленіе* отъ страстей.

Ея (Матери Слова) *дерзновеніе* призывали во *спасеніе*: ее умоляли *сдержатъ дерзость* варваровъ.

1) Напр. τιμωρίαν ὑπέχειν, Thucid. — Ἠλίκος ἐστὶ. Demosth.

— Ὁ ρ γ ῆ ν εἶχον εἰς τὴν κατ' ἡμᾶς ἐπι-
δρομὴν, συνελάνουσαν αὐτὰς φιλανθρωπίαν
ἔυρομεν θεοῦ, τούτων ἀναστέλλουσιν ὁ ρ μ ῆ ν.

— Μηδεὶς τὰς τοιαύτας ὑποσχέσεις λήσῃ
λυμανάσω. ἡ γὰρ τούτων λήσῃ ὀργὴν
οἶδεν ἀνάπτειν θεοῦ.

— Τί τοσαύτην ἔχει τῆς μοχθηρίας τὴν
ὑπερβολὴν, ὡς τηλικαύτην κινεῖν ἀπει-
λήν;

— Ὅταν κατορθοῦντες μὲν οἰκειώμεθα
θεῷ, καὶ τὸ κρατεῖν ἡμῶν παραγίνεται
τῶν ἐχθρῶν τῷ κρατεῖ τῶν πασῶν.

Ихъ привелъ къ намъ *интересъ*; но за ними,
какъ мы видѣли, слѣдовала Божія милость
и отвратила ихъ *набѣды*.

Пусть никто *не забывается* и обѣщаній
своихъ *не сбываетъ* какъ нибудь; ибо заб-
вение ихъ умѣло воспламенить гнѣвъ Божій.

За какіе чрезвычайныя *пороки*, даны та-
кіе страшныя *уроки*;

Когда мы, исправляясь, приближаемся
къ Богу, тогда удается намъ и *державитъ*
надъ врагами при *сдержаніи* страстей.

Фотій, какъ извѣстно, любилъ поэзію, и самъ сочинялъ стихи, и церковныя римическія пѣснодѣнія. Поэтичность его выразилась и въ бесѣдахъ увеселительными созвучіями словъ. А быстрота его мыслей и воображенія придавала рѣчи его стремительность. Онъ былъ вихрь, когда говорилъ: «знаю, что и вы сами горюете. но время не терпитъ, судія неумолимъ, угроза страшна, беззаконій много, покаяніе недостаточно». Онъ былъ мгновенно-рисующій свѣтъ, когда показывалъ, какъ карается народъ грѣшный: «то мечи враговъ пожираютъ его, то зубы звѣрей пожираютъ его, то небесныя молніи испепеляютъ его, то порча воздуха портитъ его»: или, когда изображалъ мщеніе Россовъ: «они губятъ все, нивы, жилища, пажити, стада, женъ, дѣтей, старцовъ, юношей, всѣхъ сражая мечами. Гибель всеобща. Они, какъ саранча на нивѣ и какъ ржавчина на виноградѣ, или страшнѣе, какъ жгучій зной, тифонъ, наводненіе, явились въ странѣ нашей». Онъ поражалъ слушателей крупнымъ градомъ, когда твердилъ имъ: «такъ, мы побиты нашими беззаконіями, изнурены страстями, унижены грѣхами, сгублены злыми дѣлами, и стали поношеніемъ и поруганіемъ сосѣдей нашихъ». Онъ металъ огни у стремниа, когда предостерегалъ отъ бѣдъ и наказаній, говоря: «Худое дѣло пьянство. Худое дѣло блудъ. Худое дѣло неправда. Худое дѣло ненависть къ братьямъ, гнѣвъ на ближняго, презрѣніе, зависть, убійство. Худое дѣло лѣность и безпечность. Все это скопляетъ грозу.» Онъ разсыпался въ хвалахъ, когда обрадованный побѣдою Церкви надъ иконоборствомъ говорилъ: «Вся хороша она! Отъ пораженій укрылась, отъ язвъ исцѣлилась, прахъ отрясла, ругателей низринула въ тартаръ, пѣвцовъ превознесла до неба. Недостатка нѣтъ въ ней! Она лучше стала. Раны ея зажили. Старинное убранство ея все на ней, какъ на невѣстѣ. Увидѣли ее дѣвы, и ублажаютъ ее царицы: кто она, прекрасная, какъ луна? превосходная, какъ солнце?» Можно ли говорить живѣе, какъ говорилъ такъ Фотій? Любо слушать такія стремительныя рѣчи его. Онъ *похищаетъ* тебя въ высокую область истины, когда говоритъ: «Сынъ проповѣдуется единосущный Отцу. Духъ совчисляется съ ними въ едино Божество. Слово, пріавшее шогъ

отъ Дѣвы, не отдѣляется отъ человѣческаго естества. Всякое заблужденіе и мечтаніе прогнано далеко. Переселеніе душъ уже не проповѣдуется. Басни не помогаютъ бѣсамъ вспрыгнуть на высоту, съ которой упали они по злой волѣ своей. И самъ Христосъ уже не осмѣивается...» Не будь такихъ краткихъ выраженій, такихъ летучихъ зарницы: рѣчь Фотія не была бы стремительна. Но какъ на небѣ рѣдко блистаютъ зарницы, такъ и въ бесѣдахъ этого витія не часто употребляются быстрыя рѣчи, а только тогда, когда нужно, и только тамъ, гдѣ надобно. Фотій, какъ искусный ораторъ, бережливъ на нихъ. Онъ не щедръ и на картины. Но за то онѣ огромны и великолѣпны у него. Таковы картины, изображающія входъ Россовъ въ Константинопольскій проливъ, ихъ мщеніе, покаяніе Византіи, и чудо отъ ризы Богоматери. На первой картинѣ представлено успокоенное море; по этому морю въ виду всѣхъ жителей Царьграда плывутъ Русскіе корабли, и навѣвають на нихъ что-то свирѣлое и дикое и убійственное; а на корабляхъ стоятъ вооруженные воины, и простерши на седмихолмный городъ обнаженные мечи свои, потрясаютъ ими и грозятся. Византійцы — всѣ въ ужасѣ. На второй картинѣ, вдали, показаны холмы, долины, пещеры, рощи и нивы, всѣ покрытые трупами; ближе, умираютъ люди зараженные язвою, а на первомъ планѣ въ устьяхъ рѣчекъ струится кровь, на берегахъ пролива дома горятъ, водоемы завалены мертвыми тѣлами, у камней лежатъ разможженные младенцы и подлѣ нихъ матери, рыдающія, умирающія, растерзанныя на части, вездѣ по мѣстамъ раздѣльно бугрятся трупы мушницъ и воловъ, юношей и коней, и зарѣзанныя жены и кóкоши. На третьей картинѣ есть что посмотреть! Гордые смиряются, сластолюбцы постыются, у весельчаковъ и игроковъ слезы ручьями текутъ по щекамъ, ростовщики раздають деньги бѣднымъ, плюнувъ на свое серебро и золото, многіе руками и ногами даютъ знать, что впредь они будутъ служить образцами добродѣтели. На четвертой картинѣ идетъ крестный ходъ по стѣнамъ Царьграда. Фотій несетъ на рукахъ своихъ ризу Богоматери, а въ эти минуты Россы отъ какого-то непонятнаго страха обращаютъ тылъ свой, насыпь же ихъ осыпается, какъ по данному знаку; наконецъ, Господь съ неба призываетъ на покаявшихся и гонить полки Россовъ, а они послѣшно удаляются. Эти витійственныя картины Фотія стоять того, чтобы воспроизвестъ ихъ красками, но — на мѣстѣ, въ Царьградѣ, на берегахъ его пролива. Пусть другіе исполнятъ это художественное дѣло, какъ умѣютъ: а мы округлимъ свое понятіе о великомъ витіи.

Онъ говорилъ всѣмъ душевнымъ силамъ своихъ слушателей, воображенію цвѣтисто, памяти впечатлительно, сердцу чувствительно, совѣсти просто, правдиво и строго, уму ясно и глубокомысленно. Онъ не доказывалъ святія истинны, а указывалъ и освѣщалъ ихъ. Въ бесѣдахъ его отразилась вся душа его со всѣмъ богатствомъ ея познаній, и даже съ пережитымъ бытомъ. Былъ онъ въ военной службѣ: военныя и выраженія его слышались на патриаршей каедрѣ: «мы совѣсть свою признали побѣдительною, совершивъ отступленіе внутрь себя самихъ.» «Былъ онъ предсѣдателемъ государственнаго Совѣта: государственное и сужденіе произнесъ съ патриаршей каедрой:» невозможно, совершенно невозможно одолѣть враговъ виѣшнихъ тому, кто, какъ плѣнникъ, связанъ врагами домашними и проданъ страстямъ... Напередъ удалимъ отъ себя мятежныя умы, и потомъ легко обезсилимъ

силу иноплеменниковъ.» Любилъ онъ дома Иліаду Омѣра : не утерпѣлъ и въ храмѣ, сказалъ, что никто не могъ бы описать раззоренія Царьграда стихами Иліады. Помнилъ онъ Мѣологію : не забылъ и въ проповѣди сравнить еретиковъ съ Вакханками, г'Арпіями и Коривантами, и примолвить, что басни не помогаютъ бѣсамъ вспрыгнуть на ту высоту, съ которой они упали. Зналъ онъ медицину и врачевалъ больныхъ : умѣлъ и сказать, какъ медикъ, что у всѣхъ трусовъ дрожь начинается въ предсердіи (praecordium), и оттуда, какъ изъ источника, пробѣгаетъ по всему тѣлу, и что у пораженныхъ величайшимъ горемъ не льются слезы, отъ того что у нихъ сжимается и цѣпенѣтъ вся внутренность. Занимался онъ Правовѣденіемъ и судебными дѣлами : судебнымъ и языкомъ выразился, припомнивъ» какъ въ день суда Божія каждый самъ дѣлался неумолимымъ судіею грѣховъ своихъ, не упрекая обвинителей въ напраслину, дабы отклонить обвиненіе, не требуя постороннихъ уликъ, и не извертываясь приглашеніемъ свидѣтелей для своего оправданія.» Прислушаемся къ другимъ рѣчамъ Фотія, дабы по нимъ узнать его короче. « Чего люди боятся по мнительности своей, то почитаютъ дѣйствительнымъ, хотя того и нѣтъ : а чего даже и не подозрѣвали, то хотя и виситъ надъ головами, но имъ кажется, что до того еще далеко.» Это говорилъ Психологъ, то есть, знатокъ человеческой души. Но вотъ отрывки и изъ Логики и Физиологіи его!» Пониманіе посредствомъ зрѣнія бываетъ гораздо живѣе того познанія, которое получается посредствомъ слуха, какъ это доказываетъ и опытъ. Склонилъ ли кто слухъ свой къ рѣчамъ : воображеніе его схватываетъ слышанное, а здравый смыслъ обсуживаетъ и передаетъ памяти. Не менѣе сего, ежели не сильнѣе, дѣйствуетъ и зрѣніе. Ибо и оно, посредствомъ тока глазныхъ лучей какъ бы уловляя и схватывая видимый предметъ, представляетъ его уму, а онъ передаетъ памяти для приобщенія къ точнымъ свѣдѣніямъ.» Мы слышали рѣчи Фотія, какъ бывшаго воина и государственнаго мужа, какъ поэта и мѣографа, какъ врача, правовѣда и знатока души, и какъ учителя Логики и Физиологіи : теперь припомнимъ, какъ онъ богословствовалъ. «Сынъ единосущенъ Отцу. Духъ святой Богъ. Слово пріяло плоть отъ Дѣвы для спасенія человеческого рода. Дѣва родила его безстрастно и сверхъестественно. Въ немъ два естества и два дѣйствованія, божеское и человеческое, и оба не слитны но и нераздѣльны. Богъ благъ, безгнѣвенъ и безстрастенъ, потому что въ существѣ его нѣтъ никакого движенія вещества, получившаго бытіе непостижимымъ образомъ, но онъ постановилъ законъ, по которому грѣхъ влечетъ за собою наказаніе. Богъ милостивъ ко всѣмъ кающимся. Помощь его надобно умѣть снискивать наилучшими дѣлами. Пророки суть языки Бога, прорицавшіе будущность, а апостолы — тайноводители, то есть, учредители таинствъ. Петра апостола сама Истина назвала камнемъ и основаніемъ Вѣры, а не Церкви. Мучениковъ и страстотерпцовъ произвела любовь къ Господу, а украсили молитва, постъ и другіе подвиги. Православіе безъ иконъ угрюмо. Иконы поучаютъ. Единство Вѣры освобождаетъ вселенную отъ раздраженія и предупреждаетъ многія бѣдствія. Будетъ судъ страшный и неумолимый. Будутъ осуждены тѣ, которые оказались неготовы въ царство небесное.» Итакъ почти все христіанское вѣроученіе содержится въ четырехъ бесѣдахъ Фотія. Оно выражено въ нихъ православно по преданію древнихъ Отцовъ Церкви, любившихъ свя-

ценную краткость богословія¹⁾. Что касается до правоученія, то оно, по требованію обстоятельности, высказано тономъ обличительнымъ, но такъ, что слышны выговоры, укоризны, увѣщанія наилучшаго отца худымъ дѣтямъ, огорченнаго непослушаніемъ и безнравственными поступками ихъ, отца, который боялся, какъ бы и самое исправленіе ихъ не кончилось съ завтрашнимъ днемъ, и однако желалъ имъ прочнаго счастья и душевнаго спасенія. Тотъ не понялъ бы Фотія, кто, прочитавъ обличенія его, подумалъ бы, что языкъ у него былъ насмѣшливый, язвительный. Насмѣшникъ не плачетъ и не поучаетъ, когда насмѣхается: а Фотій плакалъ и поучалъ, когда обличалъ своихъ слушателей. Нѣтъ спору, что нѣкоторыя обличенія его весьма рѣзки; но онѣ доказываютъ только то, что онъ говорилъ людямъ правду, какъ говорили ее пророки, какъ говорилъ ее *несмысленнымъ* Галатамъ апостолъ Павелъ, какъ изрекалъ ее книжникамъ и фарисеямъ самъ Господь Иисусъ Христосъ. Фотій, какъ извѣстно, жилъ неукоризненно. Даже враги его не очернили поведенія его. Будучи строгъ къ себѣ самому, онъ былъ строгъ и къ другимъ. Правдивая душа его поражена была жестокими поступками христіанъ, умертвившихъ нѣсколько безвинныхъ Россовъ — язычниковъ, и взявшихъ въ неволю ихъ молотильщиковъ, а развратъ и неестественные грѣхи этихъ обидчиковъ, знавшихъ евангеліе, въ сравненіи съ неукоризненными нравами Россовъ, имѣвшихъ неправильныя понятія о божествѣ, огорчали и крушили его чистое сердце тѣмъ сильнѣе, чѣмъ чаще онъ замѣчалъ, что всѣ прежнія увѣщанія его падали въ тернія. Въ такомъ состояніи нельзя было человѣку Божию, пастырю, учителю, патриарху, нельзя было говорить этимъ людямъ спокойно и кротко, когда самъ Богъ послалъ ему въ помощь такихъ грозныхъ проповѣдниковъ, каковы огонь, копьё и мечъ Россовъ: надлежало ему гремѣть, надлежало скребкомъ скребсти жестокаго сердца, и лить огонь на озорниковъ, воровъ, блуддѣевъ, прелюбодѣевъ, неестественныхъ грѣшниковъ, и на такихъ нечестивцовъ, которые только и дѣлали, что надъ всѣмъ смѣялись и пѣли блудныя пѣсни подъ музыку похабную, нападали, на кого ни попало, какъ зараза какая, величались какъ нечистые наруку сановники, и жить не хотѣли, когда не успѣвали мстить по одному подозрѣнію, или, за ворота выталкивали бѣдныхъ и нищихъ въ то время, когда весельчаки питались ихъ богатою трапезою и расхваливали ихъ благонравіе, пугающее бѣдныхъ. Огненный Фотій переплавилъ всѣхъ ихъ и представилъ Богу, какъ новыя златицы. Огненное слово его было дѣйственно, спасительно. Хорошо бы и намъ занять у него этого священнаго огня, и вылить его на современныхъ намъ нечестивцовъ, дабы они хоть одинъ разъ въ жизни сказали, Господи помилуй. Мы только свѣтимъ, и, кажется, не очень ярко, и не во всѣхъ мѣстахъ. Потомство прочтетъ наши проповѣди и подумаетъ, что наши слушатели всѣ были святые, или малосвѣдующіе. Впрочемъ оно и не станетъ судить о нихъ по нашимъ словамъ и бесѣдамъ, кои, какъ извѣстно, не соответствуютъ душевному состоянію современнаго міра грѣшнаго, а о насъ самихъ скажетъ справедливо, что въ числѣ Русскихъ проповѣдниковъ первой половины девят-

1) Образецъ такой краткости предложенъ въ моей книгѣ подъ названіемъ, Вѣроученіе, Богослуженіе и Чиноположеніе Египетскихъ христіанъ (Коптовъ), на стран. 20-й.

надцатаго столѣтія не было ни одного, который походилъ бы на огненный клубъ, пожигающій тернія грѣховъ и согрѣвающій холодныя сердца. Но, говоря это, не уклонился ли я отъ главнаго предмета своего разсужденія? Нѣтъ, я только остановился на минуту, чтобы посмотрѣть: есть ли между нами проповѣдникъ, равный Фотію. Вижу, что нѣтъ его, и снова обращаюсь къ сему великому витію, и продолжаю рѣчь свою о немъ, или лучше о томъ, что онъ умѣлъ говорить, и что въ бесѣдахъ его отразилась вся душа его, одаренная воображеніемъ сильнымъ, вкусомъ изящнымъ, умомъ тонкимъ, и твердо вѣрующая въ Бога. Завидна находчивость Фотія, съ какою онъ умѣлъ пользоваться внезапными волненіями своихъ слушателей, и въ нихъ почерпать гораздо большую силу рѣчи священной. Заплакали они: заплакалъ и онъ, но ободрился, и самыя слезы ихъ обратилъ въ обличителей грѣховъ ихъ. Зашумѣли они: не утихъ и онъ, а заговорилъ еще громче: «не шумите . . . страданія неизбѣжны для всѣхъ живущихъ беззаконно» . . . Завидна такая находчивость Фотія. А впечатлительность и увлекательность его рѣчи сердечной, простой, и разомъ освѣщающей сопоставленное добро и зло, достойна подражанія. Онъ располагаетъ души къ исповѣди, когда говорить: «многokrатно мы были избавляемы отъ бѣдъ: надлежало бы благодарить Бога? не заблагодарезудили. Были спасаемы? облѣнились. Получали прощеніе? не миловали ближнихъ. А обрадованные всѣхъ огорчали, прославленные безчестили, сильные и всѣмъ довольные обижали, и безумствовали!» Слышишь эти слова его, и говоришь про себя: грѣшенъ. Онъ трогаетъ и смиряетъ души, когда высказываетъ свои страхи: «пожалуйте, узнайте, что я сильно боюсь того, что слезы у васъ случайны, милостыня временна, цѣломудріе только дозавтра; того, что вы братолюбивы, пока сдружаетъ васъ общая бѣда; смиренны и благо нравны, пока плѣнь впереди васъ, набожны, пока грозитъ вамъ смерть.» Прислушиваясь къ такому трепетанію и къ такимъ вѣщаніямъ отеческаго сердца Фотія, и, склонивъ голову къ груди, молишься: Господи, беззаконіе мое азъ знаю . . . воздаждь ми радость спасенія твоего, и духомъ владычнимъ утверди мя. Фотій вразумляетъ и умиляетъ души, когда увѣщаетъ: «прещеніе Бога остановлено покаяніемъ: не привлечемъ же его нерадѣніемъ. Гнѣвъ его погашенъ потоками нашихъ слезъ: не воспламенимъ же его снова кипучимъ смѣхомъ и непрерывными потѣхами. Услышалъ Богъ воздыханія сердца нашего и не презрѣлъ воплей нашихъ: не прекратимъ же ихъ, да всегда помогаетъ намъ челоуѣколюбіе Божіе. Худое дѣло пьянство. Худое дѣло блудъ. Худое дѣло неправда и проч., и проч.» Всѣ такія рѣчи его превосходны, повторяю, потому что онѣ сердечны, просты, и разомъ освѣщаютъ намъ добро и зло. — Фотій принадлежалъ къ числу не тѣхъ людей, которые сперва думаютъ, а потомъ говорятъ, и не тѣхъ, которые напередъ говорятъ, а потомъ подумаютъ, а тѣхъ, которые когда думаютъ и чувствуютъ, тогда и говорятъ. Мысль, чувство и слово у него близнецы. Кипитъ у него сердце, кипитъ и рѣчь; плачетъ душа, плачевные изрѣкаетъ и причеты; радуется духъ, радостныя произноситъ и вѣщанія. Чѣмъ больше изучаешь бесѣды его, тѣмъ больше поницаешь, что онѣ суть самородное произведеніе его счастливыхъ дарованій. Фотій никому не подражалъ въ витійственномъ искусствѣ, и ни у кого ничего не заимствовалъ. Правда, одно изрѣченіе въ пятомъ отдѣленіи третьей бесѣды его, — «уви-

дѣлъ умъ, воспринялъ, вообразилъ впечатлѣнія, безъ труда передалъ изъ памяти,» — это изреченіе сходно съ фразою Немезія, писателя четвертаго вѣка, помѣщенной въ его ученіи о душѣ и тѣлѣ¹⁾; но оно (если не прибавлено къ нему нибудь послѣ Фотія) появилось тутъ, не какъ заёмъ, а какъ невольное припоминаніе этой фразы, наслонившейся въ памяти Фотія, вѣроятно, еще тогда, когда онъ слушалъ уроки философіи. Не ему приходилось жить чужимъ добромъ, когда самъ онъ былъ богатъ. Не ему нужда была занимать у когонибудь свѣтъ, когда самъ онъ свѣтилъ, какъ солнце. Многія выраженія и рѣчи въ бесѣдахъ его доказываютъ, что онъ одаренъ былъ воображеніемъ роскошнымъ, блестящимъ, сильнымъ, творящимъ даже диковинные, но живописные, образы. У него Моисей молитвою и словомъ пашетъ облака, какъ поля, и оттуда подаетъ обильную пищу бѣдствующимъ въ пустынѣ; царь Михаилъ пронзаетъ самыя внутренности ересей *богокованнымъ копьемъ*, то есть, письменнымъ Вѣроисповѣданіемъ своимъ; еретики сидятъ въ аду на насѣсти, какъ черные вороны; раскольники съ медвѣжьими ушами слушаютъ всякія притчи и внимаютъ всему, кромѣ истины; грѣхи суть не что иное, какъ подтопка достаточная для возженія вѣчнаго огня; отъ нихъ засыхаетъ Столица, какъ сохнетъ дерево отъ зноя. Поразительны всѣ такія сравненія и подобія, безъ которыхъ однако и рѣчь — не рѣчь на востокѣ. Но вотъ и другіе величественные и прекрасные образы, воспроизведенные роскошнымъ воображеніемъ Фотія. Россійское воинство у него — страшный перунъ, зіяющая молнія, грозное море, которое не стебли пшеницы ломаетъ и не колосья попираетъ, не виноградныя лозы истребляетъ и не молодья лѣтрасли побиваетъ, а людей губитъ за неправду и за жестокость ихъ. Это воинство, какъ громадный исполинъ, можетъ поднять на свое копье цѣлый Константинополь, или схватить его, какъ птичье гнѣздо. Иныя краски рѣчи употребилъ Фотій, когда изобразилъ Церковь, получившую право ввѣствованія святыхъ иконъ. Она представлена имъ то — какъ невѣста, одѣвшаяся во все старинное убранство свое, то — какъ царица, облеченная въ одежду позлащенную и испещренную драгоценными камнями. Иначе описано имъ заматорѣвшее время, которое внезапно породило такое чрезвычайное событіе, каково обращеніе всѣхъ еретиковъ въ Православіе. Оно олицетворено въ видѣ почтенной жены, которая давно не раждала и вдругъ принесла плодъ прекрасный, царственный, цвѣтущій подъ освѣщеніемъ Истины. — Одни эти образы дали бы намъ понятіе о томъ, что Фотій имѣлъ вкусъ изящный. Но въ бесѣдахъ его есть и другія рѣчи, въ которыхъ выразилась его любовь къ изящнымъ искусствамъ, освященнымъ Церковію. Припомните его художественное описаніе той иконы богоматери, которая при немъ внесена была въ Софійскій храмъ; припомните, что она, по словамъ его, была радость очей, веселіе душъ; припомните, что онъ съ пророкомъ Исаіею самого Бога называлъ живописцомъ, который на рукахъ своихъ расписалъ стѣны храма, и тѣмъ далъ примѣръ Рафаэлямъ и Панселинамъ; выслушайте плачевныя причеты его: — «О, красота и величїе досточтимыхъ храмовъ, величїе, изящество, и художе-

1) Nemesius. De la nature de l'homme. Paris. 1844. «L'intelligence les phénomènes reçoit, les juge et les confie à la mémoire.» Эту фразу я привелъ по французски, потому что въ моей бібліотекѣ нѣтъ подлиннаго Творенія Немезія, которое весьма замѣчательно.

ственное убранство! О, храмъ мой, св. Софія, недреманное око вселенной!» — и согласитесь, что такъ плакать, такъ говорить, и такъ описывать, могъ только тотъ, кто любилъ живопись, зодчество, ваяніе, и искусства, гранильное и литейное, и кто зналъ и понималъ всю привлекательную силу онаго недреманнаго ока прекраснаго, которое привлекло къ Спасителю Грузію, Арменію, Сербію, Болгарію, Паннонію, Дакію и Россію. — Фотій ваялъ нѣкоторыя рѣчи свои, и подобно искусному художнику, отдѣлывающему тонкія черты статуи рѣзцомъ тонкимъ, выражалъ ихъ весьма тонко и замысловато, потому что имѣлъ умъ тонкій. Такъ, когда онъ, въ слезахъ, говорилъ своимъ слушателямъ: «и я плачу съ вами, если только время теперь плакать, и если постигшее насъ горе не такъ горько, что еще можно выпронить слезу; ибо случаются несчастія безслезныя»: тогда этими словами намекнулъ имъ, что несчастіе ихъ такъ велико, что другіе отъ него оцѣпенѣли бы, а они только плачутъ немного. Понявши этотъ намекъ, осязаешь всю грѣховную дебелость Византіяцевъ, у которыхъ изъ очей текли *малыя капли* во время такого страшнаго несчастія, которое у другихъ изсушило бы всѣ слезы. Разсмотримъ и другія тонкости рѣчи Фотія: онъ стоитъ вниманія. «Цареградцы отъ страха разслабѣли такъ, что страданія захваченныхъ начали ставитъ въ зачетъ собственнаго плѣна, и *воображеніемъ придумывать*: кто бы долженъ отмстить за несчастныхъ¹⁾».» Говоря такъ, Фотій весьма тонко освѣтилъ ту трусость Византіяцевъ, въ минуты которой они не знали, что и дѣлать, и вмѣсто того, чтобы вступить въ переговоры съ непріятелемъ, начали *воображать*, что онъ-де удовольствуется мщеніемъ тѣмъ согражданамъ, которыхъ захватили въ предмѣстіяхъ Константинополя, а ихъ не тронетъ, и что ктонибудь сейчасъ подоспѣетъ имъ на помощь и отмститъ врагу. Это напоминаетъ тѣхъ растрепанныхъ и растерянныхъ, которые, когда загарается ихъ домъ, берутъ въ руки не вещи свои, и не ведра съ водою, а кочергу и щеты, да и ходятъ съ ними, какъ угорѣлые. Искусно, ловко сказана Фотіемъ правда о государѣ Михаилѣ, который долго не занимался царскими дѣлами.» Славны подвиги царя нашего на браняхъ, послѣ того какъ онъ *присмотрѣлся* къ своему царству; но нечислятъ ихъ я не намѣренъ²⁾».» Витія глаголомъ, *присмотрѣлся*, похвалилъ царя Михаила, но вмѣстѣ и напомнилъ о прежней разсѣянности его, однако напомнилъ кратко, вскользь, и потомъ насаждалъ множество похвалъ ему. Такая мимолетность напоминанія правды, прикрытаго хвалами, и доказываетъ умѣнье Фотія говорить о царяхъ, какъ должно. Онъ рѣчь свою о Михаилѣ искусно изваялъ какъ бюстъ. Видно, что этотъ государь былъ разсудителенъ и твердъ духомъ, добръ, пріятелю и щедръ; но прищуренные глаза его смотрѣли въ сторону. Не съ меньшимъ искусствомъ сказана Фотіемъ правда и о священникахъ и архіереяхъ по случаю искорененія всѣхъ ересей. Обратившись къ нимъ послѣ похвалъ патриціямъ и военачальникамъ, совершившимъ это дѣло, онъ только спросилъ ихъ, — а вы почему молчаливы, — и этимъ вопросомъ намекнулъ на ихъ прежнее бездѣйствіе и на ложный стыдъ, по которому они молчали и тогда, когда совершилось доброе

1) Смотри 2-е отдѣл. втор. бесѣды. — 2) 2-е отдѣл. четверт. бесѣды.

дѣло, и молчали потому, что оно не ими было сдѣлано, началъ хвалить ихъ. Но какъ? — назвалъ ихъ *перелитыми* отъ радости и улады, и такъ, опять, далъ почувствовать имъ и всѣмъ прочимъ, что до перелитія они были какъ бы слѣпое серебро, которое, обыкновенно, переливается¹⁾. Отчеканилъ же ихъ Фотій! однако придалъ имъ много блеску, сказавъ, что взоры и мысли ихъ вперены въ величіе совершившагося событія. И все это правда! Что какъ было, то такъ и пересказано, только кратко, ловко, прикровенно, замысловато! Замѣчательны дальнѣйшія слова Фотія. «Тѣ, которые умѣютъ владѣть собою, умѣютъ и уравновѣсить великую печаль и великую радость.» Въ своемъ мѣстѣ я пояснилъ эти слова въ связи съ предыдущею рѣчью. А здѣсь, по поводу ихъ, считаю не излишнимъ сказать, что, по ученію Фотія, совершенство чловѣка состоитъ въ равновѣсїи всего, что есть въ немъ, и нѣсколько поясняю это ученіе, предоставляя другимъ свободу развитія его вполнѣ. Совершенъ тотъ, кто въ дни радости не забываетъ, что онъ прежде горевалъ. Совершенъ тотъ, кто любитъ другихъ столько, сколько и себя. Совершенъ тотъ, въ комъ воображеніе не преобладаетъ надъ разумомъ, умъ ладитъ съ сердцемъ, образованность соединена съ благопріемъ, доброта — не слабость, строгость — не жестокость, вѣра оправдывается добрыми дѣлами, миръ душевный пріобрѣтенъ исполненіемъ *всѣхъ* добродѣтелей, и проч.

Много совершенствъ имѣлъ Фотій, котораго самое имя значить, Свѣтозарный. Превосходнѣе же всѣхъ ихъ была вѣра его, вѣра живая, сильная, чудодѣйственная. Онъ показаль ее, особенно, во время осады Константинополя Россами. Всѣ тогда дрогнули и не знали, что дѣлать; струсили даже и тѣ, которымъ предоставлено судить о военныхъ дѣлахъ: а онъ не поблѣднѣлъ среди всѣхъ ужасовъ, и даже съ дерзновеніемъ сказалъ самымъ тяжкимъ грѣшникамъ: «я ручаюсь за ваше спасеніе, если вы покаетесь и исправитесь.» Откуда въ немъ такая увѣренность, такое дерзновеніе? и когда же? когда всѣ съ часу на часъ ожидали паденія твердынь Царьграда и переселенія жителей его? Полно, онъ ли говорилъ это въ такое время? Не самъ ли Богъ устами его вѣщалъ: ручаюсь? Или, этотъ глаголь былъ глаголь вѣры его, той вѣры, которая можетъ переставлять горы? Да! Онъ вѣровалъ, что Богъ милуетъ кающихся и хранитъ праведныхъ, и потому ручался за спасеніе погибавшихъ согражданъ подъ условіемъ ихъ покаянія и праведности. Онъ вѣровалъ, что въ нихъ есть запасъ духовныхъ силъ, кои могутъ исправить ихъ, и потому предложилъ это условіе и ручательство, а когда они воспользовались этимъ запасомъ и исправились, тогда примолвилъ: «я вижу, что теперь вамъ легко дѣлать то, чего не дѣлали прежде.» Его вѣра видѣла несуществующее, какъ существующее, преодолѣла дѣйствіе оныхъ запасныхъ силъ во время общаго несчастія, примѣтила за грознымъ станомъ Россовъ появляющуюся милость Божию; и — присовѣтовала грѣшникамъ сбыточное дѣло: «*исправьте пути ваши и дѣла ваши*»: и вѣрно предсказала имъ, что *прекратитъ Господь зло, которое приговорилъ вамъ*. Фотій вѣровалъ, что молитва вѣры есть сила, и что ежели она можетъ спасти болящаго (Іаков. 5, 15),

1) Слѣпымъ серебромъ у насъ называются ходячіе деньги, на которыхъ едва видны слова и изображенія.

то можетъ спасти отъ бѣды и христіанскій городъ, какъ нѣкогда спасла Нисиву отъ огня Персовъ; вѣроваль, что эта сила Богомъ дана душамъ, какъ особенный токъ, стремящійся въ лоно Божества и оттуда возвращающійся къ намъ съ притокомъ того могущества, которое творитъ чудеса, не нарушая основныхъ законовъ природы, зеленить деревянный жезлъ Аарона, придаетъ спасительную силу ризѣ Богоматери, родившей Одѣвающаго свѣтомъ, яко ризою; вѣроваль такъ, и — молился пламенно, одинъ, и вмѣстѣ съ своими страдальцами, съ ними и вмѣстѣ со всѣми святыми и съ Богоматерью, молился въ храмѣ св. Софіи, на перекресткахъ города и на стѣнахъ его, молился въ виду непріятелей, нося на рукахъ своихъ оную ризу. А его и общая молитва вѣры, эта сила, усиленная содѣйствіемъ всемогущества Бога вездѣсущаго и всемогущаго мольбамъ душъ и духовъ, потрясла, не солнца и звѣзды, и не основанія земли, а осадный валъ Россовъ, произвела въ нихъ внезапный страхъ, и обратила ихъ въ бѣгство, когда имъ, какъ посланнымъ бичамъ, уже нечего было бичевать, потому что всѣ грѣхи Византіи были изглажены покаяніемъ и благостію Бога. Такъ все это было. Велика была вѣра Фотія. Убѣдительно было слово ея: сильна была молитва ея. Дивенъ былъ Богъ въ немъ. Чту священную память его. Удивляюсь величію его въ тѣ страшные дни Константинополя, когда онъ, одинъ, смогъ спасти этотъ городъ своею проповѣдію, вѣрою и молитвою. Запечатлѣваю въ умѣ своемъ его пониманіе и объясненіе чуда отъ ризы Богоматери въ связи съ молитвою вѣры покаявшихся христіанъ. Онъ говорилъ, что какъ только дѣйственная риза эта обнесена была по стѣнѣ, и — варвары перестали осаждать городъ, и потомъ примолвилъ: «тогда Господь воззрѣлъ, не на грѣхи наши, а на покаяніе, и склонилъ слухъ свой къ мольбамъ устенъ нашихъ.» Слышишь это и понимаешь, что гдѣ христіанинъ вѣруетъ и молится, тамъ Богъ творитъ чудеса.

И такъ въ бесѣдахъ Фотія отразилась вся душа его, твердо вѣрующая въ Бога, правдивая, строгая къ себѣ и другимъ, и одаренная воображеніемъ роскошнымъ, вкусомъ изящнымъ, умомъ тонкимъ, отразилась съ богатствомъ познаній и съ пережитымъ бытомъ его. Особенныя свойства рѣчи этого витія суть игривость отъ созвучія словъ, стремительность и великообразная картинность.

Достопамятны изреченія его: «Пророки — языки Бога: Иконы изобрѣла любовь къ Господу. Икона Матери Слова — радость очей и веселіе душъ: Храмъ святой Софіи — недреманное око вселенной: Праведный Судія (Богъ) не очень склоненъ прощать, когда надо осуждать: Нѣтъ недостатка въ наказаніяхъ соотвѣтствующихъ искусству грѣшить: Грѣхи — подтопка вѣчнаго огня: Не торгуй милосердіемъ.

Рукописныя бесѣды Фотія давно были извѣстны ученымъ мужамъ въ Европѣ. Въ 1670 году Газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ, судившій нашего патріарха Никона, подарилъ

списокъ съ нихъ нѣкоему Николаю Гейнзию. Онѣ значились въ каталогѣ Мадридскаго книгохранилища, и у Фабриція въ его описаніи Греческихъ книгъ. Но никто не напечаталъ и не перевелъ ихъ всѣ сполна. Въ продолженіи цѣлой тысячи лѣтъ скрывались эти достославныя Творенія Фотія среди сокровищъ, завѣщанныхъ намъ мыслившимъ Востокомъ. Наконецъ четыре изъ нихъ у меня въ рукахъ! Дорожу и люблюсь ими, но не таю ихъ въ кельѣ своей, а передаю всѣмъ въ переводѣ.

Какъ же переведены онѣ? Послѣшно, или обдуманно? дословно, или свободно, но точно? соотвѣтственно, или не соотвѣтственно свойствамъ рѣчи Фотія и тону ея?

Прежде нежели приступилъ я къ переводу сообщенныхъ бесѣдъ, онѣ прочитаны были мною нѣсколько разъ. Въ бытность свою въ Иерусалимѣ въ первой половинѣ 1860 года, я окончательно уяснилъ себѣ смыслъ ихъ и понялъ тонъ ихъ съ помощію одного ученаго Грека Г. К., который основательно знаетъ еллинскій языкъ, и даже говоритъ имъ, съ кѣмъ надобно. Послѣ этого уясненія начать былъ переводъ ихъ на Русскій языкъ. Онъ конченъ. Трудности этой умственной работы преодолены. Смыслъ Бесѣдъ великаго витія переданъ точно и ясно. Его стремительныя рѣчи выражены мною кратко, а игра созвучныхъ словъ удержана и въ переводѣ, гдѣ только можно было сдѣлать это¹⁾. Даже звукоподражательность въ самомъ началѣ первой Бесѣды, гдѣ Фотій сравнилъ Россовъ съ громовою стрѣлою и съ молніею, выражена мною, только гораздо короче. У него шесть трескучихъ звуковъ кр. др. нр. тр. пр. стр. выражаютъ шибку судьбы, подобную шибкѣ эфирныхъ пузырьковъ въ облакѣ, при которой они лопаются и производятъ громъ и молнію: а у меня трещать только два звука, крп. тр. Надлежало мнѣ выказать всѣ эти свойства рѣчи Фотія: иначе, я былъ бы не *traduttore*, а *traditore*, то есть, не переводчикъ, а перевозчикъ, одно марающій, другое ломающій, кое-чего не доставляющій, да и читатели мои не узнали бы, что Свѣтозарный говорилъ иногда стремительно, иногда увеселительно. Долгъ исправнаго переводчика заставилъ меня прискаты въ Русскомъ языкѣ и поговорки, соотвѣтственные поговоркамъ Грековъ. Греки бають: *καιρός δεξιός*: а мы говоримъ, *время не терпитъ*; они, *χειρὸν ἄρχων ἀδίκων*: а мы, — *нечистый на руку сановникъ*; они — *χαλεπὸν ὄχλος ἐπὶ ξυροῦ βαίνει* = бѣды ходятъ по лезвею, то есть такъ легки и быстры на ходу, что по лезвею ножей пройдутъ, и тебя нагонять: а мы баемъ: отъ бѣды куда не укроешься: она вездѣ тебя найдетъ. Не возможно мнѣ было дословно передать иконописное выраженіе Фотія: «въ храмѣ св. Софійи изглажены были таинства зрѣнія = *ὁράσεως μυστήρια*.» Мы не говоримъ такъ, хотя и знаемъ, что иконы посредствомъ зрѣнія напоминаютъ намъ невидимые предметы и таинства Вѣры. Посему я принужденъ былъ сказать: «изглажены были священныя изображенія»²⁾. По необходимости же, ради ясности перевода, расширено и истолковано мною сжатое и отвлеченное выраженіе Фотія въ описаніи иконы Софійской Богоматери: *μηδ'*

1) Всѣ созвучія напечатаны особеннымъ образомъ.

2) Напрасно же говорятъ и пишутъ, что въ св. Софійи уцѣлѣли образа времени царя Иустиніана I-го (6 вѣк.).

ἕτερον μέρος τῶ ἀτελεῖ ἐξυβρίζουσα. Я перевелъ эти слова такъ: «вполнѣ выражая не одну дѣвственность, но и материнство»: а Фотій сказалъ: — «^{не скрывая}
^{не обижая} ни той, ни другой стороны (т. е. ни дѣвственности, ни материнства). Не ясна такая рѣчь, да и не соотвѣтствуетъ величію описаннаго предмета, хотя въ подлинникѣ терпима. Вообще сказать: я перевелъ Бесѣды Фотія не дословно, какъ переведены на примѣръ наши церковныя книги, но передалъ буквальный смыслъ ихъ съ точностію, позволивъ себѣ только укладывать Русскія слова такъ, какъ требовала плавность нашей рѣчи, и кое-гдѣ укоротить длинные періоды Фотія. Что касается до разныхъ тоновъ рѣчи этого витія; то они, смѣю сказать, не понижены и не повышены мною. Рѣзки, печальны, веселы, отрывисты они у него: таковы и у меня. Всѣ аккорды Фотія я изучалъ съ особеннымъ стараніемъ, дабы переводъ мой былъ полное эхо сердечнаго витійства его. Но за чѣмъ говорю все это я, когда вмѣсто меня громче говорить подлинникъ и переводъ на очной ставкѣ ихъ?

Многія части подлинныхъ Бесѣдъ Фотія и *ося* тѣ, въ которыхъ рѣчь идетъ о Россахъ, напечатаны мною для оправданія точности и вѣрности моего перевода, для ознакомленія знатоковъ Еллинскаго языка съ классическимъ слогомъ Фотія, и наипаче для того, чтобы они, прочитавъ подлинникъ, сами, вмѣстѣ со мною, или независимо отъ меня, внесли въ исторію тѣ важнѣйшія событія, кои разсказаны въ Бесѣдахъ, и внесли такъ, какъ разсказалъ ихъ Свѣтозарный. Ручаюсь за полное сходство напечатаннаго мною греческаго текста Бесѣды съ тѣми подлинниками ихъ, которые нашель я на Аѳонѣ. Но да будетъ извѣстно, что сообщенныя въ переводѣ Бесѣды раздѣлены на части, означенныя цифрами I. II. III. и пр., раздѣлены для ясности мною. Въ подлинникахъ нѣтъ такихъ раздѣленій. Тутъ все написано сплошь.

Трудъ мой конченъ.

Благодарю Бога, сподобившаго меня найти Бесѣды Фотія, и удѣлившаго мнѣ даръ понимать языкъ его.

Радуюсь тому, что эта книга, сего дня моя, завтра будетъ общая.

Иди книга въ міръ, и повѣдай ему великія дѣла Божіи, оповѣщенныя Свѣтозарнымъ Фотіемъ.

Ораніенбаумъ.
1864 года, 14 сентября.

Vade liber.

Ο Π Ε Ч Α Τ Κ Η .

Ναпечатано:	Читай:
Стран. 1 αὐτη πληγή	αὐτη καὶ βαρεία πληγή
» 3 ὡς πάλοι Ἰακώβ	ὡς ὁ πάλοι Ἰακώβ
» 4 αἵμασι	αἵμασι
» 7 μετὰ ψαλμωδοῦ ἢ θεία ἀκοήν	μετὰ τοῦ ψαλμωδοῦ ἢ θεία τὴν ἀκοήν
» 19 ἐλεινότερον	ἐλεινότερον
» 27 еко	εγο
» 53 λιμενήροις	λιμενήροις
» 58 полница	полница
» 59 дѣднымъ	βѣднымъ
» 79 так торое	такое событие, которое
